

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В О П Р О С Ы Ж У Р Н А Л И С Т И К И

Russian Journal of Media Studies

Научный журнал

2020

№ 8

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–76394 от 26 июля 2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия

Ю. М. Ершов (Севастополь, Москва, Россия) – главный редактор
Ю. А. Эмер (Томск, Россия) – зам. главного редактора
И. Ю. Мясников (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Н. В. Жиликова (Томск, Россия) – зам. главного редактора
Д. А. Катунин (Томск, Россия) – зам. главного редактора
П. П. Каминский (Томск, Россия) – отв. секретарь
В. С. Байдина (Томск, Россия)
М. А. Бережная (Санкт-Петербург, Россия)
И. В. Высоцкая (Новосибирск, Россия)
Г. В. Кручевская (Томск, Россия)
В. Д. Мансурова (Барнаул, Россия)
М. А. Мясникова (Екатеринбург, Россия)
Е. В. Первалова (Москва, Россия)

Редакционный совет

Е. Л. Вартанова (Москва, Россия)
И. М. Дзялошинский (Москва, Россия)
О. Д. Журавель (Новосибирск, Россия)
С. Г. Корконосенко (Санкт-Петербург, Россия)
К. Лехтисаари (Хельсинки, Финляндия)
Б. Н. Лозовский (Екатеринбург, Россия)
Д. Л. Стровский (Ариэль, Израиль)
П. Тамаш (Будапешт, Венгрия)
В. В. Тулунов (Воронеж, Россия)
Л. П. Шестеркина (Челябинск, Россия)
И. А. Яблоков (Лидс, Великобритания)

Editorial Board

Yu. M. Ershov (Sevastopol, Moscow, Russia) – Editor-in-Chief
Yu. A. Emer (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
I. Yu. Myasnikov (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
N. V. Zhilyakova (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
D. A. Katunin (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
P. P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) – Executive Editor
V. S. Baydina (Tomsk, Russia)
M. A. Berezhnaya (St. Petersburg, Russia)
I. V. Vysotskaya (Novosibirsk, Russia)
G. V. Kruchevskaya (Tomsk, Russia)
V. D. Mansurova (Barnaul, Russia)
M. A. Myasnikova (Yekaterinburg, Russia)
Ye. V. Perevalova (Moscow, Russia)

Editorial Council

Ye. L. Vartanova (Moscow, Russia)
I. M. Dzyaloshinskiy (Moscow, Russia)
O. D. Zhuravel (Novosibirsk, Russia)
S. G. Korkonosenko (St. Petersburg, Russia)
K. Lehtisaari (Helsinki, Finland)
B. N. Lozovskiy (Yekaterinburg, Russia)
D. I. Strovskiy (Ariel, Israel)
P. Tamás (Budapest, Hungary)
V. V. Tulupov (Voronezh, Russia)
L. P. Shestyorkina (Chelyabinsk, Russia)
I. A. Yablokov (Leeds, United Kingdom)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет журналистики
Сайт: <http://journals.tsu.ru/journalism>

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСИСТЕМЫ

Бешкарев А. А. Фейковые новости как метод информационной войны (на примере конфликта вокруг строительства мусорного полигона на станции Шиес)	5
Тулупов В. В. Медиаобразование в эпоху «постправды»	16
Quarmal S. B., Islam M. A. Data Journalism in Combating Misinformation During Bangladesh National Election 2018	27

МЕДИАТЕКСТ И МЕДИАДИСКУРС

Ершов Ю. М. Местная пресса как скрепа социальных пространств	49
Медведева А. Р. Машины интерфейса объяснительной журналистики (на примере интернет-изданий «Медуза» и «Vox»)	71

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Байбатырова Н. М. Общественно-политический дискурс изданий русского зарубежья 1970–1980-х гг.	87
Гордиенко В. А., Жилякова Н. В. Публицистика А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь», 1917 г.	101
Первалова Е. В. Творчество «Могучей кучки» композиторов в оценках консервативной прессы 1860–1880-х гг. (по материалам газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник»)	117
Сведения об авторах	136

CONTENTS

CONTEMPORARY MEDIA SYSTEMS

Beshkarev A. A. Fake News as a Method of Information War (on the Example of a Conflict Over the Landfill Construction at the Shies Station)	5
Tulupov V. V. Media Education in the “Post-Truth” Era	16
Quarmal S. B., Islam M. A. Data Journalism in Combating Misinformation During the 2018 Bangladesh National Election	27

MEDIA TEXT AND MEDIA DISCOURSE

Ershov Yu. M. Local Press as a Bond of Social Spaces	49
Medvedeva A. R. Explanatory Journalism Interface Machines (On the Example of <i>Meduza</i> and <i>Vox</i>)	71

HISTORICAL STUDIES

Baybatyrova N. M. The Sociopolitical Discourse of the Russian Diaspora Publications of the 1970s and 1980s	87
Gordienko V. A. IO, Zhilyakova N. V. Alexander Adrianov’s and Grigory Potanin’s Opinion Journalism in the Newspaper <i>Sibirskaya Zhizn’</i> , 1917	101
Perevalova Ye. V. The Works of the “Mighty Handful” of Composers in the Evaluations of the Conservative Press of the 1860s–1880s (On the Materials of the Newspaper <i>Moskovskie Vedomosti</i> and the Magazine <i>Russkiy Vestnik</i>)	117
Information About the Authors in Russian	136

СОВРЕМЕННЫЕ МЕДИАСИСТЕМЫ

УДК 070

DOI: 10.17223/26188422/8/1

А. А. Бешкарев

ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ КАК МЕТОД ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА ВОКРУГ СТРОИТЕЛЬСТВА МУСОРНОГО ПОЛИГОНА НА СТАНЦИИ ШИЕС)

Проблема фейковых новостей рассмотрена в контексте информационных войн между сторонниками и противниками постройки мусорного полигона на станции Шиес на границе Архангельской области и Республики Коми. Автор на основании наблюдений делает выводы, что источниками ложной информации об этой проблеме служили официальные СМИ, а фактчекинговая активность исходила от гражданских журналистов и рядовых подписчиков сообществ в социальных сетях; это позволило свести к минимуму ожидаемый манипулятивный эффект от сознательных фейковых сообщений.

Ключевые слова: фейк-ньюс, информационные войны, социальные сети, экологические проблемы, социальный протест.

В медийном пространстве одним из самых существенных вопросов, обсуждаемых профессиональными журналистами и представителями научного сообщества, стал вопрос внедрения в практику СМИ всех типов и видов фейковых новостей. На современном этапе фейковизация новостного пространства вышла на принципиально новый уровень из-за непростых геополитических событий. В условиях роста числа фейковых новостей появился общественный запрос на фактчекинг как формат исследования достоверности фактических утверждений в заявлениях публичных лиц и материалах медиа. Фактчекинг развивается не только как медиафункция, но и как глобальная индустрия сетевых ресурсов.

Понятие, сущность и роль фейковых новостей рассматриваются в публикациях С. Н. Ильченко [1], О. С. Иссерс [2], О. Г. Кунгуровой [3], А. П. Суходолова [4] и др. Объединив известные теории, можно

дать определение, согласно которому фейковые новости – это недостоверная новостная информация, имеющая свои стилистические особенности, ложная полностью или частично, которая намеренно или непреднамеренно распространяется в медиапространстве с целью получения экономических, политических, социально-общественных выгод и рассчитанная на активное эмоциональное восприятие обществом. Можно заметить, что сегодня любое сколько-нибудь резонансное медийное событие мгновенно эвоцирует большое количество фейковых сообщений. Целью данной статьи является анализ фейковых новостей и установление истинности фактов в сообщениях СМИ об одной такой резонансной истории: протестах жителей Архангельской области и Республики Коми против строительства на границе этих регионов, на железнодорожной станции Шиес, полигона для захоронения твердых бытовых отходов г. Москвы.

Обсуждение данного вопроса имеет все признаки информационной войны между сторонниками и противниками полигона и представляет собой интересный для научного исследования феномен: оно велось с применением обеими сторонами манипулятивных технологий, взаимных компроматов, информационных вбросов и фейков. Известно, что на благоприятный образ полигона работали политтехнологи из федерального центра, перед которыми была поставлена задача «покончить с протестами» к апрелю 2018 г. (их усилия, как известно сейчас, ни к чему не привели). Этот вроде бы локальный вопрос вообрал в себя такие актуальные для всей современной России проблемы, как информационное противостояние элит и общества, географическое неравенство, имидж центральных регионов и власти, самоидентификация жителей провинции и имидж северных территорий. Широкое обсуждение ситуации (преимущественно на неофициальных площадках) и вывело эту проблему в тренды не только отечественных, но и зарубежных СМИ.

Так, в ноябре 2019 г. российское интернет-издание *Colta* провело онлайн-опрос о главных героях страны десятилетия 2010-х гг. В номинации «Общество» были предложены такие кандидатуры, как Алексей Навальный, Борис Немцов, Дмитрий Медведев (всего 75 общественных и политических деятелей). В опросе приняли участие около 18 000 человек. Большинство голосов (17 %) было отдано за номинацию «Защитники Шиеса». За Алексея Навального, занявшего второе место, голосов было подано на тысячу меньше. Таким обра-

зом, участники локального конфликта в защиту леса вокруг заброшенной железнодорожной станции на границе Архангельской области и Республики Коми были признаны главными героями России 2010-х. Даже несмотря на то, что само противостояние на тот момент длилось меньше года! В те же дни, когда шло голосование, в Казани был оборудован платочный лагерь экологических активистов, протестующих против строительства мусоросжигающего завода, получивший название «Шиес-2» (а также «Диоксиново», в честь близлежащего села Осиново), то есть коми по происхождению слово «Шиес» послужило символом протеста в географически отдаленном Татарстане.

Ситуация вокруг планов строительства мусорного полигона на станции Шиес стала одной из главных в повестке гражданских медиа в России конца 2010-х гг., хотя официальные СМИ блокировали эту тему. Например, 20 июня 2019 г. глава Республики Коми Сергей Гапликов провел прямую линию в социальной сети «ВКонтакте»; в комментариях к ней самыми частыми были вопросы о Шиесе, однако все они были удалены модераторами. И хотя обтекаемый ответ главы прозвучал в эфире, он не был упомянут в отчете о прямой линии главного республиканского СМИ – ИА «БНК», при этом в публикации оказалась отключенной возможность комментирования.

Жители Архангельской области и Республики Коми (97–99 % опрошенных) выступили против строительства мусорного полигона на их территории и начали протестную деятельность с июля 2018 г. На фоне этих событий в медиапространстве двух регионов сформировалась уникальная ситуация: в информационном поле прослеживались два противоположных потока новостной информации о Шиесе – гражданский и официальный. Все источники по их отношению к строительству полигона можно разделить на четыре типа:

- 1) группы в соцсетях «ВКонтакте», площадки в «Телеграм», «Фейсбуке», созданные активистами, жителями, депутатами двух регионов, которые отражали позицию жителей;
- 2) профессиональные независимые СМИ, стремящиеся к объективности;
- 3) государственные официальные СМИ и сообщества, страницы которых отражали позицию власти Архангельской области и г. Москвы;
- 4) региональные сетевые медиа (официальные СМИ), которые игнорировали тему Шиеса («БНК», «Комиинформ»).

Для информационного обмена между жителями были созданы сообщества в соцсети «ВКонтакте»: группы «Поморье – не помойка» (журналисты и активисты г. Архангельска), «Мы против свалки в Ленском районе» (городское сообщество), «Урдома Online» (площадка МО «Урдомское»), «Чистый Север 29» (северодвинские активисты), «Свидетели Шиеса» (группа юристов и адвокатов), «Комитет Защиты Вычегды» (общественная организация Республики Коми), «Комитет спасения Печоры» (общественная организация Республики Коми). Сетевая активность и доверие к этим источникам были высокими: на пике протестной активности менее чем за сутки количество просмотров новостей составляло свыше 90 тысяч, количество лайков превышало шесть тысяч, а репостов – две тысячи.

Основными причинами активной самоорганизации жителей на площадках интернета стали искажение информации региональными властями и инвесторами стройки, нарушение российского законодательства, недоверие к официальной информации, потенциальная экологическая опасность захоронения твердых бытовых отходов для здоровья каждого жителя. Именно достоверность информации, подтвержденной многочисленными фото- и видеоматериалами, официальными запросами, стала успешным объединяющим фактором в интернет-пространстве.

Фейк как инструмент манипулятивного воздействия на общественное мнение использовался официальными СМИ при освещении ситуации на Шиесе с первых дней. Масштабное строительство инфраструктуры полигона было обнаружено местными жителями в июле 2018 г., когда СМИ сообщали: «Свалки на станции Шиес в Ленском районе не будет» [5]. Видео- и фотоматериалы в народных группах в то же время доказывали обратное. Недостоверность официальной информации спровоцировала вызывающее поведение жителей во время презентации проекта экотехнопарка в Урдоме 14 декабря 2018 г. (они демонстративно отворачивались от экрана) [6]. Событие освещалось в реальном времени несколькими пабликами в формате интернет-видеотрансляции. Примечательно, что после многочисленных фотографий и видеоматериалов с презентации, которые жители опубликовали в своих группах, в официальных СМИ и пресс-релизах правительства области новости выходили в свет с заголовками «Диалог состоялся». Эта фраза и в дальнейшем часто использовалась руководством власти и СМИ, в результате чего обрела ироничные коннотации и превратилась в сетевой мем.

Чтобы выявить значение фейков в данной информационной войне, проследим историю одного фейкового вброса, выясним его причины, цели и последствия.

18 апреля 2019 г. в 20.12 на сайте издания «Двина сегодня» была опубликована новость «Неизвестные сожгли два моста, ведущих к станции Шиес», в которой сообщалось, что «на участке технологической дороги Мадмас – Шыладор Республики Коми неизвестные подожгли два деревянных моста, которые использовались для проезда техники, перевозившей топливо на стройку полигона на станции Шиес в Архангельской области. Об этом “Двине Сегодня” сообщили собственные источники» [7]. На сайте новость за десять дней набрала 30 858 просмотров. На фейковость информации указывали отсылка к неизвестному собственному источнику и отсутствие подлинных фото или видеоматериалов. Косвенный посыл новости заключался в том, чтобы обвинить активистов в неправомерных действиях.

Это сообщение 18 апреля в 20.30 «Двина сегодня» перепостила в свою группу «ВКонтакте» с фотографией (не с места событий, о чем издание умолчало). Пост вышел с заголовком «А у нас снова “сводки с фронта”. Неизвестные уничтожили два моста, по которым перевозили технику на станцию». В комментариях администрация группы «Двина сегодня» дополняла: «...информация получена из источника, который находился в это время недалеко от указанного места. Раскрывать мы его не будем. Так как информация была оперативная, то решили поставить ее срочно, доверяя нашему источнику» [8]. В то же время в группах «Поморье – не помойка», «Мы против свалки в Ленском районе», «Урдома Онлайн» отсутствовала какая-либо информация о сожженных мостах.

19 апреля в 0:40 общественная организация «Комитет Защиты Вычегды» опубликовала новость с иной трактовкой произошедшего: «Природа вам просто не сдастся: два моста, по которым возили топливо на Шиес, разрушены» [9]. В новости со ссылкой на слова местных жителей сообщается, что «два моста на участке дороги Мадмас – Шиладор пали жертвой весенних дождей, резкого подъема воды и нарушений правил эксплуатации – превышения допустимой нагрузки». Таким образом, в информационном поле появились две трактовки одного события. Версия поджога у местной читательской аудитории сразу вызвала недоверие, что нашло отражение в комментариях под постом: «про поджог – очередное вранье-провокация», «конечно,

рухнули. Нынче все рушится, только свалки растут!», «все просто, пришла весна, мосты уплыли», «на Виледи это ежегодное явление, поэтому хорошие хозяева мосты заблаговременно каждый год разбирают (настил), а после паводка собирают», «про поджог – это фейк!!! 2 моста горело, и никто не снимал? Конечно, бред!», «таких новостей можно каждую весну пачками печатать. Активисты пока думают – как в своих целях этот факт использовать. Вброс про пожар не удался».

19 апреля в 9:17 «Двина сегодня» опубликовала информацию «В МЧС Коми не опровергают и не подтверждают информацию о пожаре на мостах». В этой новости приводится комментарий сотрудника пресс-службы МЧС по Республике Коми А. Ковалишина: «...у нас вызова по данному факту не поступало. Мы не можем сейчас сказать, был там пожар или нет» [10]. В этой же новости опубликованы фото с места события и вывод: «деревянные сооружения все-таки горели», однако при детальном рассмотрении фотографии можно увидеть, что на мосту не было следов пожара. На эту информацию последовали комментарии жителей: «хаотично заваленные водотоки – это, конечно мосты, а костер для обогрева – это точно – пожар. Иногда признать, что погорячились, сложнее, чем продолжать настаивать, ну хоть на спичке горящей».

В интернете с 19 апреля фейковая новость о сожженных мостах активно распространялась под разными привлекающими внимание заголовками. Портал «Активатика»: «Партизаны сожгли мосты к мусорному полигону на Шиесе»; «Пикабу»: «В Шиесе сожгли ночью мосты»; «Гала-Гала»: «Молния! Шиес: "Мосты сожжены – партизанская война начата? "»; «Инфокс»: «Народ сжигает мосты с властью: мусорные реформаторы получили отпор партизан»; «Форум.МСК»: «Противники вывоза московского мусора в Архангельск сожгли два моста к строящейся свалке»; «Newsland»: «Поморские партизаны сожгли мосты на мусорный полигон» и др. Эту новость в своих политических интересах распространяли и использовали движения по нейтрализации мусорных протестов в Московской области «СтопВыброс» и «ЭкоЛогика». В их текстах встречались такие оценочные выражения, как «народ сжигает мосты с властью», «автономные партизаны», «ополченцы, готовые к радикальным действиям», «это сигнал-предупреждение для власти», «сценарий "фашисты в городе"», «оккупация ненавистными ордами», «партизанское движение», «русские мстители», «начало войны гражданской или национально-освободительной борьбы», «могильник бло-

кирован», «экстремисты», «радикальные действия», «архангельские пироманы», «раскачивание лодки».

В итоге официальные органы (МЧС Коми) не подтвердили информацию о пожаре. На фото были представлены не мосты, а сезонные настилы через ручьи, которые часто демонтируют весной из-за подъема воды. 18 апреля издание «Дороги Архангельской области» предупредило о том, что на региональных дорогах полным ходом идет разборка низководных мостов [11]. Достоверную информацию о мостах опубликовали группы жителей в соцсетях, издания «Такие дела» («В Коми повредили деревянные мосты, которые ведут к стройке мусорного полигона в Шиесе»), «Росбалт» («Разрушены два моста для подвоза топлива на стройку мусорного полигона в Шиесе») и др. Опровержений от источников недостоверной информации не последовало.

Интерес к фейковой новости привел к тому, что в апреле она стала хитом Рунета в публикации от издания «МК в Архангельске» от 19 апреля в 14:37 под заголовком «Мосты сожжены: на дороге из Мадмаса на Шиес сожгли мосты». Новость собрала почти 120 тысяч просмотров и 15 тысяч перепостов, стала хитом недели и по числу перепостов в социальных сетях занимала несколько дней первое место. Примечательно, что на следующий день, 20 апреля, «МК Архангельск» выпустил достоверную информацию «О сгоревших мостах на Шиес: там и дороги-то не было», которая собрала 4 233 просмотра, то есть гораздо меньше, чем фейковая новость.

Чтобы получить ответ на вопрос о целях этого вброса, проанализируем события, следовавшие за его публикацией. Они отслеживаются по публикациям группы администрации МО «Урдомское» «Урдома Онлайн» [12]. После фейка 18 апреля последовали активные действия органов власти: 19 апреля 2019 г. в соцсети «ВКонтакте» была заблокирована группа «Мы против свалки в Ленском районе», а на Шиесе началась полномасштабная операция по вытеснению активистов, произошли столкновения с полицией. В последующие дни полиция увезла с Шиеса строительные вагончики, служившие активистам в качестве временного жилья, и арестовала нескольких из них. В Урдому и на Шиес были привлечены дополнительные силы полиции и ОМОНа из других регионов (Республика Коми, Вологда). Об этом свидетельствуют видеоматериалы жителей и СМИ. Например, «Северные новости» сообщают, что «ОМОН Росгвардии направлен в

Ленский район, где жители блокируют дорогу». Эту информацию подтвердили два источника в правоохранительных органах региона. Это же издание с подтверждающим видео «На станцию Шиес прибыл ОМОН» информирует, что в товарном вагоне приехали люди со щитами, оружием и прочей амуницией [13].

Таким образом, фейк о сожженных мостах – это пример продуманной дезинформации для оговора жителей с целью их вытеснения из района строительства полигона. Однако недостоверное информирование и фейковая информация имели отрицательные последствия для их производителей и распространителей. Это подтверждают и данные социальных исследований, согласно которым жители Архангельской области и Республики Коми демонстрировали отсутствие доверия к региональной власти и официальной информации. 6 мая группа «Поморье – не помойка» распространила заявление, что протестующие против строительства полигона не собираются идти на какой-либо диалог с региональной властью по причине полной утраты доверия к ней; они готовы разговаривать только с федеральными структурами, для чего будут формировать группу переговорщиков: «Нам нужен диалог, нам не нужны давление и вранье от власти, мы не должны допустить насилия в регионе!» [6].

Итак, новостное информирование о событиях на Шиесе в сетевых ресурсах показало высокий уровень дезинформации, исходившей из официальных источников. Экологическая тема, центром которой оказалось строительство полигона в Шиесе, в СМИ стала территорией противоборства гражданских и независимых медиа, с одной стороны, и государственных – с другой. Принадлежность СМИ тому или иному лагерю влияла на содержание и форму подачи информации о спорном объекте. Лоббировавшие экотехнопарк СМИ пытались связать протестующих с отталкивающими для массовой аудитории явлениями: экстремисты, боевики, фанатики, сепаратисты, то есть работа велась по правилам «черного пиара». Исходя из этого, можно утверждать, что подобные издания выполняли задачу «размывания протестов» посредством откровенно фейковой информации, подменяя экологическую повестку обсуждением личных качеств лидеров протестной активности. Фейковая война в Сети доказала свою неэффективность, поскольку вместо решения проблем создавала новые. В этом кейсе важную роль сыграла спонтанная фактчекинговая активность гражданских журналистов, ведущих тематические страницы в соцсетях, и

их аудитории, в комментариях активно обсуждавшей сообщения СМИ. В итоге по состоянию на момент публикации статьи (конец 2020 г.) на станции Шиес производится демонтаж возведенных в процессе строительства полигона зданий и планируется полная рекультивация территории.

Литература

1. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 3 (153). С. 14–18.
2. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123.
3. Кунгурова О. Г., Карпыков Т. М. Феномен медиафейка и его позиционирование в современных СМИ // Журналистский ежегодник. 2016. № 5. С. 77–78.
4. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. Иркутск : БГУ, 2017. С. 78–93.
5. Свалки на станции Шиес в Ленском районе не будет // Поморье. 2018. 22 авг. URL: <https://www.pomorie.ru/2018/08/22/5b7d40c712f17b31ca13c332.html>
6. Официальная страница «ВКонтакте» группы «Поморье – не помойка». URL: https://vk.com/pnparh?w=wall-180464391_34505.
7. Неизвестные сожгли два моста, ведущих к станции Шиес // Двина сегодня. 2019. 18 апр. URL: <http://dvinatoday.ru/news/neizvestnye-sozhgli-dva-mostavedushchikh-k-stantsii-shies/>.
8. Официальная страница «ВКонтакте» группы «Двина сегодня». URL: https://vk.com/dvinatoday?w=wall-135603849_4685.
9. Природа вам просто не сдастся: два моста, по которым возили топливо на Шиес, разрушены. URL: https://vk.com/vychegdaoutpost?w=wall-178957287_1530.
10. В МЧС Коми не опровергают и не подтверждают информацию о пожаре на мостах // Двина сегодня. URL: <http://dvinatoday.ru/news/v-mchs-komi-ne-oprovevrgayut-i-ne-podтверzhdayut-informatsiyu-o-pozhare-na-mostakh/>.
11. На региональных дорогах Поморья полным ходом идет разборка низководных мостов // Дороги Архангельской области. 2019. 18 апр. URL: https://vk.com/bkadarhangel'sk?w=wall-177990998_216.
12. Официальная страница «ВКонтакте» группы «УрдомаОнлайн». URL: <https://vk.com/urdomaonline>.
13. На станцию Шиес прибыл ОМОН // Северные новости. 2019. 30 апр. URL: <http://newsnord.ru/na-stantsiyu-shies-pribyl-omon/>.

Fake News as a Method of Information War (on the Example of a Conflict Over the Landfill Construction at the Shies Station)

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 5–15

Alexey A. Beshkarev, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: beshi@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/8/1

Keywords: fake news, information wars, social media, ecological problems, social protest, Shies.

The problem of fake news is considered in the context of information wars between supporters and opponents of the landfill construction at the Shies station on the border of Arkhangelsk Oblast and the Komi Republic. The author's observations allowed concluding that the sources of false information on this problem were the official media, and the fact-checking activity came from citizen journalists and ordinary subscribers of communities in social media. This is what minimized the expected manipulative effect of deliberately fake messages. The discussion of the construction of a garbage dump from Moscow bore all the signs of an information war, which was conducted with the use of manipulative technologies, mutual compromising materials, information stuffing, and fakes. Political strategists from the federal center, who were assigned the task of "ending the protests" by April 2018, worked on the positive image of the landfill. However, their efforts led to nothing because the local community widely opposed the project. The author analyzed four groups of sources that were both for and against construction: (1) community pages in the social media VKontakte, Telegram, and Facebook that were created by activists, residents, deputies of two regions, which reflected the position of residents; (2) professional independent media that strove for objectivity; (3) state official media and community pages that reflected the position of the authorities of Arkhangelsk Oblast and Moscow; (4) regional network media, affiliated with local authorities, that ignored the topic of Shies. The author shows that trust in sources of the first type was high: at the peak of protest activity, in less than a day, the number of news views was more than 90 thousand, the number of likes exceeded six thousand, and reposts two thousand. Official sources, on the contrary, did not enjoy the trust of the audience, since they purposefully spread fakes to manipulate public opinion. The author analyzes the history of one fake throw-in in detail: reports in April 2019 that activists burned two wooden bridges leading to the Shies station. This case is interpreted as an example of deliberate misinformation to deceive residents in order to force them out of the landfill construction area. A decisive role in the fact that the manipulators did not achieve their goal belonged to the fact-checking activity of civil activists who lead thematic pages in social media, as well as of their subscribers who actively discussed media reports. As a result, at the Shies station, the erected structures are currently being dismantled, and a full reclamation of the territory is planned.

References

1. Il'chenko, S.N. (2016) Fake journalism as an element of the contemporary show-civilization. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy*

obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture. 22 (153). pp. 14–18. (In Russian).

2. Issers, O.S. (2014) Mediafake: Between Truth and Hoax. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication Studies.* 2. pp. 112–123. (In Russian).

3. Kungurova, O.G. & Karpykov, T.M. (2016) Phenomenon of mediafake and its positioning in the modern media. *Zhurnalistitskiy ezhegodnik.* 5. pp. 77–78. (In Russian).

4. Sukhodolov, A.P. (2017) [The phenomenon of fake news in the modern media space]. *Evraziatskoe sotrudnichestvo: gumanitarnye aspekty* [Eurasian Cooperation: Humanitarian Aspects]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk: Baikal State University. pp. 87–106. (In Russian).

5. Pomor'e. (2018) *Svalki na stantsii Shies v Lenskom rayone ne budet* [There will be no landfill at the Shies station in Lensky district]. 22 August. [Online] Available from: <https://www.pomorie.ru/2018/08/22/5b7d40c712f17b31ca13c332.html>.

6. “Pomor'e – ne pomoyka” [Pomorie is not a dump]. Official Page. [Online] Available from: https://vk.com/pnparh?w=wall-180464391_34505.

7. *Dvina segodnya.* (2019) Neizvestnye sozhgli dva mosta, vedushchikh k stantsii Shies [Unknown persons burned two bridges leading to the Shies station]. 18 April. [Online] Available from: <http://dvinatoday.ru/news/neizvestnye-sozhgli-dva-mosta-vedushchikh-k-stantsii-shies/>.

8. *Dvina segodnya* [Dvina Today]. Official Page. [Online] Available from: https://vk.com/dvinatoday?w=wall-135603849_4685.

9. Vkontakte. (2019) *Priroda vam prosto ne sdastsya: dva mosta, po kotorym vozili toplivo na Shies, razrusheny* [Nature will not surrender to you in a simple way: two bridges over which fuel was transported to Shies are destroyed]. [Online] Available from: https://vk.com/vychegdaoutpost?w=wall-178957287_13450.

10. *Dvina segodnya.* (2019) V MChS Komi ne opроверgayut i ne podtverzhdayut informatsiyu o pozhare na mostakh [The Ministry of Emergency Situations of Komi neither denies nor confirms the information about the fire on the bridges]. 19 April. [Online] Available from: <http://dvinatoday.ru/news/v-mchs-komi-ne-oprovevrgayut-i-ne-podtverzhdayut-informatsiyu-o-pozhare-na-mostakh/>.

11. Dorogi Arkhangel'skoy oblasti [Roads of Arkhangelsk Oblast]. Official Page. (2019) *Na regional'nykh dorogakh Pomor'ya polnym khodom idet razborka nizkovodnykh mostov* [The dismantling of low-water bridges is in full swing on the regional roads of Pomorie]. 18 April. [Online] Available from: https://vk.com/bkadarhangel'sk?w=wall-177990998_216.

12. *UrdomaOnlayn* [UrdomaOnline]. Official Page [Online] Available from: <https://vk.com/urdomaonline>.

13. *Severnnye novosti.* (2019) Na stantsiyu Shies pribyl OMON [OMON arrived at the Shies station]. 30 April. [Online] Available from: <https://newsnord.ru/na-stantsiyu-shies-pribyl-omon/>.

УДК 378

DOI: 10.17223/26188422/8/2

В. В. Тулупов

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ «ПОСТПРАВДЫ»

Рассмотрены задачи медиаобразования в эпоху «постправды», когда широкое распространение фейковых новостей усугубляет недоверие аудитории к журналистике и требует реагирования от медиапрофессионалов. Помимо оздоровления самой профессии, требуется системная работа по воспитанию медиаграмотности аудитории, начиная со школы. Предлагается целый комплекс мер, которые должны войти в долгосрочную государственную программу по развитию медиаобразования в России. В качестве образцового приводится опыт Финляндии, в которой медиаграмотность населения является приоритетом национальной политики.

Ключевые слова: фейк-ньюс, постправда, манипуляция общественным мнением, медиаобразование, медиаграмотность аудитории.

Из многочисленных задач, стоящих перед медиаобразованием сегодня, на первый план вышла та, решение которой в той или иной степени помогает предохранять население от вредного воздействия масс-медиа. Почему же направление деятельности медиапедагогов, называемое *протекционистским*, *инъекционным* и даже рассматриваемое в рамках «теории гражданской защиты» [1. С. 51–53], необходимо считать приоритетным? Потому что и отечественные, и западные медиаэксперты авторитетно и доказательно утверждают, что «современная фейковая жизнь» является настоящей угрозой демократии, демократическому порядку во всем мире [2. С. 245]. Конечно, в эпоху «постправды» к медиаобразованию необходимо подходить комплексно, не забывая о решении и других не менее важных задач – по этическому, эстетическому и экологическому воспитанию, развитию критического мышления, формированию общественного мнения, обучению правильно выбирать и адекватно оценивать потоки сообщений медиа в соответствии с потребностью индивида и др.

Сегодня, видимо, уже всем известны значения понятий «*постправда*» и «*фейк*»¹, тем не менее есть необходимость в уточнении де-

¹ «Постправда» названа «словом года» в 2016 г. URL: <https://en.oxford-dictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.

финиций, поскольку границы их применения продолжают расширяться. Например, поначалу слово «постправда» (или постистина – от англ. *post-truth*) означало лишь некие обстоятельства, при которых мнения, эмоции были важнее объективных фактов, сегодня же все чаще говорят об «эпохе постправды», когда у большинства населения нет веры к большинству источников информации, кроме избранных ими самими по соответствию их мировоззрению. Более того: «Широкое распространение фейковых новостей привело к появлению повседневной политической культуры, которая по аналогии с постмодерном названа постправдой...» [2. С. 249].

Соккрытие правды сегодня происходит тонко: например, при помощи отвлекающих маневров, когда ее не прячут, а просто топят во лжи, когда плодят факты, обладающие внешней достоверностью, в которые обязательно кто-то поверит, – и в этой информационной паутине даже профессионалам трудно отличить истину от злонамеренного вымысла. Тем более что во времена господства социальных сетей с их хором глупостей, заглушающих одинокие голоса правды, это делать все труднее и труднее. Но на это, собственно, и расчет тех, кто сознательно манипулирует общественным сознанием, кто, как писал в свое время Станислав Лем, умело «топят зерно истины в лавине несуразных вымыслов».

Возможно, блогеры и тролли живут и действуют по девизу Ницше, считавшего, что фактов нет, а есть лишь их интерпретация, но это лишь красивый парадокс, потому что мир заинтересован в поиске и нахождении истины. К тому же есть мнение, что крылатые выражения фиксируют не только мудрость, но и заблуждения человечества, выступая своеобразным утешением для некоторых представителей многоликого социума.

Вот что написал по этому поводу Александр Генис: «Как известно, в Америке борются две теории эволюции: одна – по Библии, другая – по Дарвину. О правоте той или иной спорят ученые, политики и школьные учителя. Но как быть с Гранд-Каньоном? Попав туда, я услышал от гида две версии его происхождения. Первая: каньон прорыла река, еле видневшаяся на дне ущелья. Вторая: все натворил ветхозаветный потоп. Вот это и называется альтернативным фактом. Не желая ввязываться в дуэль веры с наукой, экскурсовод предложил два несовместимых тезиса. Нам предлагается не только выбирать между ними, но и отказаться от

обоих, всплеснув руками: мир непостижим, истина неуловима, каждому по его вере» [3]. Такой подход и рождает тотальный скепсис и по отношению к реальности, и по отношению к СМИ. Снижение доверия к журналистике – печальный, но очевидный факт.

«Понятие “фейк” (англ. *fake* – “подделка”, “фальшивка”, “обман”) включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика популярности личности, произведения, проекта (как правило, при помощи интернет-ботов и (или) тех же фальшивых аккаунтов, выставляющих “лайки” и постящих одобрительные комментарии)» [4. С. 89]. Оставив за скобками примеры невинной мистификации, отметим, что ученые сходятся в одном: фейковая новость – это всегда преднамеренная фальсификация, сознательная манипуляция общественным сознанием, т. е. дезинформация, преследующая негативные цели, прежде всего подрыв репутации.

Несколько примеров фейковой информации.

31 января 2020 г. в Женеве на пресс-конференции Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) общественность проинформировали о появлении нового штамма вируса nCoV. Через неделю количество инфицированных составило 31 481 человек, из них 639 человек умерло (в Китае 637 человек, на Филиппинах и в Гонконге по одному человеку). Это очень много, но в СМИ и социальных сетях данные были многократно увеличены, и в мире возникла настоящая паника. Особенно после распространенного в интернете видео, на котором влиятельный китайский деятель ел суп из летучих мышей, с комментарием, что новый штамм вируса связан именно с этим блюдом. Информация о том, что заболевание происходит от «дикой пищи коренных народов», было воспринято как достоверная, что усилило негативное стереотипное отношение части населения к китайской кухне, к китайцам. Это вызвало у мировой общественности обеспокоенность по поводу обострения проблемы расовой дискриминации, хотя *BBC* и опубликовало корректирующую информацию, подтверждающую, что видео выше не было записано ни в Ухане, ни в любом другом месте в Китае.

В другом сообщении говорилось, что китайская фармацевтическая промышленность намеренно вызвала вспышку болезни для продажи вакцин. Считается, что обвинение выдвинул Джордан Сатер – владе-

лец частного канала в сети видеохостинга *YouTube*. Американский радиоведущий Хэл Тернер усилил новость о количестве смертей и заражений. В сообщении, опубликованном 23 января на его личном веб-сайте, Тернер заявил о 112 тысячах случаев смерти и 2,8 миллиона новых случаях заражения коронавирусом, ссылаясь на источники, которые он обозначил как «бывшие коллеги» и которые якобы знали друг друга в течение пятнадцати лет в период работы с Федеральным бюро расследований.

Таким образом, из различных неофициальных источников ложные новости распространяются с головокружительной скоростью, даже быстрее, чем информация о болезнях. И миру приходится бороться не только с болезнями, но и с ложными новостями. ВОЗ даже назвала это инфодемией, или информационной пандемией [5]. Это – явление информационного вакуума, создаваемого в ситуации, когда огромные массы людей не в состоянии выделить достоверную информацию, когда медиaprостранство стремительно заполняется различной, в том числе противоречивой, информацией, поступающей из различных источников.

Проблема снижения доверия к средствам массовой информации неоднократно рассматривалась автором [6–8], предположившим еще двадцать лет назад, что общество таким образом выставляет счет журналистам, пренебрегающим этическими и профессиональными стандартами, и в целом журналистике, изменяющей своим принципам. Предлагалось подумать над созданием *специфической концепции прессы*, учитывающей как мировой опыт и международные тенденции в функционировании СМИ, так и ментальность российской нации, современное общественно-политическое состояние и перспективы развития государства, традиции отечественной журналистики. И ученые старались теоретически обосновать конвергенционный подход, который мог бы стать базовым не только для формулировки современных дефиниций независимости прессы, финансовой независимости, редакционной независимости, профессионализма в журналистике, но и для определения отношений СМИ и власти, СМИ и владельцев, СМИ и общества, СМИ и аудитории на основе профессиональных, экономических, управленческих, организационных, психологических и др. моделей [9–12].

К сожалению, журналистская практика пошла иным путем. В результате, например, доверие к телевидению как к источнику новостей

за десять лет снизилось на 25 %, и это при том, что доверие к ТВ сохраняют в основном россияне старше 35 лет. Более половины телезрителей считают, что освещение положения дел в экономике «не соответствует действительности»; недоверие к освещению внешней политики выросло с 22 до 34 % [13].

Что же делать?

Если говорить о журналистике, то, думается, ей необходимо вспомнить о своих истоках: «СМИ надо возвращаться к ясно сформулированной христианской этике. Тогда журналисты будут выполнять свое предназначение – освещать новости, просвещать человеческие души, а не помрачать. А если оставить журналистику на откуп заинтересованным теневым структурам, решающим различные частные, узкие, а иногда и враждебные для России задачи, то не жди добра. И не надо в этом случае удивляться тому, что авторитет СМИ опустится ниже плинтуса» [14].

Что же касается аудитории масс-медиа, то здесь необходимо вести речь не столько о неких практических советах [15], сколько о системной работе по воспитанию медиаграмотного гражданина, умеющего в современных информационных условиях предохраняться от вредного воздействия медиа, осознающего возможные последствия воздействия негативной информации на психику. Настало время, когда медиаобразование должно осуществляться в школах как обязательная часть общего образования, а в средних специальных и высших учебных заведениях – на факультативной основе. Здесь оно может и должно быть интегрированным с традиционными дисциплинами, а в учреждениях дополнительного образования и досуговых центрах (домах культуры, центрах внешкольной работы, эстетического и художественного воспитания, клубах и т.д.) – в форме кружков или постоянных семинаров. В нынешнюю компьютерную эпоху достаточно легко организовать дистанционное медиаобразование, имея в виду потребность граждан в самостоятельном и непрерывном – в течение всей жизни человека – медиаобразовании. Последнее диктуется, повторимся, необходимостью для людей выделять в мощном и непрерывном информационном потоке качественную социально значимую информацию, находить способы защиты от манипулирования их сознанием.

Факультеты журналистики должны ратовать за повсеместное внедрение медиаобразования и расширение его форм еще по нескольким причинам: очевидна необходимость воспроизводства аудитории

всех видов СМИ (в том числе бумажной прессы, ориентированной на грамотного критически мыслящего читателя); поддержки качественных (социальных) СМИ (нарушение баланса в пользу развлекательных, гляцевых, желтых СМИ вытесняет из информационного поля качественную журналистику); специальной подготовки абитуриентов, обладающих особыми качествами для работы в масс-медиа (грамотность, креативность, гражданственность и т.д.)

Решение этих комплексных задач будет способствовать развитию личности, формированию умений адекватно и полноценно воспринимать, интерпретировать, анализировать и оценивать медиатексты. Эта работа проводится и сегодня, но достаточно хаотично, поскольку нет государственной долгосрочной программы медиаобразования в России, благодаря которой все разрозненные педагогические, научные, творческие, общественные силы были бы объединены [16]. И на первом этапе важнее всего убедить педагогов в том, что «Медиаобразование» становится одной из важнейших дисциплин гуманитарного направления, что использование в учебном процессе медиа (на основе специально разработанных учебно-методических пособий) значительно повышает эффективность обучения, делает связь «педагог – обучающийся» более крепкой; что без всеобщей медиаграмотности у общества нет будущего.

К сожалению, в нашей стране все еще не сформирована система медиаобразования как *элемента социального института*. Да, сегодня в отдельных школах организуются пресс-центры; в каких-то регионах проводятся фестивали и конкурсы детских, юношеских и молодежных СМИ; дисциплина «Медиаобразование» включается в учебные планы некоторых вузов, реализующих направления «Журналистика» или «Медиакоммуникации», но в целом медиаобразовательная деятельность осуществляется в нашей стране бессистемно, хаотично.

Осознавая и преодолевая опасности бюрократизации и формализма, необходимо проведение следующих мероприятий.

1. Выстроить учебно-методическую вертикаль, задействовав министерства (Министерство просвещения РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ), профессионально-творческие союзы, гильдии, СМИ, факультеты, где реализуются направления УГСН 42.00.00 «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело» и УГСН 55.00.00 «Экранные искусства».

2. Проводить мощную и перманентную PR-кампанию, направленную прежде всего на педагогов и медиауправленцев, которых следует убедить в том, что использование в учебном процессе медиа (на основе специально разработанных учебно-методических пособий) значительно повышает эффективность обучения, делает связь «педагог – обучающийся» более крепкой; что без всеобщей медиаграмотности у общества нет будущего.

3. Снабдить все библиотеки школ и вузов бумажными и электронными средствами массовой информации из списка качественных СМИ.

4. Изучать передовой зарубежный опыт и внедрять в практику российского медиаобразования. Например, опыт Финляндии, где действует девиз «Гражданская медиаобразованность – главный принцип национальной политики», где существует государственный орган по медиаобразованию.

Национальный аудиовизуальный институт (KAVI) с его Департаментом по медиаобразованию и аудиовизуальным медиа (MEKU) имеет правовую задачу по продвижению медиаобразования, навыков работы с детьми в СМИ и создания безопасной медиасреды для детей. MEKU также контролирует выпуск аудиовизуальных программ. KAVI находится в подчинении у Министерства образования и культуры и сотрудничает с ним [17].

Видимо, следует обратить внимание на то, как могут формулироваться стратегические государственные цели: повседневное медиаобразование должно быть ориентировано прежде всего на детей и подростков, а также должно быть качественным; структуры, занимающиеся развитием медиаграмотности, создаются и поддерживаются с помощью законодательства, финансовых ресурсов и управления на национальном и местном уровнях; деятели в сфере медиаобразования и заинтересованные в нем стороны взаимодействуют друг с другом сами по себе, создаются новые партнерские отношения; страна берет на себя активную роль в глобальной деятельности в области медиаобразования [6]. Есть и опыт эффективной реализации национальных проектов, таких как «Цифровая программа», «Программа аудиовизуальной культуры», «Программа публичных библиотек», «Программа ребенка и молодежной политики», органично включенных в решение задач по достижению гражданской медиаобразованности.

Литература

1. Федоров А. В., Новикова А. А. Ключевые теории медиаобразования // Преподаем журналистику: взгляды и опыт. СПб., 2006. С. 51–84.
2. Еришов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 245–256.
3. Генис А. Постправда. Философия информационной войны // Новая газета. 2018. № 11. 2 февр. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/02/75363-postpravda> (дата обращения: 13.10.2020).
4. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–15 сент. 2017 г., Иркутск. Иркутск : Изд-во БГУ, 2017.
5. Is the new coronavirus ‘infodemic’ spreading faster than the virus? // Euronews. 2020. 13 марта. URL: <https://www.euronews.com/2020/03/13/is-the-new-coronavirus-infodemic-spreading-faster-than-the-virus> (дата обращения: 31.05.2020).
6. Тулунов В. В. Долги качественной прессы // Средства массовой информации в современной мире. СПб., 1999. С. 27–28.
7. Тулунов В. В. Конвенциональная коммуникационная стратегия в профессиональной журналистской деятельности: российская журналистика на фоне последствий системного кризиса // Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры. Тематический сборник статей и материалов. Екатеринбург, 2005. С. 12–41.
8. Тулунов В. В. Впору вводить процедуру сертифицирования нашей профессии // Журналист. 2008. № 12. С. 65–66.
9. Тулунов В. В. Комплексное моделирование редакционной деятельности // Акценты. 2002. № 1–2. С. 88–89.
10. Дацок С. А. Коммуникационные стратегии // Гуманитарный портал. 2006. 9 авг. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (дата обращения 4.09.2020).
11. Тулунов В. В. Конвенциональная коммуникационная стратегия в журналистской деятельности // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 5. С. 20–49.
12. Иваницкий В. Л. Модернизация журналистики: методологический этюд. М., 2010.
13. Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет и стали меньше верить новостям об экономике и внешней политике // РБК. 2019. 1 авг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a79472355ee2cса> (дата обращения: 4.09.2020).

14. Игумен Лука (Степанов). Как вернуть доверие к СМИ? // Русская народная линия: Информационно-аналитическая служба. 2016. 18 окт. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2016/10/18/kak_vernut_doverie_k_smi/ (дата обращения: 5.09.2020).

15. 8 действенных способов по защите от дезинформации в интернете // IT trend. 2013. 11 дек. URL: <https://ittrend.ru/2013/12/11/8-действенных-способов-по-защите-от-дез/> (дата обращения: 5.09.2020).

16. Тулунов В. В. Проблемы российского медиаобразования // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Педагогическое образование в цифровом обществе: вызовы, проблемы, перспективы» / под ред. Т. Н. Владимировой, И. В. Жилавской, О. В. Гордиенко, И. А. Фатеевой. М., 2019. С. 20–25.

17. Медиаобразование в финской образовательной системе. URL: <https://poisk-ru.ru/s16559t10.html> (дата обращения: 04.06.2019).

Media Education in the “Post-Truth” Era

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 16–26

Vladimir V. Tulunov, Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation).

E-mail: vlvtul@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/8/2

Keywords: fake news, post-truth, manipulation of public opinion, media education, media literacy of audience.

The article considers the challenges facing media education in the era of “post-truth”. Reflecting on fake news as deliberate misinformation in the media in order to manipulate public opinion, the author notes a decrease in public confidence in journalism. It is assumed that people make out a bill to journalists, which requires a response from both practitioners and theorists of the media. In addition to the fact that the profession itself needs to be improved, to be freed from the influence of shadow circles, systematic work is required to train media literacy of the audience, starting from school. The condition of media education in Russia is assessed as unsystematic. This requires the creation of a long-term state program that can unite disparate forces—pedagogical, scientific, professional, and social. The author proposes following specific measures for the development of media education in the country: (1) creation of an educational and methodological vertical with the participation of relevant ministries, professional unions, editorial media, and universities; (2) promotion of the idea of media education in the pedagogical and media communities; (3) provision of school and university libraries with high-quality periodicals and with access to high-quality electronic media materials; (4) exploration and implementation of the best practices of foreign countries in the practice of their domestic media education, etc. The experience of Finland, where media literacy is a national policy priority, is described as an example.

References

1. Fedorov, A.V. (2006) Klyuchevye teorii mediaobrazovaniya [Key theories of media education]. In: Fedorov, A.V. & Novikova, A.A. *Preподаem zhurnalistiku: vzglyady i opyt* [Teaching Journalism: Views and Experience]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 51–84.
2. Ershov, Yu.M. (2018) Phenomenon of fake in the context of communication practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 52. pp. 245–256. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/52/15
3. Genis, A. (2018) Postpravda. Filosofiya informatsionnoy voyny [Post-truth. Philosophy of Information War]. *Novaya gazeta*. 11. 02 February. [Online] Available from: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/02/75363-postpravda> (Accessed: 13.10.2020).
4. Sukhodolov, A.P. (2017) [The phenomenon of fake news in the modern media space]. *Evraziatskoe sotrudnichestvo: gumanitarnye aspekty* [Eurasian Cooperation: Humanitarian Aspects]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk: Baikal State University. pp. 87–106. (In Russian).
5. Euronews. (2020) *Is the new coronavirus 'infodemic' spreading faster than the virus?* 13 March. [Online] Available from: <https://www.euronews.com/2020/03/13/is-the-new-coronavirus-infodemic-spreading-faster-than-the-virus> (Accessed: 31.05.2020).
6. Tulupov, V.V. (1999) [Debts of high-quality press]. *Sredstva massovoy informatsii v sovremennoy mire* [Mass Media in the Modern World]. Abstracts of the International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 27–28.
7. Tulupov, V.V. (2005) Konventsional'naya kommunikatsionnaya strategiya v professional'noy zhurnalisticheskoy deyatel'nosti: rossiyskaya zhurnalistika na fone posledstviy sistemnogo krizisa [Conventional communication strategy in professional journalism: Russian journalism against the background of the consequences of the systemic crisis]. In: Oleshko, V.F. (ed.) *Sovremennaya zhurnalistika: diskurs professional'noy kul'tury* [Modern Journalism: Discourse of Professional Culture]. Yekaterinburg: Ural State University; Filantrop. pp. 12–41.
8. Tulupov, V.V. (2008) Vporu vvodit' protseduru sertifikatsirovaniya nashey professii [The time is right to introduce the procedure of certification of our profession]. *Zhurnalist*. 12. pp. 65–66.
9. Tulupov, V.V. (2002) Kompleksnoe modelirovanie redaktsionnoy deyatel'nosti [A complex modeling of editorial activity]. *Aktsenty*. 1–2. pp. 88–89.
10. Datsyuk, S.A. (2009) Kommunikatsionnye strategii [Communication strategies]. *Gumanitarnyy portal*. 09 August. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751> (Accessed: 04.09.2020).
11. Tulupov, V.V. Conventional communication strategy in journalistic practices. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 20–49. (In Russian).

12. Ivanitskiy, V.L. (2010) *Modernizatsiya zhurnalistiki: metodologicheskiy etyud* [Modernization of journalism: A methodological study]. Moscow: Moscow State University.

13. RBC. (2019) *Chetvert' rossiyan poteryali doverie k televideniyu za desyat' let I stali men'she verit' novostyam ob ekonomike i vneshney politike* [A quarter of Russians lost confidence in television in ten years and began to trust news about the economy and foreign policy less]. 01 August. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a7947235ee2cca> (Accessed: 04.09.2020).

14. Hegumen Luka (Stepanov). (2016) *Kak vernut' doverie k SMI?* [How to restore media credibility?]. *Russkaya narodnaya liniya: Information and analytical service*. 18 October. [Online] Available from: https://ruskline.ru/news_rl/2016/10/18/kak_vernut_doverie_k_smi/ (Accessed: 05.09.2020).

15. IT Trend. (2013) *8 deystvennykh sposobov po zashchite ot dezinformatsii v internete*. [Eight effective ways to protect against disinformation on the Internet]. 11 December. [Online] Available from: <https://ittrend.ru/2013/12/11/8-%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B2-%D0%BF%D0%BE-%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D0%BE%D1%82-%D0%B4%D0%B5%D0%B7/> (Accessed: 05.09.2020).

16. Tulupov, V.V. (2019) [Problems of Russian media education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v tsifrovom obshchestve: vyzovy, problemy, perspektivy* [Pedagogical Education in a Digital Society: Challenges, Problems, Prospects]. Proceedings of the International Conference. Moscow: [s.n.]. pp. 20–25. (In Russian).

17. Poisk-ru.ru. (2019) *Mediaobrazovanie v finskoy obrazovatel'noy sisteme* [Media education in the Finnish educational system]. [Online] Available from: <https://poisk-ru.ru/s16559t10.html> (Accessed: 04.06.2019).

UDC 070

DOI: 10.17223/26188422/8/3

Sarkar Barbaq Quarmal, Md. Aminul Islam

DATA JOURNALISM IN COMBATING MISINFORMATION DURING THE 2018 BANGLADESH NATIONAL ELECTION

This paper explores the following: (1) the use of data by Bangladeshi dailies in terms of statistics and/or infographics in covering the National Election of 2018; (2) the role data journalism played in combating spread of misinformation during the said event. The study is exploratory and descriptive in design. To conduct the study, a mixed method approach has been adopted. Data have been gathered through quantitative and qualitative content analysis of news content published during the election (15 days before and after the election day) in two most widely reached dailies (Prothom Alo, a Bangla daily and The Daily Star, an English daily). Alongside, five in-depth interviews of journalists having experience of covering elections and one journalism faculty member with appropriate academic background have been conducted. The quantitative data were analyzed using SPSS and the qualitative data were studied through thematic analysis and discourse analysis.

Keywords: *data journalism, misinformation, fake news, elections, Bangladesh.*

Introduction

We are living in an age of “datafication” [1, 2]. With the advancement of Information and Communication Technologies (ICTs), all aspects of human life, interactions and productions are going through massive and rapid changes, and are often being redefined; data are being used to describe almost everything in the world we are living in today [3], and the field of journalism is not an exception to this [4, 5]. ICTs intervention has transformed the profession by digitalizing the work process [6], which lead to the emergence of new genres of journalism, for example, multimedia journalism [7], mobile journalism [8], data journalism [3, 9], and computational journalism [10–12]. All these have added new dimensions to journalism and require the newsmen specialized ICT skills to practice these. In the several past years, as more information has been added to digital databases, use of quantitative data in journalism kept increasing which Petre [13] noted as “a quantitative turn” of journalism.

In recent years, data journalism attracted a lot of attention both in the digital news production sector and in academic discussions [14–18]. Data journalism basically developed in the past decade or so driven by abundance of digital data triggered by the rapid development of ICTs since early 1990s. This is a specialized area that reflects the rapidly increasing stake of statistical data in today’s digital world in production and distribution of information [19]. Data journalism has been widely considered as the “future of journalism” [20]. And the future, noted by William Gibson as the “post-industrial future of journalism,” is already here (cited in [21]).

As an academic discipline, data journalism is still developing globally; it is relatively less explored as far as academic research is concerned. In Bangladesh even the practice of data journalism is quite nascent. The top-ranked media outlets are doing data-driven stories for the past few years; however, it is still not a common practice to see among journalists or media outlets as Islam [22] noted, “Data journalism is still uncommon in Bangladesh, so is computational journalistic field in the country. Data journalism is at an early stage. Bangladeshi media occasionally, now more frequently, does stories based on data.” This work focusing on analyzing the practice of data journalism during the Bangladesh National Election of 2018 would be one of the very first of its kind. The study focuses on achieving the following objectives:

1. To investigate the use of data by Bangladeshi dailies in terms of statistics and/or infographics in covering the National Election of 2018; and
2. To understand the role data journalism played in combating spread of misinformation during the said event.

It is worth mentioning here that Bangladesh (officially, People’s Republic of Bangladesh), by its Constitution, is a democratic country in South Asia. The country, home for about 160 million people, earned its independence from Pakistan in 1971. It has a long history of colonial oppression. Once known for its poverty and natural calamities, Bangladesh’s rapid economic growth in the past decade has made it known as the New Asian Tiger. In March 2018, the United Nations said that with the current economic growth the country is likely to come out of the category of Least Developed Countries (LDC) by 2024. Though the Constitution declared the country a democracy, it went under the rule of military dictators soon after the independence. In 1990, democracy was restored through a mass uprising. Since then the national election takes place once in every five years.

The 2018 National Election in Bangladesh was held on December 30, 2018. The Grand Alliance led by Awami League won the election; they won 258 out of 300 parliamentary seats. The election was criticised by many; the Bangladesh Nationalist Party (BNP), the second largest political party in the country, and its alliance boycotted the election.

Emergence of Data Journalism

Though only recently the term “data journalism” attracted attention globally and it is more of a 21st century construction, the concept is not new; Parasie and Dagiral [23] note that data journalism has been in practice since the beginning of the digitalization and US newspapers have been utilizing digital data in news production since the late 1960s. However, there is an even earlier example of data journalism. Bounegru, Chambers, and Gray [3] state mentioning Simon Rogers that the earliest example of data journalism is a Guardian report in 1821 which concerned the number of students who attended school and the costs per school in Manchester. According to Knight ([20] cited in [24]), the term “data journalism” is attributed to Twitter’s first data editor Simon Rogers who mentioned this first in a Guardian Insider Blog post. However, according to Howard [25], Rogers [26] mentioned Adrian Holovaty’s name from whom he heard the term first which Hirst [27] confirmed referring to Ingram [28].

Lorenz [29] views data journalism as a process that begins with analyzing and continues by filtering and visualizing data in a form that links to a narrative. Knight [20] defines it as “a story whose primary source or ‘peg’ is numeric (rather than anecdotal), or a story which contains a substantial element of data or visualisation.” Rogers [30] notes that it combines spreadsheets, graphics data analysis and the biggest news stories. Deuze [31], looking at the interactive nature of online journalism as an added value, sees opening of new possibilities of user-content interaction in data journalism when done online. Veglis and Bratsas [32], addressing the power of visualisation and interactivity, present data journalism as “. . . the process of extracting useful information from data, writing articles based on the information and embedding visualisations (interacting in some cases) in the articles that help readers to understand the significant of the story or allow them to pinpoint data that relate to them.”

Bounegru, Chambers, and Gray [3] have rightly put that data can be used both as the source and tool for story-telling. Digitization of data and

rapid advancement in ICTs, especially interactive web and web-based data analysis and visualisation tools, contributed to the emergence and growth of data journalism. Parasie and Dagiral [23] note that using large amounts of data for writing an article was a difficult task for journalists even at the end of the past century for it requires specialized skills which were beyond the capabilities of average journalists (which is still the reality for countries like Bangladesh as mentioned by Islam [22] in his article “Making Sense of Data Journalism from Bangladesh Perspective”. Some of the major media/news organizations in the USA and UK hired programmers for this job. Back then, journalists used to rely on information given by governments, officials, research studies, etc. Exceptionally, some investigative reports were produced wherein journalists could manage on their own to find resources for gathering and analyzing their own data. However, with the growing amount of digital data and introduction of smart tools, which anyone could use for analyzing, visualising, and publishing huge amount of data, the scenario rapidly changed [33, 34].

Data Journalism Framework

Multiple taxonomies of data journalism have been suggested by different academicians and professionals. Veglis and Bratsas [24] presented a summary shown in Table 1 that includes three such taxonomies created using different parameters:

**Types of data journalism projects/stories proposed
by different professionals/academics**

Simon Rogers	Marth Kang	Martin Rosenbaum
by just the facts	narrate change over time	measurement
data-based news stories	start big and drill down	proportion
local data telling stories	start small and zoom out	internal comparison
analysis and background	highlight contrasts	external comparisons
deep dive investigations	explore the intersection dissect the factors profile the outliers	change over time league tables analysis by categories association

Veglis and Bratsas [24] noted in this regard that visualisations supplement the narrative in most of the data journalism stories. However, “in some cases the visualisation is constructed in such a manner so as to in-

clude the narrative of the news story. Thus, the visualisation becomes the centre of the data journalism story and the text (which is usually quite limited) supplements or explains the visualisation.” Alberto Cairo refers this as structuring the info-graphics as a story [35]. Based on their analysis of the previous taxonomies, Veglis and Bratsas [24] propose a new taxonomy which addresses both static and interactive data journalism projects. Figure 1 presents the graphical view of the taxonomy:

Figure 1. Taxonomy proposed by Veglis and Bratsas [24]

Methodology

The study is descriptive with a mixed method (quantitative and qualitative) design that includes content analysis of data-driven stories on the

2018 Bangladesh National Election and in-depth interviews. Two most widely reached dailies in Bangladesh, *Prothom Alo* (Bangla) and *The Daily Star* (English) have been selected. *The Daily Star* tops the circulation list of English dailies with a circulation of 44,814 [36]. *Prothom Alo* (501,800) comes second after the *Bangladesh Pratidin* (553,300) in the print circulation list [36]. However, it reaches a wider Bangladeshi community through its two online platforms (e-paper and news portal). Issues of the two above-mentioned dailies published between December 15, 2018 and January 14, 2019 (from 15 days before to 15 days after the election; the election was held on December 30, 2018) were analyzed. For ease of access, e-paper (online version with the exact same view of print version) of the two selected dailies (<https://epaper.prothomalo.com/> and <http://epaper.thedailystar.net>) were used for content analysis. A coding sheet was developed and used for this purpose that followed the framework below which has been developed based on the taxonomy shown in Figure 2:

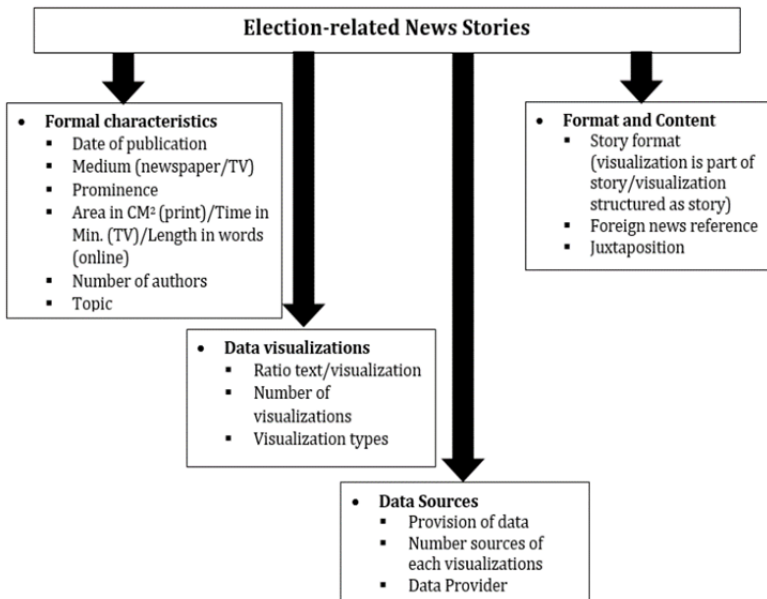

Figure 2. Conceptual framework adopted from Stalph [37] and Veglis & Bratsas [24]

Both the authors participated in the content analysis; hence, before start coding, they ensured inter-coder reliability of 90 percent using the following formula suggested by Holsti (1969): $C.R = \frac{2M}{N1+N2}$ where “M is the number of coding decisions on which the two coders are in agreement, and N1 and N2 refer to the number of coding decisions made by coder 1 and 2, respectively” (p. 140). SPSS was used for analyzing the quantitative data gathered from content analysis.

Four journalists (two from print, one from television, and one from online media) were purposively selected for in-depth interviews following two criteria: (1) has experience of at least 10 years of active journalism; (2) covered the national election of 2018, and (3) has experience of doing data-driven stories. Alongside one journalism faculty member, who also works as a Mobile Journalism and Data Journalism trainer, was interviewed. The interviews were conducted face to face using a semi-structured interview schedule, they were recorded using digital audio recorder and smart phone (as a back-up). Afterwards, those were transcribed in a summarized form. A third person went through the transcriptions to ensure consistency.

Findings and Discussion

Attention and prominence given to election stories. In general, political news get good coverage in Bangladeshi media be it print, broadcast, or online. Election news get even better treatment. During the recently held National Election of 2018, election news in two major dailies, *Prothom Alo* and *The Daily Star* received good treatment as usual. However, the coverage of the election in terms of the number of news items published, *Prothom Alo* was far ahead. During the study period, 958 out of 3,606 news items (26.6%) in *Prothom Alo* were related to the election, which is over one-fourth (26.6%) of the total news. On the other hand, 9.6% of 3,417 news items published in *The Daily Star* related to the election. However, though the use of data was not that significant in terms of the number of data-driven stories published, *The Daily Star* was a bit ahead of *Prothom Alo* in this regard. Only about 3% (29 out of 958) of election stories in *Prothom Alo* were data-driven while this rate was 6% (19 out of 298) in *The Daily Star*.

Formal characteristics of data-driven election stories. In this section, the formal characteristics of the election stories that used data are discussed: frequency, prominence, number of authors, and topic of election stories.

Frequency and prominence of data-driven election stories. Figure 3 below presents the frequency and prominence of data-driven election stories before and after the election:

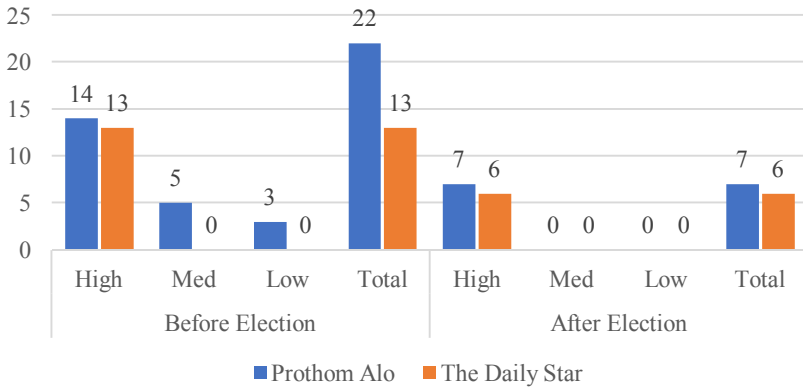

Figure 3. Frequency of data-driven election stories and Prominence given to them

It can be seen from Figure 3 that the use of data in election stories, in terms of the number of stories produced, was not that significant. Only 48 election stories were found in the two dailies analyzed. It is only 3.82% of the total number of election stories published during the study period. Also, it can be gleaned that *Prothom Alo* used data in more stories than *The Daily Star*. However, the low number of data-driven stories during the election is probably a reflection of the status of organizational readiness in Bangladeshi media outlets. The journalists interviewed in the study informed that there is neither a dedicated desk for data journalism in their outlets nor a comprehensive arrangement for training to equip reporters with skills. Those who are using data need to do everything by themselves including learning how to do it, practically the only help they get is from graphic designers who make visualisation part publicizable (Interview: Quarmal and Islam, 2019).

It can also be gleaned from the table above that Bangladeshi dailies treated data-driven election stories with high prominence (83%, or 40 out of 48). *The Daily Star* made it even more significant by putting all their stories in the high prominence area. These stories were given such a good treatment because usually readers have interest in election stories and (probably) visuals make them more suitable for such a treatment.

Number of authors in data-driven election stories. As can be seen in Figure 4 below, more than half (56%) of the data-driven election stories published in *Prothom Alo* and *The Daily Star* had no bylines; those were published with “Staff Reporter” or “Staff Correspondent” as the author. In stories with bylines, only about one-third (38%) were collaborative projects, a mere 16% of the total data-driven election stories. This is probably a reflection of a lack of strategic vision about seeing data as a primary source or “peg” [20]. Responses from the interviews regarding availability/access to data supports this assumption as well. One of the interviewees said: *Access to data is sometimes difficult (even practically impossible) to get, however, generally Right to Information Act helps in getting data from government entities though sometimes the process is too lengthy, and we try to get the data from alternative sources in such cases. Also, a lot of publicly available data are out-dated and some are not well-structured and ‘realistic’. Still, there are a lot of publicly available data which can be source of good investigative reports. But, most of the journalists are not even aware of it let alone knowing how to use the data* (Interview: Quar-mal and Islam, 2019).

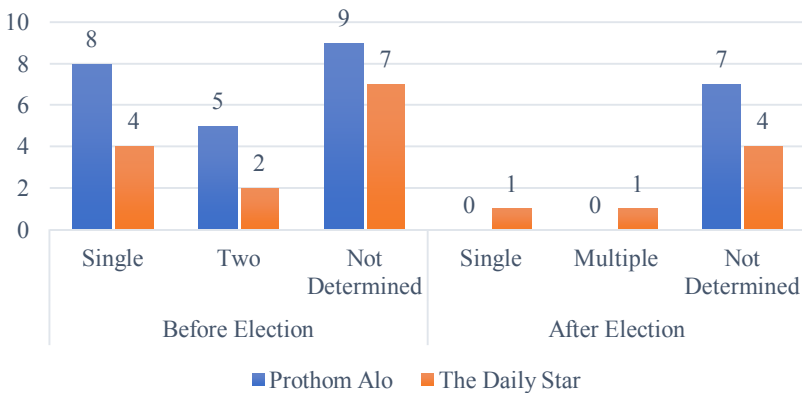

Figure 4. Number of authors in data-driven election stories

Topics in data-driven election stories. Topics covered in data-driven election stories are presented in Figure 5 below.

As can be seen from Figure 5, about two-thirds (64.5 %) of the data-driven election stories were devoted to providing general election updates like information about constituencies, candidates, campaigns of political parties, clashes and conflicts among rival political groups, etc.

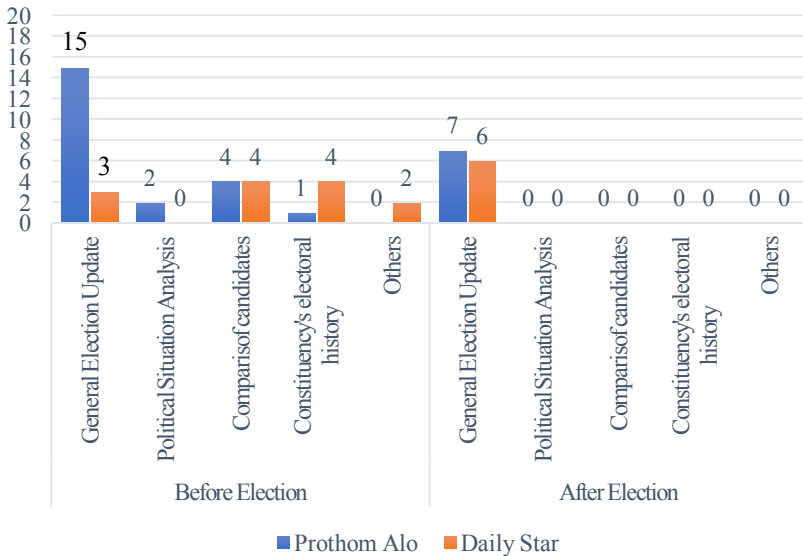

Figure 5. Topics in data-driven election stories

This trend can be seen both before and after the election; however, this is striking that all such stories after the election were devoted to providing general election updates though there are often mishaps following the election. Also, there is always a huge room for analyzing the election by comparing/contrasting it in many ways with the previous elections. It is also noteworthy here that all kinds of election stories were stopped about a week after the election. When asked during the interviews about this, none of the interviewees could shed light on this issue except saying “we (reporters) do not have control over this” (Interview: Quarmal and Islam, 2019).

Visualisations in data-driven election stories. Figures 6 and 7 below present the analysis of visuals, namely, the number of visualisations and types of visualisations used in data-driven election stories.

It can be seen from Figure 6 that a limited number of visuals were used in the data-driven election stories; three-fourths of the stories used just one visual each. *The Daily Star* used more visuals on average compared to *Prothom Alo*; seven out of their 19 stories used two visuals each and two stories used three visuals each.

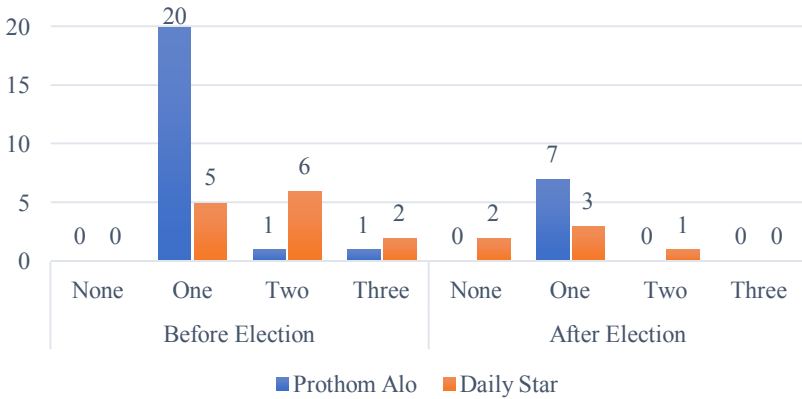

Figure 6. Number of visualisations in data-driven election stories

Types of visualisations used in *Prothom Alo* and *The Daily Star* were not that diverse as well. As can be gleaned from Figure 7, mostly infographics (56%) were used as visualisation. Also, 12.5% of the stories used more than one visualisation each. However, though Roam’s [38] visual frameworks say charts, for example bar charts, pie charts, area charts, line charts, radar charts, are more effective forms of visualisations for they can easily show comparative quantitative values and Kirk [39] mentions bar charts as the most reliable and useful visualisation as they can provide “categorical comparisons”, uses of charts were significantly low in numbers; only 12.5% in *Prothom Alo*. This is again, probably, the reflection of a lack of readiness among journalists, which is quite understandable as they have few training facilities.

Providing data-sets to readers is very important and cannot be ignored in any way as Stalpf [37. P. 11] rightly reflected from Weinacht and Ralf [40] that “providing used data-sets to readers as defined by open data is an essential characteristic of data journalism.” Hence, providing just a textual reference is not enough; instead, providing a link to the source should be a general practice among data journalists so that readers can have direct access to data sets and can view/download them. However, Bangladeshi print media is not yet in that practice as can be seen from Figure 8 below, which presents the facts regarding provision of data in the data-driven stories during the Bangladesh National Election of 2018 in *Prothom Alo* and *The Daily Star*, nation’s two most widely reached (and most credible) dailies. From

their observation of print media in Bangladesh, the authors cannot assume any different scenario in other dailies or news industry as whole. However, this could be an exploration point for future studies.

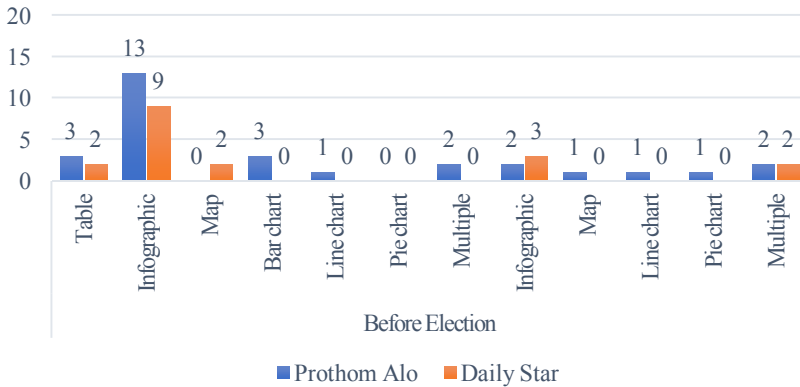

Figure 7. Types of visualisations in data-driven election stories (Never used: timeline, pictogram, area chart, bubble chart, scatter plot, radar chart, flow chart)

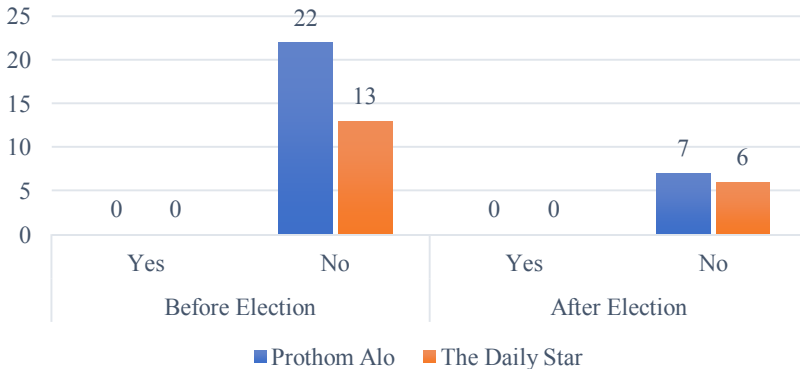

Figure 8. Provision of data in election stories

Except for few infographics, source was mentioned in the visualisations. However, all visualisations were produced using data from single sources. Also, a few visualisations (7 of 48) did not mention any source in it. As for the number of sources in each story, most stories indicated only one source. Figure 9 below presents the facts.

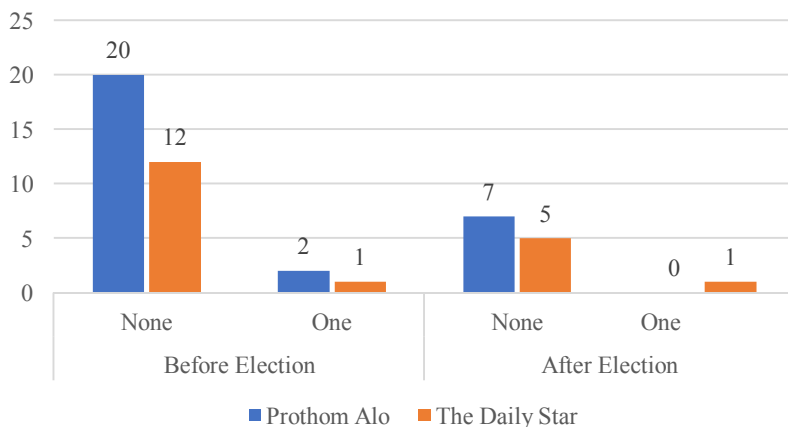

Figure 9. Number of sources mentioned in each visualisation in data-driven election stories

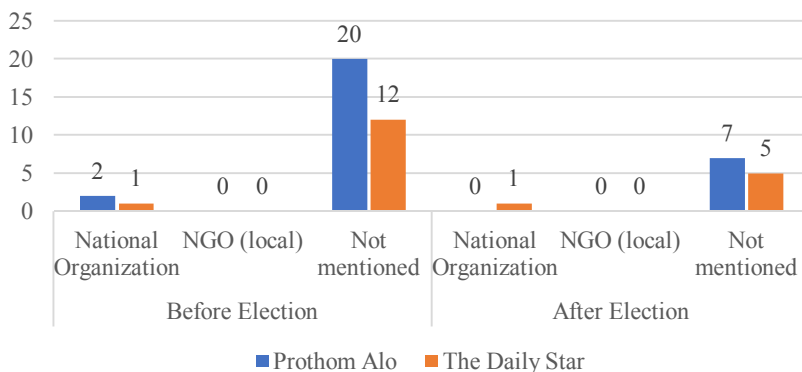

Figure 10. Providers of data used in election stories

It was found that government agencies, e.g. Election Commission (EC), Bangladesh Bureau of Statistics (BBS), etc., are major data providers of the election stories. This was learned from the interviews with the journalists as well. The journalists opine that none other can provide data as much as EC can. EC provides updates regarding election procedure on a regular basis. Also, EC makes open documents submitted by the candidates containing all kind of information about them including wealth, and these are a great source of data-driven stories. Alongside, local NGOs also do some

research, and data-driven stories are done using their data. Figure 10 presents the scenario found in the content analysis.

Form and content of data-driven election stories. When looking at form and content, three aspects of data-driven election stories, namely format, reference of foreign news, and juxtaposition, were analyzed. As can be gleaned from Figure 11 below, almost all the stories were presented in combination of text and visuals. In 71% of the stories, visualisation was part of the story; on the other hand, visualisation was structured as story in 25% of the stories (12 of 48). However, no visualisation was used in two stories—both published in *The Daily Star*. Though visualisation is often thought to be an integral part of data-driven stories, such absence of visualisation does not impact the story as Weinacht and Spiller [40] argue that data-driven stories are not bound to graphically represent the data. Also, the interviewed journalist from *Prothom Alo* opined the same. He stated: “We try to use visualisations as that can provide the reader with ease of summarizing the main facts and information regarding the subject matter, and it helps to attract the reader as well. However, content is the key, not the visualisations” (Interview: Quarmal and Islam, 2019).

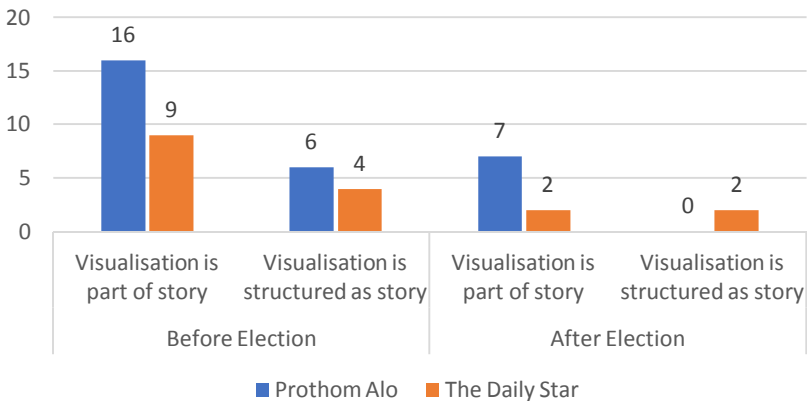

Figure 11. Structure of the data-driven election stories (Two stories did not use any data, hence were not categorically presented in the chart)

It is also seen in the analysis that none but one story, published in *Prothom Alo*, did refer to foreign news. This is quite understandable that the national election is a domestic event, hence, not much related to issues external to the country.

The researchers also tried to see whether there is any “perceived recognizable conflict” [37] by examining if any contrasting juxtaposition of “protagonists” and “antagonists” was put into action. No such juxtaposition was found.

Role of data journalism in combating misinformation during election. As mentioned earlier, four journalists having wide experience of covering election and doing data-driven stories were interviewed; among them two are from print media, one from television, and one from online media. Among the two working in print, one was from *Prothom Alo* and the other from *The Daily Star*. The journalist from *Prothom Alo* not only covered a number of elections in Bangladesh (including National Election, Upozilla Election, City Corporation Election, etc.) but also covered the recent National Election in India. Both the interviewees agreed on the importance of data in telling stories, in establishing truth. The one from *Prothom Alo* said: “Readers want quality news, quality story. Numbers do matter in quality storytelling, to tell the truth, to interpret the truth, to describe the social, political or economic process . . . Number is a determinant of a good news story, whether we put it in the headline or in story, as part of texts only or in the form of charts, tables or infographics.”

The journalist from *The Daily Star* said: “The practice of data journalism in Bangladesh is at very early level. Both print and electronic media are trying to tell stories by using data. We at the Daily Star are trying to practice data journalism for past few years. We try to use data in story and present visually. To make them more communicative, we emphasize on info-graphics so that stories are interactive and readers feel more connected to the story or issue.”

The other two interviewed journalists did not say anything much different. The TV journalist said: “We often use data in the form of infographics in our reports. However, if you ask me – it’s not really ‘data journalism’ in proper sense; not much insights are drawn from the infographics shown on the screen, sometimes they seem to me just decorative pieces. And, why not? Most of us don’t have much idea of ‘data journalism’; the concept is new.”

The one from online media noted: “I have been working as a journalist for about 20 years. Data is not new to me. I am familiar with using data in news stories. Because, I deal with the issues related to economy, business, and finance. And, I completely agree that there is no better way to tell stories to convince your audience, to show them the truth; the data itself tell

the story. But as a concept data-driven journalism or data journalism is very new in our country. Most of colleagues are unaware of the workflow that this specialized domain requires, let alone the skills.”

All the interviewees mentioned data provided by EC, specially the affidavits submitted by candidates to EC, as the main source of data of data-driven election stories. The *Prothom Alo* journalist stated: “We tried to use the information by putting in context, by digging out their embedded meaning. Data can help in challenging the official claims which are not true. We made stories by using the data on wealth of candidates from their ‘HOLOFNAMA’ (affidavits) and showed the comparison between official claim and reality” (Interview: Quarmal and Islam, 2019).

The Daily Star journalist made similar point stating: “We used all ‘HOLOFNAMA’ (affidavits). We analyzed them, tried to crunch data and presented using graphs, tables, charts their wealth before the previous election and before the recent one.”

Regarding the role of data journalism in combating misinformation during the elections, all the interviewees made positive notes that data journalism can do this not only in the case of election but other issues too. However, they stressed the credibility of the media outlet doing data-driven stories as well as the credibility of the data provider mentioning that people in Bangladesh often do not tend to rely on data provided by the government entities; they perceive them to be “cooked”. However, credibility of the media outlet adds a layer of trust: “That’s what our newspaper has earned in these many years,” said the journalist from *Prothom Alo*; “people think if *Prothom Alo* is saying something then there must be some point,” he added. The journalist from *The Daily Star* stated: “. . . we used data against false claims during Shahbag movement, Hafejat movement, Ramu incident. The blending of data and word can be really a great tool to tell the truth.” However, none of the interviewees reflected much on the electoral issues except for those already mentioned about using data from HOLOFNAMA.

As mentioned earlier, the interviewees also reflected on the current state of data journalism in Bangladesh. They agreed that data journalism is in its early days in Bangladesh. Few media outlets are trying to practice it but there are still a lot of challenges to overcome among which the first is the readiness of journalists and media outlets. Journalists need training and the organizations need to provide facilities required for data journalism, for example, a dedicated desk that would work in gathering/mining, analyzing,

interpreting, and visualizing data and regular training programs for journalists to make them skilled in these processes. Another important issue they mentioned was data archiving. According to them, data archiving is poor in Bangladesh, especially in case of government entities; a lot of publicly available data are outdated, and, worse, sometimes the respective office does not have the data. The journalist from *Prothom Alo* mentioned one such incident off the record. The online journalist mentioned the usability of the available data. According to him, most of the publicly available data are not readily usable, they are not structured. Both the authors experienced this themselves by exploring a number of websites. The interviewees also mentioned lack of training facilities on data journalism—both internal and external. They could not mention any institute that provides training on data journalism.

To get more insights on the current status of data journalism in the country, a journalism faculty member having a PhD in Journalism from the University of Liberal Arts Bangladesh was interviewed. He also works as a Mobile Journalism and Data Journalism trainer. He has a wide range of experience of working as a multimedia journalist and consultant at home and abroad. He echoes the journalist interviewees regarding the current status of data journalism in the country that it is in its early days in the country. He said:

I have been extensively working as a trainer and consultant before joining here. From my observations, I can say that there is lack of readiness both at the organizational level and individual level. I did not come across any media outlet that has a dedicated section for dealing with data journalism workflow. Dealing with data is a specialized skill and most of the journalists does not have the training for it. In my knowledge, the very first trainings on data journalism started taking place only in 2019. DW Akademie organized these trainings. The journalism schools are not providing any training on this as well. Most of the journalism curricula in the country focus on the traditional skills like news writing, news sourcing and gathering etc. which also came out in a study commissioned by the DW Akademie. The Media Studies and Journalism Department that I work in is one of the finest media, communication and journalism schools in the country; only of its kind to receive international recognitions. We have recently introduced a data journalism major – the first of its kind in the country. I think this information alone tells the story of data journalism in this country.

Conclusion

The sampled widely reached and largest circulated dailies produced a very small number of data-driven stories during the 2018 election. However, though the number of data-driven election stories was not that significant in both the dailies analyzed, those received good treatment in terms of prominence. Data visualisations were found to be less diverse—mostly infographics which reflects the lack of readiness again.

The interviewees agreed that data-driven stories can play an important role in combating misinformation; however, this was not much visible in the stories on the Bangladesh National Election of 2018. These stories did combat some misinformation and disinformation by debunking false claims made by the candidates; however, the efforts were limited. The interviews also revealed that the journalists rely mainly on the government entities for data, including during elections. However, data archiving and access to data can be seen as a significant challenge for the practice of data journalism in Bangladesh at this point of time.

The practice of data journalism is still in an early stage in Bangladesh. The media outlets in the country are not yet equipped with appropriate facilities and manpower, and they do not have mechanisms to produce/develop such manpower. From the interviews, it was also surfaced that there are almost no training facilities on data journalism; the curricula in journalism schools in the country are mainly focused on the traditional journalism skills like news writing, news sourcing and gathering, etc.; the first academic program on data journalism in the country has been introduced only recently.

The main limitation of the study is the sample size. The study included only two top reached news media outlets of the country where thousands of newspapers and magazines are published regularly. Moreover, it used only Dhaka-based newspapers and conducted interviews with Dhaka-based journalists.

The authors suggest for more researches on the topic with a larger sample size to get a broader perspective of the issue, to have deeper insights of the phenomenon, and to draw an authoritative conclusion.

References

1. Arsenault, A. (2017) The datafication of media: Big data and the media industries. *International Journal of Media & Cultural Politics*. 13. pp. 7–24.

2. Lycett, M. (2013) 'Datafication': making sense of (big) data in a complex world. *European Journal of Information Systems*. 22. pp. 381–386.
3. Bounegru, L., Chambers, L. & Gray, J. (2012) *The Data Journalism Handbook*. [Online] Available from: <http://datajournalismhandbook.org/>.
4. Loosen, W. (2018) *Four Forms of Datafied Journalism: Journalism's Response to the Datafication of Society*. Bremen: "Communicative Figurations" Research Network, Centre for Media, Communication and Information Research (ZeMKI) (Working Paper Series "Communicative Figurations Working Papers" No.18).
5. Baack, S. (2015). Datafication and empowerment: How the open data movement re-articulates notions of democracy, participation, and journalism. *Big Data & Society*. 2 (2). p. 205395171559463.
6. Veglis, A. (2009) Cross Media Communication in newspaper organizations. *MCIS 2009 Proceedings*. 4th Mediterranean Conference on Information Systems. Athens Greece: MCIS.
7. Bull, A. (2010) *Multimedia Journalism: A Practical Guide*. London and New York: Routledge.
8. Martyn, P.H. (2009) The Mojo in the Third Millennium. *Journalism Practice*. 3 (2). pp. 196–215. DOI: 10.1080/17512780802681264
9. Felle, T., Mair, J. & Radcliffe, D. (eds) (2015) *Data Journalism: Inside the Global Future*. Suffolk: Abramis.
10. Diakopoulos, N. (2011) *A Functional Roadmap for Innovation in Computational Journalism*. April 22. [Online] Available from: <http://www.nick-diakopoulos.com/2011/04/22/a-functional-roadmap-for-innovation-in-computational-journalism/>.
11. Gynnild, A. (2014) Journalism Innovation Leads to Innovation Journalism: The Impact of Computational Exploration on Changing Mindsets. *Journalism*. 15. pp. 713–730. DOI: 10.1177/1464884913486393
12. Hamilton, J.T. & Turner, F. (2009) *Accountability through Algorithm: Developing the Field of Computational Journalism*. Report given at the Behavioral Sciences Summer Workshop, Stanford, CA, July 27–31. [Online] Available from: <http://www.stanford.edu/~fturner/Hamilton%20Turner%20Acc%20by%20Alg%20Final.pdf>.
13. Petre, C. (2013) *A Quantitative Turn in Journalism?* Tow Center for Digital Journalism, October 30. [Online] Available from: <http://towcenter.org/blog/a-quantitative-turn-in-journalism/>.
14. Appelgren, E. & Nygren, G. (2014) Data Journalism in Sweden Introducing new methods and genres of journalism into "old" organizations. *Digital Journalism*. 2 (3). pp. 394–405. DOI:10.1080/21670811.2014.884344.
15. Bradshaw, P. (2011) *The inverted pyramid of data journalism*. Online Journalism Blog. [Online] Available from: <http://onlinejournalismblog.com/2011/07/07/the-inverted-pyramidof-data-journalism>.

16. Bradshaw, P. (2011) *Data journalism survey: A mixed picture*. Data Driven Journalism. [Online] Available from: http://datadrivenjournalism.net/news_and_analysis/data_journalism_survey_analysis.
17. Abramis, F.K. & Anderson, C. (2015) Data Journalism in the United States. *Journalism Studies*. 16 (4). pp. 467–481.
18. Mair, J. & Keeble, R.L. (2014) *Data Journalism: Mapping the future*, Suffolk: Abramis.
19. Thibodeaux, T. (2011) 5 Tips for Getting Started in Data Journalism. *Poynter*. October 6. [Online] Available from: <http://www.poynter.org/how-tos/digital-strategies/147734/5-tips-for-getting-started-in-data-journalism/>.
20. Knight, M. (2015) Data Journalism in the UK: A Preliminary Analysis of Form and Content. *Journal of Media Practice*. 16 (1). pp. 55–72. DOI:10.1080/14682753.2015.1015801
21. Andersen, C., Bell, E. & Shirky, C. (2014) Post Industrial Journalism: Adapting to the Present. In: Howard, A.B. (2014) *The Art and Science of Data-Driven Journalism*. Tow Center for Digital Journalism, Columbia University. [Online] Available from: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8Q531V1>. DOI: 10.7916/D8Q531V1
22. Islam, M.A. (2018) Making Sense of Data Journalism from Bangladesh Perspective. *Global Media Journal*. 16 (31).
23. Parasie, S. & Dagiral, E. (2013) Data-driven journalism and the public good: “Computer-assisted-reporters” and “programmer-journalists” in Chicago. *New Media & Society*. 15 (6). pp. 1–19. DOI:10.1177/1461444812463345
24. Veglis, A. & Bratsas, C. (2017) Towards a taxonomy of data journalism. *Journal of Media Critiques*. 3 (11). pp. 109–121.
25. Howard, A.B. (2014) *The Art and Science of Data-Driven Journalism*. Tow Center for Digital Journalism, Columbia University. [Online] Available from: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8Q531V1>. DOI: 10.7916/D8Q531V1
26. Rogers, S. (2012) Facts are sacred: The power of data. *Guardian*. 6 Jan. 2012. [Online] Available from: <http://www.theguardian.com/news/datablog/2012/jan/06/facts-sacred-guardian-shorts-ebook>.
27. Hirst, T. (2014) *Personal Recollections of the “Data Journalism” Phrase*. OUsefulInfo. 29 Apr. 2014. [Online] Available from: <http://blog.ouseful.info/2014/04/29/personal-recollections-of-the-data-journalism-phrase/>.
28. Ingram, M. (2009) *The Golden Age of Data Journalism?* Nieman Journalism Lab. May 2009. [Online] Available from: <http://www.niemanlab.org/2009/05/the-golden-age-of-computer-assisted-reporting-is-at-hand/>.
29. Lorenz, M. (2010) *Data driven journalism: What is there to learn?* Presented at IJ-7 Innovation Journalism Conference, 7–9 June, Stanford, CA.

30. Rogers, S. (2008) *Turning official figures into understandable graphics, at the press of a button*. Inside the Guardian Blog. [Online] Available from: <http://www.Guardian.co.uk/help/insideGuardian/2008/dec/18/unemploymentdata>.

31. Deuze, M. (2001) Online journalism: Modelling the first generation of news media on the World Wide Web. *First Monday*. 6 (10). [Online] Available from: <http://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/893>.

32. Veglis, A. & Bratsas, C. (2017a) Journalists in the age of Data Journalism: The case of Greece. *Journal of Applied Journalism & Media Studies*. 6 (2). pp. 225–244.

33. Bradshaw, P. & Rohumaa, L. (2011) *The Online Journalism Handbook: Skills to Survive and Thrive in the Digital Age*. Harlow: Longman.

34. Sirkkunen, E. (ed.) (2011) *Trends in Data Journalism*. [Online] Available from: http://virtual.vtt.fi/virtual/nextmedia/Deliverables-2011/D3.2.1.2.B_Hyperlocal_Trends_In%20Data_Journalism.pdf.

35. Bradshaw, P. et al. (2015) *Data Driven Journalism – Doing Journalism with Data: First Steps, Skills and Tools*. LEARNO.NET Professional Video Training by the European Journalism Centre. [Online] Available from: <http://learno.net/courses/doing-journalism-with-data-first-steps-skills-and-tools>.

36. DFP. (2018) *Statistics of Registered Newspapers and Magazines*. [Online] Available from: [https://dfp.portal.gov.bd/sites/default/files/files/dfp.portal.gov.bd/page/b5b99e8e_85fe_465d_992c_1fee17302efc/-/%E0%A6%AA%E0%A6%A4%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%BF%E0%A6%95%E0%A6%BE%E0%A6%B0%20%E0%A6%AA%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%9A%E0%A6%BE%E0%A6%B0%20%E0%A6%B8%E0%A6%82%E0%A6%96%E0%A7%8D%E0%A6%AF%E0%A6%BE%20%E0%A6%93%20%E0%A6%AC%E0%A6%BF%E0%A6%9C%E0%A7%8D%E0%A6%9E%E0%A6%BE%E0%A6%AA%E0%A6%A8%20%E0%A6%B9%E0%A6%BE%E0%A6%B0%20\(7\).pdf](https://dfp.portal.gov.bd/sites/default/files/files/dfp.portal.gov.bd/page/b5b99e8e_85fe_465d_992c_1fee17302efc/-/%E0%A6%AA%E0%A6%A4%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%BF%E0%A6%95%E0%A6%BE%E0%A6%B0%20%E0%A6%AA%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%9A%E0%A6%BE%E0%A6%B0%20%E0%A6%B8%E0%A6%82%E0%A6%96%E0%A7%8D%E0%A6%AF%E0%A6%BE%20%E0%A6%93%20%E0%A6%AC%E0%A6%BF%E0%A6%9C%E0%A7%8D%E0%A6%9E%E0%A6%BE%E0%A6%AA%E0%A6%A8%20%E0%A6%B9%E0%A6%BE%E0%A6%B0%20(7).pdf).

37. Stalph, F. (2017) Classifying Data Journalism. *Journalism Practice*. 12 (10). pp. 1332–1350. DOI:10.1080/17512786.2017.1386583

38. Roam, D. (2009) *The Back of the Napkin: Solving Problems and Selling Ideas with Pictures*. Expanded ed. New York: Penguin Books.

39. Kirk, A. (2016) *Data Visualisation: A Handbook for Data Driven Design*. London: Sage.

40. Weinacht, S. & Spiller, R. (2014) Daten journalismus in Deutschland. Eine explorative Untersuchung zu Rollenbildern von Daten journalisten. *Publizistik*. 59 (4). pp. 411–433.

Журналистика данных в борьбе с дезинформацией во время национальных выборов в Бангладеш в 2018 году

С. Б. Кармаль, М. А. Ислам

Ключевые слова: журналистика данных, дезинформация, фейковые новости, выборы в Бангладеш.

Мы живем в эпоху датификации. С развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) все аспекты человеческой жизни, взаимодействия и производства претерпевают быстрые изменения и часто пересматриваются; сфера журналистики не является исключением из этого правила. Некоторые недавние явления, такие как распространение лжи и/или дезинформации во время президентских выборов в США в 2016 г. и национальных выборов в Бангладеш в 2018 г., вызвали тревогу новостных организаций по всему миру и обострили вопрос о ценности рассказывания историй, основанных на данных. Это, с одной стороны, дает читателям возможность принимать обоснованные решения, а с другой – позволяет журналистам представлять факты более точно, достоверно, привлекательно и увлекательно. Обширная практика журналистики данных не является старым явлением во всем мире; то же самое относится и к академическим дискуссиям по этому поводу. Но в развивающихся странах, таких как Бангладеш, это концепция новая. Если быть более точным, то практика журналистики данных все еще находится в зачаточном состоянии в стране, и мало что было изучено относительно ее динамики с академической точки зрения.

Таким образом, в данной статье рассматриваются следующие вопросы: (1) использование данных бангладешских ежедневных газет с точки зрения статистики и/или инфографики при освещении национальных выборов 2018 года; (2) роль информационной журналистики в борьбе с распространением дезинформации во время указанного события. Исследование носит исследовательский и описательный характер. Для проведения исследования был принят смешанный методический подход. Данные были собраны с помощью количественного и качественного контент-анализа новостного контента, опубликованного во время выборов (за 15 дней до и после дня выборов) в двух наиболее распространенных ежедневных изданиях (*Prothom Alo*, *Bangla daily* и *Daily Star*). Кроме того, было проведено пять углубленных интервью с журналистами, имеющими опыт освещения выборов, и одним сотрудником факультета журналистики с соответствующим академическим образованием. Количественные данные были проанализированы с помощью SPSS, а качественные – с помощью тематического анализа и дискурсивного анализа.

МЕДИАТЕКСТ И МЕДИАДИСКУРС

УДК 316.77

DOI: 10.17223/26188422/8/4

Ю. М. Ершов

МЕСТНАЯ ПРЕССА КАК СКРЕПА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Статья является концептуализацией «топологии» местной прессы, а именно пространства физического и пространства социального, наполненного человеческим взаимодействием и отношениями. Журналистские сообщения в ленте новостей призваны уменьшить неопределенность у получателя информации, сориентировать его в социальном поле и на месте события. Занимаясь локализацией актуальной проблематики, журналист адаптирует свой текст к языковым и культурным особенностям местной аудитории. Автор обосновывает научную продуктивность междисциплинарных подходов в изучении пространственных измерений медиатекстов.

Ключевые слова: журналистика, медиатекст, пространство, место, локализация.

Введение

Журналистика есть творческая деятельность, выросшая как преодоление ограниченности человеческой природы. Человек не может быть одновременно в разных местах, но хотел бы знать, что там происходит. Журналисты работают по всему миру, порой на таких задворках, где нам не суждено побывать. Новости появляются везде, куда смотрят репортеры. И каждое репортерское сообщение начинается с обозначения места, о котором идет речь. Местоположение, как и дата сообщения, это атрибут новости и исходная точка для читателя, способного, благодаря журналисту, представить действие, которое разворачивается здесь и сейчас или где-то когда-то.

«Где?» – один из пяти вопросов новостной журналистики. В зависимости от ответа на него мы получаем не только тот или иной медиатекст, но и журналистику того или иного вида: информационную

или аналитическую, познавательную или, допустим, трэвел-журналистику. Нашей ближайшей задачей является рассмотрение тех пространственных ориентиров, масштабов обзора и осей координат, которые свойственны всей журналистике и определяют характеристики медиатекста.

Место как часть пространства – это не просто фон или декорация, но активный игрок – актер, воздействующий на социальные процессы. Все, что происходит в жизни, где-то происходит, что исключительно важно. Пространство абстрактно, место конкретно. Из мест нашего обитания мы черпаем социальные смыслы и свою идентичность. Место приобретает символическое и культурное значение, формируя ценности, нормы и образ мыслей. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, а всяк кулик свое болото хвалит.

Место имеет несколько пространственных измерений или масштабов рассмотрения, важных для журналистского взгляда на мир. Во-первых, это место события – наполненное объектами пространство, доступное непосредственному наблюдению. Это наиболее элементарное представление того, «где». Его можно назвать локусом или локацией. И это важнейшая категория репортерской деятельности: работа на месте события.

Любой оказавшийся на месте события раньше других становится журналистом, если сообщает множеству читателей о том, что увидел сам. Журналисту необходимо не только сориентироваться на месте события, но и локализовать событие для своих читателей, то есть сориентировать их в пространстве новостной истории. Локализация является необходимой профессиональной операцией в начальных этапах журналистского поиска и сбора информации.

Во-вторых, место – это некая территориально-административная единица в системе государственного районирования, имеющая законодательно установленный статус и наименование, внесенная в реестр для осуществления функций управления. Это может быть деревня или село, аул, улус, уезд и проч. Коммуникация появляется как возможность соединения двух географических точек. Медиакоммуникация – это возможность знать, что происходит за пределами нашего населенного пункта.

Медиа получили развитие как средства преодоления дистанций и охвата огромных территорий. Этимология слова «телевидение» (дальновидение называли его на заре становления технологии) напоминает

нам об этом. Телевидение настолько насыщает нашу серую повседневность образами разных мест (не всегда реальных, порой – воображаемых), что трудно говорить о пространстве, не упоминая о медиаканалах, создающих эти мыслимые и немыслимые пространства.

В-третьих, место – это обитель для смысла совершенных действий. Здесь просится древнегреческое слово *τόπος*, которое переводится и как тема. Не место красит человека, но человек придает каждому месту свой смысл. Например, Сибирь – воображаемое пространство, где человек живет близко к природе в довольно-таки суровых климатических условиях. Никто не знает, где она начинается и где заканчивается. Журналисты, как и писатели, занимаются созданием образов мест (например, Великий Устюг – Резиденция Деда Мороза. Или что есть Сибирские Афины, если, кроме Томска, на этот неофициальный статус претендуют и Барнаул, и Иркутск?) Журналистику можно рассматривать как топологию социальных пространств, которые журналистами в известной степени и порождаются.

Сама журналистика мыслима как информационное пространство или медиаландшафт. Информационное пространство изучается не только медиаисследователями, но и политологами, правоведами в контексте, к примеру, информационной безопасности государства. Для человека естественно представлять свою деятельность в пространственных измерениях, привязываясь к каким-то реальным или воображаемым границам, точкам на географической карте, пунктам ментальной карты, чтобы обрести жизненно важный смысл, который без надежных локаций норовит ускользнуть от нашего разума и обратить все окружающее в хаос. Журналистика все время находится в поисках ускользающего пространства и в попытках зафиксировать в своих медиатекстах хронотоп «здесь и сейчас». Наша исследовательская цель – очертить поле пространственных измерений журналистики и наметить методологические подходы к анализу в медиатекстах локаций, топосов и территориальных границ.

Актуальность этой темы связана не в последнюю очередь с ростом интернет-коммуникаций и трансграничного телевидения, которые если не отменяют областничество и местный специалитет, то многое меняют в нашем пространственном мышлении, а также влияют на пространственную точку зрения в журналистике. Помимо интернета, стирающего границы, на изменения в пространственных ориентациях влияют глобализация и противостоящая ей регионализация, которая в

ряде случаев оборачивается ростом национального самосознания. Хотя медиаисследования подпитываются урбанизмом и информационной экологией городской среды, многие новые явления в медиаландшафте пока ждут своего изучения. В частности, не осмыслен еще концептуально феномен гиперлокальных медиа, ставший, пожалуй, самым неожиданным трендом последнего десятилетия для местных СМИ и социальных сетей. Нуждается в продолжающемся изучении стратегия выживания местной прессы и независимых городских телеканалов, которые с переходом на цифровое вещание готовы отойти в мир иной.

Теоретический контекст проблемы места и пространства в журналистике

Поскольку пространство, наряду со временем, — одна из самых широких бытийных категорий, его так или иначе изучают все науки. И в пространственных исследованиях больше, чем где-либо еще, развиты междисциплинарные проекты на стыке географии и экономики, регионоведения и социологии, картографии и культурологии. Такие журналы, как «Топос» (<https://www.topos.ru/>), «Пространство и время» (<https://space-time.ru/>), «Пространство, время и фундаментальные взаимодействия» (<http://www.stfi.ru/>), содержат публикации на стыке разных областей теоретического знания. Исследователи сегодня воспринимают физическое пространство как вместилище или контекст социальной реальности, по-своему решая, какое именно определение пространства целесообразно и применимо в рамках их теоретических разработок.

Удивительно, но в российских медиаисследованиях долгое время не ставили вопроса о журналистском измерении физического пространства и о междисциплинарном взаимодействии географии и теории журналистики. За рубежом в последние два десятилетия складывается целое направление научной мысли, названное геомедиаисследованиями. Шведский профессор медиакоммуникаций Андре Янссон стал директором геомедиа-исследовательской группы в университете Карлстада и опубликовал ряд работ по этой проблематике [1]. Немало публикаций на тему пространственных коммуникаций принадлежит перу американского профессора географии из университета Техаса Пола Адамса [2]. Монографию Пола Адамса и книгу Яспера Фолк-

хаймера, написанную совместно с Андре Янссоном, обозревала Е. Г. Ним в статье «Медиапространство: основные направления исследований» [3].

Однако необходимо обратить внимание на то, что в нашей стране ученых интересует не столько физическое пространство, сколько виртуальное – медийное или информационное, которое понимается в духе социального пространства, теоретически обоснованного Анри Лефевром [4], Пьером Бурдьё [5], Георгом Зиммелем [6] и другими европейскими социологами. Одним из первых об информационном пространстве у нас стал писать Е. П. Прохоров, автор учебников по теории журналистики. Он же в книге «Журналистика и демократия» [7] дал определения схожим понятиям – «информационная среда» и «информационное поле». Показателем интереса академического сообщества к проблеме информационного пространства служит ряд защит кандидатских диссертаций по разным наукам [8–10]. Многолетние результаты изучения информационного общества и медиапространства собраны в книге профессора ВШЭ И. М. Дзялошинского «Современное медиапространство России» [11]. Студенты факультетов журналистики обычно знакомятся с категорией медиапространства в рамках курса по основам журналистики и курса по медиасистемам, входящим в государственный образовательный стандарт последнего поколения.

Информационное, или медийное, пространство достаточно изучено и нас интересует в меньшей степени, чем пространство физическое с геотегами, особенностями локализации и топонимики в журналистских текстах. Поэтому перейдем к обзору трудов географов, которые могут быть интересны медиаисследователям. Прежде всего, это работы профессора кафедры экономической и социальной географии на географическом факультете МГУ, специалиста в области социально-экономического развития регионов Натальи Зубаревич. Она – автор «теории четырех России», развитой ею из существующей в экономической географии с 1970-х гг. центр-периферийной модели развития пространства [12]. Россия в социально-экономическом отношении мыслится Н. В. Зубаревич внутренне неоднородной, разделенной на относительно развитые города и отсталую провинцию. Эти концептуальные разработки могут быть экстраполированы и в типологии журналистики, где тоже есть пресса моногородов, федеральные (по сути столичные) СМИ и низовая печать районных центров, которая меньше всего изменилась с прошлой эпохи.

На стыке экономики, социологии и географии изучают постсоветскую Россию Б. Б. Родоман, В. Л. Каганский и С. Г. Кордонский [13–16]. О социальном пространстве страны публиковали свои исследования и урбанисты-системщики школы П. Щедровицкого: В. Глазычев, С. Градировский и В. Княгинин. В начале 2000-х гг. у них вышел ряд работ о концепции пространственного развития России, которые были собраны потом в сетевом проекте «Русский Архипелаг» [17]. Это все теоретики социальной географии, рассматриваемой как совокупность закономерностей культурного ландшафта страны и его трансформации.

Медиагеография как новое направление научной мысли рассматривается в статье «Внешнеполитическая коммуникация и медиагеография: взаимосвязь и взаимозависимость» московских медиаисследователей [18]. Объектом исследования медиагеографии, по мнению авторов, являются информационные, культурные, политические и технологические процессы, формирующие «пространственные неясности» как сущностные признаки глобализации. Пространственные противоречия изучались в нашей монографии «Телевидение регионов в поиске моделей развития», выпущенной издательством Московского университета в 2012 г. Данная статья продолжает и развивает исследования пространственных медиа, выполненные в прошлые годы [19–22].

Методика анализа локализации пространства в медиатекстах

Введение декартовой системы координат превратило античное «место» – и платоновский «хорос», и аристотелевский «топос» – в фиксируемую в этой системе точку, описываемую совокупностью параметров. Нас интересует в первую очередь, какие именно параметры используют журналисты в новостных историях для характеристики места события и репрезентации описываемого пространства или точки на местности. Насколько эти метрики могут быть типологизированы? Далее нам важно выяснить соотношение геолокаций в новостной ленте дня и недели, то есть из каких мест журналисты в основном извлекают новости. И в третью очередь нам интересна реакция аудитории на локусы в ленте новостей: с какими геотегами сообщения прочитываются большей частью читателей, а из каких мест не читаются. Другими словами, задачей данного исследования было

понять, насколько местная журналистика связана с определенными местами и каково общее поле пространственных измерений.

Для анализа медиатекстов были отобраны три городских новостных портала в городах Владивосток, Калининград и Севастополь. Городские интернет-порталы были отобраны как входящие в тройку самых читаемых СМИ в данном регионе по измерениям исследовательской службы «Медиалогия» за первый квартал 2020 г. Так, в Калининградской области на втором месте в топ-20 самых цитируемых СМИ области с показателем 47,6 пунктов оказался портал Klops.ru (Источник: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/7395/>). Оказавшийся на первом месте сайт Newkaliningrad.ru имеет примерно такой же индекс цитируемости – 47,9 пунктов. Так же на втором месте в г. Севастополе, по данным «Медиалогии», оказался городской портал ForPost (его адрес: Sevastopol.su). Несмотря на вторую позицию в рейтингах цитируемости, этот портал является самым читаемым СМИ в Севастополе, опережая конкурентов по количеству подписчиков в социальных сетях (в Facebook, например, у ForPost 7,5 тысяч подписчиков, а «ВКонтакте» – 44,5 тысяч подписчиков). Во Владивостоке вторую рейтинговую позицию среди интернет-СМИ занял городской новостной портал Vl.ru (цитируемость 44,5 пунктов, у лидера – Vostokmedia.com – этот показатель составил за первый квартал 60,8 пунктов).

Почему мы не сделали выборку из лидеров цитируемости? Как правило, это информационные агентства. И как, например, информационное агентство «Крыминформ», они аффилированы с органами власти, отражают официальную точку зрения и публикуют много пресс-релизов. Первые работают на первое лицо области и, можно сказать, не показательны. Вторые находятся в роли догоняющих и, как правило, больше стараются. Несмотря на то, что “Mediascope” не во всех регионах ведут измерения по Web-Индексу популярности, в каждом городе знают, кто главный поставщик новостей. Пусть сводки информационных агентств больше цитируют в разных СМИ, тексты городских порталов больше читают и обсуждают в городской среде, что видно по соцсетям, где каждый такой портал удваивает свою аудиторию.

Кроме того, новостные интернет-порталы не только архивируют свои медиатексты, но и сами считают количество просмотров того или иного сообщения. Телекомпании и газеты гораздо реже ставят

такие счетчики. Что касается выборки городов, то взяты были намеренно крупные портовые города, расположенные на границе (вблизи границы) с другими странами и понимающие себя как форпост. Севастопольский городской портал прямо и называет себя Forpost. Отметим, что во внутренних областях России ощущение границ и внешних пространств отличается от восприятия жителей лимитрофов и крайних точек страны.

На каждом из трех названных порталов были отобраны медиатексты из ленты новостей за пять дней (с 1 по 5 ноября). Далее каждый из отобранных текстов классифицировался по тематике и локальности. Локальность определялась по нескольким параметрам. Во-первых, по геотегу или географической рубрике, которые во многих случаях обозначали адрес новости. Во-вторых, когда геотегов или рубрикации не было, локальность определялась по контексту новостной истории и любым обозначениям местности. Например, на портале Vl.ru вышел текст под заголовком «На трассе Артем – Находка заменят сплошную разметку на прерывистую там, где это возможно». Этот текст атрибутирован как сообщение о Приморском крае. Помимо темы и локуса, отмечалось количество просмотров данного медиатекста, которые фиксируются в медиаметриках самих порталов. Всего анализу подверглось 588 медиатекстов (242 на сайте ForPost, 214 на сайте Klops.ru, 132 на сайте Vl.ru). После обработки полученных данных составлены диаграммы с визуализацией результатов контент-анализа (рис. 1–3).

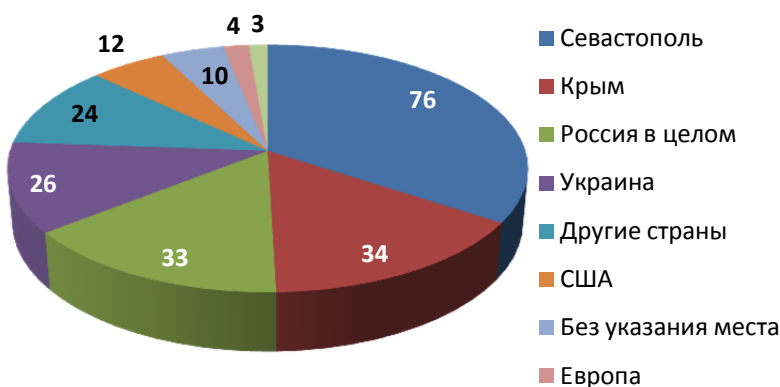

Рис. 1. Распределение локаций в ленте новостей городского портала ForPost

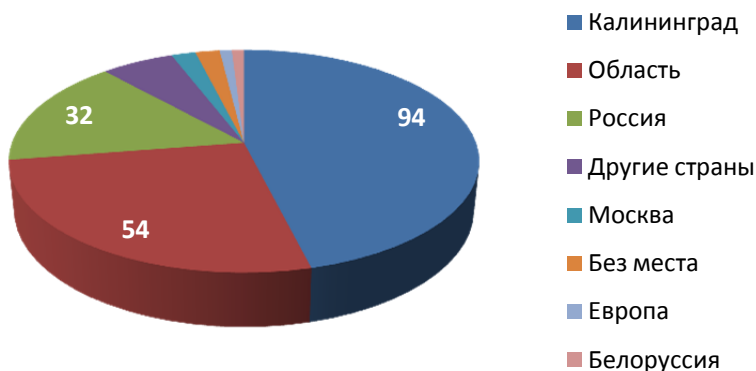

Рис. 2. Распределение локаций в ленте новостей городского портала Klops.ru

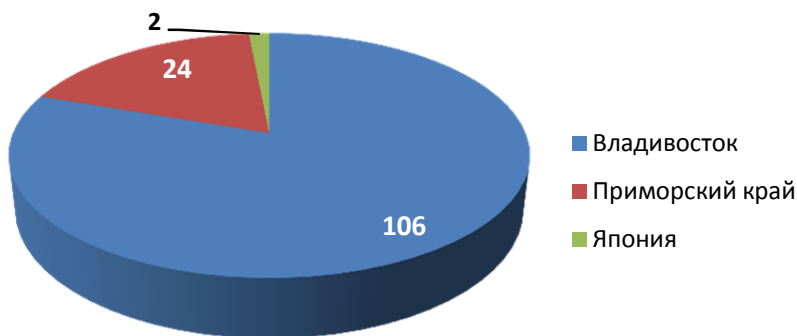

Рис. 3. Распределение локаций в ленте новостей городского портала Vl.ru

Основные результаты контент-аналитического исследования

Как журналисты представляют в медиатексте место события?
Севастопольский сайт «Форпост» использует рубрикацию, в которой новости уже подверглись градации по масштабам обзора: Севастополь – Крым – Россия – Новороссия – В мире. Наряду с общеизвестными локациями портал вводит рубрику «Новороссия», хотя это географическое наименование вышло из употребления в начале XX в. и

введено в политический язык после начала вооруженного конфликта на востоке Украины в 2014 г. Под названием «Новороссия» выступал конфедеративный союз непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик. Отметим, что под рубрикой «Новороссия» публикуются сообщения об украинских делах вообще (например, новость о том, что Зеленский попросил Меркель помочь Украине получить вакцину от коронавируса).

Помимо рубрикации, журналисты портала «Форпост» часто используют обозначение места и в заголовках своих сообщений. При этом некоторые заголовки выглядят иностранными. Например, 11 ноября портал опубликовал новость под заголовком «В России решили пересмотреть правила оформления мелких ДТП». 12 ноября вышла новость под заголовком «В России решили повысить налог для богатых: почему это плохая идея?». 19 ноября – «Путин создает в России сверх орган сверх власти». Что в этих заголовках кажется странным? – Как будто бы автор смотрит на Россию из-за границы, не считая себя частью этой страны.

Это феномен островного сознания, когда крымчане говорят: «приехал с материка» или «полетел в Россию». Замечу, что и в Калининграде такое «островное», или анклавное, сознание тоже обнаруживается в медиатекстах. «В России установили новые требования к регистрации автомобилей, выпущенных в ЕАЭС» пишет сайт Klops.ru. А кстати, почему сайт так странно себя назвал? Редактор портала пишет: «Klops – это тысячепроцентное попадание в калининградскую и европейскую аудиторию (да, уважаемый читатель, каюсь: я тогда был безоглядно германизирован)¹. И Крым, и Калининградская область – это пограничные территории, жители которых могут испытывать затруднения со своей идентичностью (особенно если они жили здесь до смены региональной юрисдикции).

Локальные, гиперлокальные и нелокализованные. Все три городских портала сообщают преимущественно местные новости и гораздо реже пишут о жизни соседних стран и регионов. Распределения локаций показательны и говорят кое-что о контент-политике издания. Так, например, Севастопольский «Форпост» примерно треть своих сообщений посвящает севастопольским событиям и 14 % медиатекстов – событиям в Республике Крым или в других населенных пунк-

¹ «Почему “Клопс”»? (<https://special.klops.ru/story5>).

тах Крыма. Около 11 % новостей в ленте посвящено соседней Украине. Много это или мало? В сравнении с сообщениями из соседнего Краснодарского края (1 %) – много. Однако в сравнении с новостями из США, Европы и других стран (40 % в совокупности) украинские 11 % не кажутся большой долей. Вероятно, пять лет назад украинская доля была существенно выше.

Рассматривая распределение локусов на калининградском портале Klops.ru, замечаем, что он гораздо меньше севастопольского портала интересуется международной жизнью и сильнее завязан на сам город и окруженную другими странами область (почти 70 % всех медиатекстов посвящено области и ее областному центру). Соседняя Белоруссия, Литва и Польша представлены в единичных медиатекстах. Отчасти такое сужение горизонта обзора связано с редакционной технологией новостей. Klops.ru не публикует сообщения информационных агентств или других СМИ, но занимается рерайтингом – переписывает текст, адаптируя его к информационным запросам своей аудитории, и одновременно локализует проблематику своего материала. Например, в ряде сообщений зафиксирован рост интереса туристов к посещению Калининграда на Новый год¹. Журналисты портала спрашивают у губернатора, не приведет ли поток туристов к ухудшению коронавирусной ситуации, получая оперативный обнадеживающий комментарий первого лица области².

Владивостокский городской портал VL.ru еще более сужает поле обзора событий и, по сути, пишет только о Владивостоке и еще немного о Приморском крае (18 % медиатекстов). Всего лишь два текста за пять дней нашего мониторинга были посвящены соседней Японии. Ни одного – Китаю, и ничего о Москве. Владивосток по геотегам выглядит как совершенно самодостаточный город, углубленный в свои собственные проблемы, связанные прежде всего с экологией и пандемией. Отчасти гиперлокальность городского портала связана с большой конкуренцией в информационном пространстве Владиво-

¹ «Они надеются, что мы вышли на плато»: Ермак – о туристах, которые планируют посетить Калининград на Новый год. URL: <https://klops.ru/news/2020-11-13/223368-oni-nadeyutsya-cto-my-vyshli-na-plato-ermak-o-turistah-kotorye-planiruyut-posetit-kaliningrad-na-novyy-god>.

² Алиханов объяснил, почему не боится притока туристов в регион на Новый год. URL: <https://klops.ru/news/2020-11-13/223392-alihanov-ob-yasnil-pochemu-ne-boitsya-pritoka-turistov-v-region-na-novyy-god>.

стока, где за внимание читателя соперничают три крупных информационных агентства и три местных телеканала, которые регулярно формируют о событиях в стране и за рубежом.

В анализе текстов были выделены нелокализованные, или «бездомные», журналистские тексты. Десять таких сообщений обнаружены на сайте Forpost и четыре на сайте Klops.ru. Пример «бездомного сообщения»: «Назван общий признак восьми опасных заболеваний. Осенью и зимой этот симптом обычно не несет никакой угрозы здоровью. Холодные ноги могут свидетельствовать об атеросклерозе, диабете, гипотиреозе и других опасных заболеваниях. Об этом заявила ортопед Даниэла Депре, сообщает РИА Новости...». Как правило, такие нелокализованные новости вызывают меньший интерес читателей, хотя затрагивают темы общего интереса (здоровье) и попадают в актуальную проблематику (пандемия). Читатель как будто «мониторит» заголовки новостей, проверяя тексты на географическую близость к месту его обитания: как это касается меня?

С каким геотегом читают больше сообщений? Мы подсчитали среднее количество прочтений медиатекста в ленте новостей и определили, насколько отклоняются от средних значений сообщения с тем или иным геотегом. На портале Forpost среднее число прочтений медиатекста составило 2 705. Лидером по читаемости стал текст от 6 ноября под заголовком «Почему в Севастополе коронавирус растет больше, чем в Крыму». Его прочли 18 262 раза. Тег «Коронавирус» в сочетании с геотегом «Севастополь» обусловил рейтинг новости, хотя в самом тексте нет каких-то ярких отличительных черт. Это рядовая заметка со ссылкой на экспертное мнение начальника территориального отдела Роспотребнадзора по Севастополю.

В Калининграде у портала Klops.ru больше среднее число прочтений одного медиатекста – 5 580. Третьего ноября было опубликовано сообщение под заголовком «В Калининградской области ужесточили ограничения по коронавирусу». Оно стало лидером читаемости, собрав 62 206 просмотров. Журналисты сопроводили новость двумя тегами: #здравоохранение и медицина и #коронавирус в калининграде. Так же, как и в Севастополе, сочетание наиболее актуальной темы с близкой локацией дает результат, в десять раз превышающий средние параметры читаемости новости. При этом сама новость состоит из шести предложений, но содержит гиперлинк на текст с подробностями (более детализированной статистикой).

Во Владивостоке показатель средней читаемости новости составил 4 020 прочтений. А лидером по просмотрам стал медиатекст от 3 ноября под заголовком «Каникулы во всех муниципальных школах Владивостока продлены до 14 ноября». Его прочитали 24 404 раза. Хотя сообщение посвящено вроде бы образованию, на самом деле оно о ситуации с коронавирусной инфекцией – о той же злободневной теме, которая более всего волнует и калининградцев, и севастьяпольцев. Мы выделили и аутсайдеров рейтинга читаемости. Это сообщение для предпринимателей Приморского края об открытии расчетного счета для бизнеса бесплатно в ББР Банке (всего 186 прочтений). И сообщение о том, что в аэропорт Владивостока вне графика прибывает рейс из Москвы (330 прочтений).

Итак, результаты контент-анализа показывают, что местные новости остаются востребованными аудиторией и вызывают куда больший интерес, нежели новости федерального масштаба или сообщения о международной жизни. На примере владивостокского портала VL.ru мы видим, что местная лента новостей может вообще не публиковать ничего о событиях в столице или других странах: это не сказывается на интересе читателей, у которых много других источников информации о тех же федеральных или зарубежных делах. Вместе с тем есть местные порталы, которые вступают в конкуренцию за внимание читателей с федеральными СМИ, предлагая свою повестку дня, как это делает в Севастополе Forpost, выстраивающий границы читательского внимания в своих географических рубриках.

Дискуссия о геолокациях в медиатекстах и пространственных измерениях

Историк и культуролог Бенедикт Андерсон ввел понятие «печатный капитализм» [23]. Суть его в том, что при капитализме появилась технология массовой коммуникации, а газеты стали одним из первых промышленных товаров. Не зная друг друга лично, миллионы людей каждое утро читают одни и те же передовые статьи, обсуждают одни и те же новости в тех самых формулировках, которые внедрили в их сознание редакционные колумнисты. Вот это все и создает нацию или любое другое воображаемое сообщество. Но если газеты стали когда-то интеграторами «коммьюнити», исчезновение газет предвещает дезинтеграцию этих самых социальных групп.

Нашу текучую «модернити» (современность) можно описать через новые термины – «атопия» или «безместность», что означает разрушение социального пространства или, говоря словами М. М. Бахтина, «тела общения». Люди разбредаются по разным локалам, утрачивая связующие их нити, замыкаясь на своих хуторах и в своих квартирках. Мы впадаем в иллюзию, что благодаря смартфонам все время на связи, но это связи другого рода. Журналисты перестали ездить в командировки – на такие расходы в редакциях нет денег. Институт соборов в прессе практически исчез. Сегодня корреспонденты пишут о том, что происходит где-то далеко, не побывав на месте события, а довольствуясь копипастом чужих сообщений или пресс-релизом. Это сказывается на доверии аудитории к новостям и их разносчикам.

Между тем есть региональная специфика, которая распознается, только когда ты поживешь достаточно долго в этой местности. Есть люди, ревностно оберегающие неповторимую атмосферу родных мест. Таких героев еще древние римляне называли духами места (*genius loci*), считая их покровителями деревни. Так же, как в фауне и флоре есть эндемичные животные и растения, живущие только здесь и нигде больше, в регионах есть факты-эндемики¹, отличающие социальные отношения на этой территории. Необходимо развивать концепцию местного знания, а студентов факультетов журналистики надо учить локализации подобно тому, как военные проводят рекогносцировку на местности. Отправка журналистов в богатые на события места для освещения судебных заседаний, полицейских расследований и решений городских властей дает репортеру стабильные новостные поводы или то, что Уолтер Липпман назвал «ожидаемой неожиданностью» [24]. Можно заметить, что есть не только богатые на события места, но и города-нюсмейкеры, которые все время упоминаются в мировых лентах новостей.

Как указывает Дэниел Халлин [25], Вашингтон, Москва, Пекин и другие мировые столицы и названия мест становятся персонажами в повествовании новостей, но такие обозначения, как Уолл-стрит (замена большого бизнеса) или Кремниевая долина (сокращение от технологической индустрии), тоже работают символическим образом. Журналисты создают себе имя, когда их «нейминг» выстреливает, и

¹ Термин «факт-эндемик» предложила ввести в научный оборот старший преподаватель кафедры журналистики филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе Е. Б. Громова.

наряду с реальным географическим обозначением люди начинают пользоваться метафорой «Нефтеград» и проч. В 1982 г. журналист томской газеты «Красное знамя» Виктор Лойша спросил у выпускницы отделения журналистики Ирины Андреевой: «Ирка, хочешь родить город? Возьми себе распределение в Парабель. Там начинают строить город для нефтяников, а ты будешь его возвеличивать».

Одушевленные журналистами места играют особую роль в осмыслении сложной политики или процесса, не имеющего ни начала, ни конца. Например, фильм Ю. Дудя «Русские в Кремниевой Долине» не мог называться «Русские в Пало-Альто», хотя второе название было бы географически точнее. Юрий Дудь стал главной фигурой в современной российской журналистике благодаря тому, что открывает социальные пространства для нового поколения ютуберов. Так, в анонсе к двухчасовому фильму «Колыма» Ю. Дудь сказал: «У выпуска, который вы сейчас посмотрите, есть две задачи. Первая – кому-то рассказать, а кому-то напомнить, какой ужас пережила наша страна. Вторая – показать, что на планете есть места, которые, кажется, не приспособлены для жизни, но даже в этих местах человек может адаптироваться, жить и быть счастливым»¹.

Есть города-миллионники, которые богаты и на человеческий капитал, и на новости, но есть также их противоположность – населенные пункты, бедные во всем. В специальной англоязычной литературе используют термин *news desert* (новостная пустынь). Такими пустынями стали тысячи населенных пунктов, в которых исчезли ежедневные газеты. Газета была своеобразным центром социальных связей конкретной территориальной общности. Если в городе нет репортеров, значит, в нем ничего и не происходит. Когда молодежь говорит, что собирается, закончив школу, отсюда валить, потому что не видит перспектив у этого города, их социальный пессимизм обусловлен еще и отсутствием достаточного информационного обслуживания на этой территории. Можно было бы составить информационную карту России, введя корреляцию между количеством местных СМИ и размером этого города на карте. Это покажет существующие диспропорции: не только финансовые, цифровые, но и информационно-коммуникационные разрывы.

¹ Мощнейший материал в свете нездоровых нынешних трендов. URL: https://www.znak.com/2019-04-25/pisateli_istoriki_i_zhurnalisty_ocenili_film_yuriya_dudya_o_kolyme_i_repressiyah.

Еще в 1973 г. президент Финляндии Урхо Кекконен использовал в своей речи понятие «информационный империализм». Речь шла о чрезмерной концентрации СМИ в руках немногих медиаконцернов США и Западной Европы. Концепция информационного империализма, по которой богатый Север (метрополия) экспортирует культурные образцы в регионы бедного Юга (провинции вообще), и через полвека не кажется устаревшей: концентрация медиакapиала еще более усилилась. Бедные и беспомощные, как правило, не являются той аудиторией, от которой получают прибыль, поэтому провинции представляют интерес для новостей только как территории, на которых регулярно происходят «неожиданные» и часто трагические события.

Если бы федеральным каналам не приплачивали из бюджета за доставку сигнала в города с населением менее 200 тысяч жителей, они навряд ли тратились бы на трансляцию своих программ в российской глубинке. Это начинают чувствовать люди в Хабаровске или в Шиесе, возвышая свой голос против жестокосердной политики Москвы, которая слезам не верит.

Что роднит и объединяет Владивосток с Москвой? Русский язык, рубль как средство расчетов и ежедневная программа новостей на канале «Россия 1». Экономически многие жители Приморского края тесно связаны с Японией и Китаем. У них уже есть знание чужого языка, владение юанями или иенами. Мониторинг городского портала Владивостока показывает, что Центр упоминается только в контексте «Самолет из Москвы снова прилетел с опозданием».

«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Эти слова Радищева знает любой студент филфака и журфака, но, вступив в большую профессиональную жизнь, многие новоиспеченные профи перестают оглядывать окрестности и примечать прорехи в ткани социальной жизни. Локальные СМИ можно рассматривать как систему охранной сигнализации, выявляющую кричащие проблемы жизни в тех или иных местах.

Всего лишь за пять дней, прочитав несколько сотен медиатекстов, мы поняли, что в местных аптеках нет лекарств, помогающих при вирусных заболеваниях. Что низкое качество проектной документации – это особенность федеральных целевых программ не только в Крыму. В других регионах стройки тоже вынуждены останавливать, меняя подрядчиков, потому что сильно торопились освоить выделенные бюджетные средства.

Не будет локальных СМИ – не будет и знания того, что творится на местах. Так же, как безместный поп не мог стать духовной скрепой, лишённые прихода СМИ перестают искать ускользающее пространство социальной жизни, и оно распадается окончательно на атомизированных индивидов, каждый из которых – сам за себя.

А всего-то и нужно – поддержать местную прессу как социальный институт: те самые городские новостные порталы, вторые, третьи и четвёртые в рейтингах (потому что первых и так неплохо кормят).

Выводы и обобщения

Локализация как определение местонахождения/положения чего-либо в пространстве является важнейшей операцией журналистской деятельности и необходимым этапом репортерской работы. Локализация – это одна из базовых компетенций журналиста, призванного сориентироваться на местности самому и сориентировать свою аудиторию. Чтению карт и рекогносцировке на местности надо учить со студенческой скамьи, потому что зачем Недорослю знать географию, если извозчик и так довезет. Локализация включает в себя адаптацию текста к языковым и культурным особенностям местной аудитории. Локализованный материал заведомо интересен читателю и гарантированно будет прочитан.

Один из способов вернуть доверие аудитории к медиатекстам и к журналистике как профессии – выйти в поле, окунуться в гущу событий, изучить местные особенности и открыть новые пространства. Журналистика, не выходящая за пределы Садового кольца, это бесперспективный вид деятельности, который скоро будет заменен роботизированными программами. Проведенный нами контент-анализ показывает, что читатели ленты новостей городских порталов «доскролляют» до конца текст, если это сообщение на актуальную тему и привязано к географически близкой местности. Люди врастают корнями в родную землю.

Как творческий союз веб-дизайнера, картографа и репортера порождает оригинальные продукты в дата-журнализме и инфографике, так и междисциплинарное взаимодействие медиаисследований и географии открывает новые возможности для научного анализа журналистских текстов и визуализации информации. Исследовательская оптика для такого анализа еще только нащупывается, но включение в

инструментарий медиаисследователя геотегов, категориального аппарата локаций, топосов и других пространственных мер обещает сделать медиагеографию еще одним направлением или разделом теории журналистики.

Литература

1. Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies / edited by Jasper Falkheimer and Andre Jansson. Göteborg : Nordicom, 2006. 216 p.
2. Adams Paul C. Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. L. : Wiley-Blackwell, 2009. 288 p.
3. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31–41.
4. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford : Blackwell, 1991. 454 p.
5. Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя; М. : Ин-т эксперим. Социологии : Алетейя, 2005. 288 с.
6. Simmel G. Grundfragen der Soziologie. Individuum und Gesellschaft. Berlin ; Leipzig, 1917. 104 p.
7. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 2004. 350 с.
8. Андреев Н. С. Единое информационное пространство Российского государства: взаимодействие печатных и электронных СМИ : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005. 167 с.
9. Ненашев А. И. Информационное пространство современного общества: коммуникационный аспект : дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2009. 141 с.
10. Серегин А. В. Информационное пространство как феномен культуры : дис. ... канд. культурологии. М., 2000. 135 с.
11. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс, 2017. 312 с.
12. Zubarevich N. Four Russias: Rethinking the Post-Soviet Map // Regionalism(s): A Variety of Perspectives from Europe and the Americas. Innsbruck : Institut fur Foderalismus, 2014. P. 71–88.
13. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск : Ойкумена. 1999. 256 с.
14. Каганский В. Л. Советское пространство. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. М. : Институт наследия, 2008. Вып. 5. С. 280–284.
15. Каганский В. Л. Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/nevmenyaemoe-prostranstvo>

16. Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М. : ОГИ, 2000. 238 с.

17. Глазычев В., Щедровицкий П. Россия. Пространственное развитие // Русский архипелаг. URL: <https://archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/development/doklad2004/>

18. Янглаева М. М., Якова Т. С., Захарова М. В. Внешнеполитическая коммуникация и медиагеография: взаимосвязь и взаимозависимость // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2232>

19. Еришов Ю. М. Телевидение в ряду пространственных медиа и территориальные измерения охвата // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 1 (13), 2011. С. 129–140.

20. Еришов Ю. М. Пространственная организация телевидения в контексте регионального развития // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 4. С. 87–100.

21. Еришов Ю. М. Идея трансграничного телевидения в Европе и ее отклик в России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. Журналистика. 2011. Т. 10, вып. 6: Журналистика. С. 42–50.

22. Еришов Ю. М. Телевидение регионов в поиске моделей развития. М. : Изд-во МГУ, 2012. 340 с.

23. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.

24. Lippmann W. Public opinion. New York : Free Press Paperbacks. 1922. URL: https://archive.org/details/public_opinion_1312_librivox

25. Hallin D. C. Cartography, community, and the Cold War // Reading the news: A pantheon guide to popular culture / eds. by M. Schudson, R. K. Manoff. New York, NY : Pantheon Books, 1986. P. 146–196.

Local Press as a Bond of Social Spaces

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 49–70

Yuriy M. Ershov, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol (Sevastopol, Moscow, Russian Federation). E-mail: er4ov@sev.msu.ru

DOI: 10.17223/26188422/8/4

Keywords: journalism, media text, space, place, localization.

The article is a conceptualization of the “topology” of the local press, namely the physical space and the social space, filled with human interaction and relationships. Journalistic messages in news feeds are designed to reduce the indeterminacy of information recipients, to orient them in the social field and at the scene. Localizing topical issues, journalists adapt their texts to the linguistic and cultural characteristics of the local audience. The author substantiates the scientific productivity of interdisciplinary approaches in the study of the spatial dimensions of media texts. Localization as deter-

mining the location/position of something in space is the most important operation in journalistic activity. Localization is one of the basic competencies of journalists, who are to orient themselves in the terrain and to orient their audience. Reading maps and field reconnaissance must be taught from the student's bench. Localization involves adapting texts to the linguistic and cultural characteristics of the local audience. The localized material is obviously interesting to the reader and is guaranteed to be read. One of the ways to restore the audience's confidence in media texts and in journalism as a profession is to go out into the field, dive into the thick of things, explore local characteristics, and discover new spaces. Journalism that does not go beyond Moscow is an unpromising activity that will soon be replaced by robotic programs. The author's content analysis shows that readers of news feeds of city portals scroll down to the end of the text if it is on a relevant topic and is connected with a geographically close area. Just as creative alliances of web designers, cartographers, and reporters generate new products in data journalism and infographics, the interdisciplinary interaction of media studies and geography presents new opportunities for scientific analysis of journalistic texts and information visualization. Research tools for such an analysis are still being developed, and the inclusion of geotags, the categorical apparatus of locations, topoi, and other spatial measures in the media researcher's toolbox promises to make media geography another direction or section of the theory of journalism.

References

1. Falkheimer, J. & Jansson, A. (eds) (2006) *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*. Göteborg: Nordicom.
2. Adams, P.C. (2009) *Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction*. London: Wiley-Blackwell.
3. Nim, E.G. (2013) Mediaprostranstvo: osnovnye napravleniya issledovaniy [Media space: Main directions of research]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 14. pp. 31–41.
4. Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
5. Bourdieu, P. (2005) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of the Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya; Moscow: In-t eksperiment. sotsiologii: Aleteyya.
6. Simmel, G. (1917) *Grundfragen der Soziologie. Individuum und Gesellschaft*. Berlin; Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung.
7. Prokhorov, E.P. (2004) *Zhurnalistika i demokratiya* [Journalism and Democracy]. A Textbook. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press.
8. Andreev, N.S. (2005) *Edinoe informatsionnoe prostranstvo Rossiyskogo gosudarstva: vzaimodeystvie pechatnykh i elektronnykh SMI* [The unified information space of the Russian state: Interaction of print and electronic media]. Political Science Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Nenashev, A.I. (2009) *Informatsionnoe prostranstvo sovremennogo obshchestva: kommunikatsionnyy aspekt* [The information space of modern society: A communication aspect]. Philosophy Cand. Diss. Saratov.

10. Seregin, A.V. (2000) *Informatsionnoe prostranstvo kak fenomen kul'tury* [Information space as a phenomenon of culture]. Culturology Cand. Diss. Moscow.
11. Dzyaloshinskiy, I.M. (2017) *Sovremennoe mediaprostranstvo Rossii* [The Modern Media Space of Russia]. A Textbook for University Students Moscow: Aspekt Press.
12. Zubarevich, N. (2014) Four Russias: Rethinking the Post-Soviet Map. In: *Regionalism(s): A Variety of Perspectives from Europe and the Americas*. Innsbruck: Institut für Federalismus. pp. 71–88.
13. Rodoman, B.B. (1999) *Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii* [Territorial Areas and Networks. Essays on Theoretical Geography]. Smolensk: Oykumena.
14. Kaganskiy, V.L. (2008) Sovetskoe prostranstvo. Materialy k slovaryu gumanitarnoy geografii [Soviet space. Materials for the Dictionary of Humanitarian Geography]. In: *Gumanitarnaya geografiya. Nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh* [Humanitarian Geography]. Vol. 5. Moscow: Institut naslediya. pp. 280–284.
15. Kaganskiy, V.L. (2002) Nevmenyaemoe prostranstvo [Isane space]. *Otechestvennye zapiski*. 6. [Online] Available from: <https://strana-oz.ru/2002/6/nevmenyaemoe-prostranstvo>.
16. Kordonskiy, S.G. (2000) *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of Power: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI.
17. Glazychev, V. & Shchedrovitskiy, P. (2004) *Rossiya. Prostranstvennoe razvitie* [Russia. Spatial development]. [Online] Available from: <https://archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/development/doklad2004/>.
18. Yanglyaeva, M.M., Yakova, T.S. & Zakharova, M.V. (2016) Foreign policy communications and media geography – interconnection and interdependence. *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2232>. (In Russian).
19. Ershov, Yu.M. (2011) Television among dimensional media and territorial coverage measurement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (13). pp. 129–140. (In Russian).
20. Ershov, Yu.M. (2011) Spatial organization of television broadcasting in the context of regional development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 4. pp. 87–100. (In Russian).
21. Ershov, Yu.M. (2011) Idea of transfrontier television in Europe and its resonance in Russia. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2011. 10 (6). pp. 42–50. (In Russian).
22. Ershov, Yu.M. (2012) *Televidenie regionov v poiske modeley razvitiya* [Television of regions in the search for development models]. Moscow: Moscow State University.

23. Anderson, B. (2016) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob isto-kakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kuchkovo pole.
24. Lippmann, W. (1922) *Public Opinion*. New York: Free Press Paperbacks. 1922. [Online] Available from: https://archive.org/details/public_opinion_1312_librivox.
25. Hallin, D.C. (1986) Cartography, community, and the Cold War. In: Schud-son, M. & Manoff, R.K. (eds) *Reading the News: A Pantheon Guide to Popular Culture*. New York, NY: Pantheon Books. pp. 146–196.

УДК 070+004.774.6+004.5
DOI: 10.17223/26188422/8/5

А. Р. Медведева

МАШИНЫ ИНТЕРФЕЙСА ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ САЙТОВ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ «МЕДУЗА» И «VOX»)¹

Рассматривается проблема репрезентации информации при помощи интерфейса. Цель исследования – выявить механизм работы интерфейса на материале сайтов объяснительной журналистики. Материалом исследования стали сайты интернет-изданий «Медуза» и «Vox». Методика исследования базируется на прикладной медиаэстетике и модели машин Ф. Гваттари. Результатом исследования стало выявление интерпретации функций объяснительной журналистики каждым изданием на уровне платформы, кода, интеракций и медиаэстетики.

Ключевые слова: объяснительная журналистика, медиаэстетика, теория машин, интерфейс, «Медуза», «Vox», Ф. Гваттари.

Введение

Объяснительная журналистика в общепринятом понимании существует относительно недавно. Ее появление во многом являлось логичным ответом на обилие информации, поступающей из интернета. Сам факт ее востребованности (и выделенности из описательной новостной журналистики) говорит о том, что вопрос «что» гораздо менее актуален сейчас, чем «как». Новости сами по себе – не новость, но механизм появления инфоповодов, ответы на вопрос «как так получилось» составляют большую часть интересов потребителей информации.

Выделить объяснительную журналистику в конкретный жанр сложно (аналитические жанры существовали и до ее появления). Более логичным представляется говорить об объяснительной журналистике как цельной концепции в контексте философии журналистики. В отечественном научном сообществе исследование объяснительной

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00007.

журналистики сводится в основном к прикладному аспекту, конкретному арсеналу техник подачи информации [1–3], к которым относят, например, подачу информации через «карточки». Такой подход к исследованию был задан еще первыми теоретиками объяснительной журналистики. Рой Питер Кларк в эссе «A new explanatory journalism can be built on a strong foundation» тоже объясняет данную концепцию через стратегии подачи информации:

- Писать так, будто пытаешься объяснить что-то своей маме.
- Замедлить скорость передачи информации.
- Одна сложная концепция на один материал.
- Не переставать повторять.
- Использовать аналогии.
- Не стесняться говорить о сложных вещах.
- Избегать ненужной информации.
- Визуализировать информацию [4].

То есть объяснительная журналистика скорее предстает дополнением к уже имеющимся журналистским техникам, но обладает важным уникальным качеством – меняет сам подход к организации и подаче информации.

Однако при рассмотрении функционирования объяснительной журналистики в интернет-пространстве нам кажется важным обратить внимание на то, каким образом, используя технические возможности, объяснительные медиа взаимодействуют с читателем и «настраивают» именно на такое восприятие информации. Чтобы исследовать данный аспект объяснительной журналистики, мы обратились к двум крупнейшим объяснительным медиа. Среди отечественных медиа мы выделили портал «Медуза» [5], из зарубежных – одно из первых в объяснительной журналистики медиа *Vox* [6].

При работе с технологической стороной вопроса представления информации следует учитывать организацию кода и интерфейса как метамедиа, по выражению М. В. Куртова [7. С. 7]. Код и интерфейс хоть и выглядят безграничными в возможностях репрезентации информации, все же имеют свои технические ограничения, которые лимитируют и сам контент.

Л. Манович писал, что «компьютерный интерфейс стал выступать в роли кода культурных медиа-сообщений, распространяемых повсеместно. И действительно, используя интернет, пользователь буквально заставляет медиа – тексты, музыку, видео, пространства навигации

– проходить через “фильтры” браузера и операционной системы. При этом как “участник” процесса культурной коммуникации код почти никогда не бывает “нейтральным”: он влияет на передаваемые сообщения. В частности, одни сообщения пользователь с легкостью воспринимает, другие же остаются для него незамеченными» [8. С. 100].

М. Куртов также отмечает влияние кода на передачу информации: «Заметим, что репрезентация всегда означает интерпретацию: то или иное решение, касающееся отношения структуры и операции, есть философское решение, а не “техническое”; собственно “техническим” решением является только выбор того или иного модулятора (абстракции, соединяющей обе фазы)» [7. С. 14]. То есть код влияет на процесс передачи сообщения, а интерфейс в рамках интернет-пространства – ключевой ретранслятор сообщения. Возможности интерфейса ограничены кодом, но именно интерфейс составляет первое и наиболее сильное впечатление у реципиента. В рамках объяснительной журналистики, чья первостепенная задача – говорить просто о сложном, эта проблема является ключевой. Как организовать интерфейс таким образом, чтобы читатель чувствовал эту «объяснительность» и ясность при каждом клике?

Методика исследования

Вопрос о том, каким же образом организовывать подачу информации (и ее общую организацию на странице), стоит рассматривать при помощи прикладной медиаэстетики. Г. Цеттл отмечал, что «кодирование (производство), а также декодирование (рецепция) сообщения в значительной степени зависят от технических и эстетических возможностей и требований среды» [9. С. 12]. В своей работе он выделяет пять базовых эстетических полей:

1. Свет и цвет.
2. Пространство.
3. Глубина и насыщенность.
4. Время и движение.
5. Звук.

Поля представлены по возрастанию сложности для информирования. Свет и цвет наиболее широко представлены при восприятии информации, тогда как звук, по мнению исследователя, является сложным для репрезентации информации полем в силу интенсивности последнего (звук привлекает внимание наиболее быстро).

Медиаэстетика является внешней стороной интерфейса. Однако правила ее функционирования во многом диктуются кодом и наличием возможности интеракции с контентом. Для рассмотрения функционирования интерфейса объяснительной журналистики нами используется модель машин, разработанная Ф. Гваттари и Ж. Делезом. Наиболее полно она объясняется в работе Ф. Гваттари «Шизоаналитические картографии» [10]. Исследователь предполагал, что сущность (или смысл) не есть нечто кристаллизованное (хотя и такой исход вполне возможен), а есть процесс. Смысл и есть то, что происходит. Исследователь предлагал выделять четыре базовые сущности любого процесса: потоки (F), машинные типы (Ф), вселенные (U) и территории (Т). Для Гваттари было важно, что машина процесса работает постоянно, все время мутирует и готова стать чем-то другим (рис. 1).

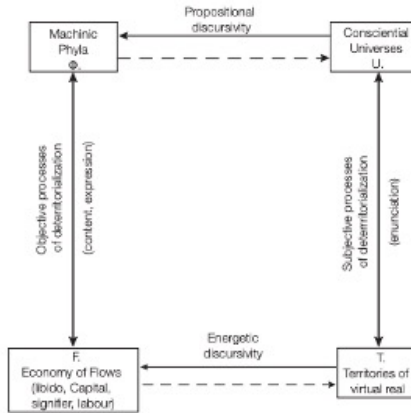

Рис. 1. Метамодель машины по Ф. Гваттари [10. С. 27]

Модель машин дает возможность ознакомиться с интерфейсом как процессом: выделить его составляющие и проследить, как они влияют на реципиента и восприятие информации. В рамках анализа интерфейса мы предлагаем следующее понимание сущностей машины (рис. 2).

Первое, что следует рассмотреть в рамках работы машины интерфейса, это территории, или платформу, с позиций медиаэстетики.

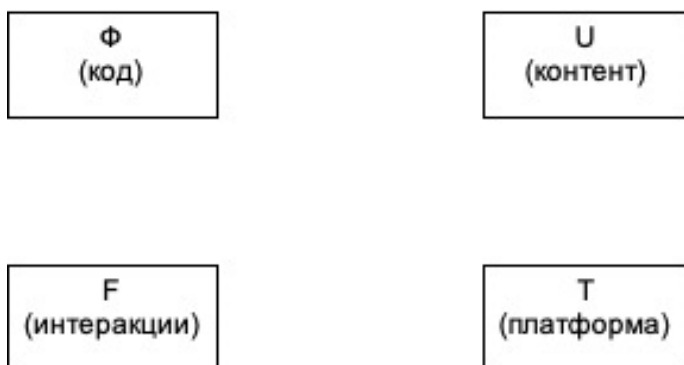

Рис. 2. Сущности машины интерфейса

Территории интерфейса объяснительной журналистики

Здесь нас интересует технезис (техника + эстетика) как конструирующий принцип веб-страниц в конкретных примерах. Для анализа медиаэстетического кода мы обращаемся к вышеупомянутому методу пяти эстетических полей прикладной медиаэстетики. При этом за пределами рассмотрения остаются фоновые коды интерфейса, случайные уведомления браузера в целом, всплывающие виджеты из других приложений на компьютере и прочие, не имеющие прямого отношения к непосредственно интерфейсу элементы.

На сайтах обоих изданий представлены не все медиаэстетические поля, а только первые два из них: цвет и пространство. Это можно объяснить мейнстримовыми тенденциями дизайна веб-страниц. Большинство из них не ориентировано на то, чтобы представлять дизайн как нечто соразмерное действительности, наоборот, дизайн веб-страниц ориентирован на то, чтобы максимально из нее выделяться. В рамках объяснительной журналистики эта тенденция служит как раз тому, чтобы противостоять хаотичной реальности, внося в нее ясность.

Если не брать в расчет фотографии, появляющиеся как иллюстрация к новостям, то свет в данных случаях не представлен. Нет эффекта тени или подсвечивания, манипуляция светом отсутствует. Поэтому наиболее важной характеристикой в рамках анализа первого поля предстает цвет.

По мнению Г. Цеттла, цвет выполняет три основные функции:

- информационную (рассказать нам больше об объекте или событии или придать им символическое значение);
- композиционную (помочь определить конкретные области экрана и привести энергии изобразительных элементов в сбалансированное, но динамичное взаимодействие);
- выразительную (заставить нас чувствовать себя особым образом) [9. С. 78].

Цвета могут выражать сущность объекта или события. Обычно теплые, энергичные цвета говорят о хорошем настроении, а холодные, низкоэнергетические цвета вызывают мрачное настроение. Цветовая палитра веб-страниц медиа во многом определяет ощущения читателя от контента, с которым он здесь ознакомится. Ее основная функция – выделять и разграничивать контент, тем самым ограничивая интерактивные возможности читателя. Никто не станет кликать по боковым цветным краям, потому что сплошная заливка цветом намекает, что там нет ничего интерактивного.

В рамках анализа второго поля следует сосредоточиться на самом пространстве веб-страницы и способе ее организации. Г. Цеттл утверждает: «Горизонтальные линии предполагают спокойствие. Вертикальные линии предполагают силу» [9. С. 125].

Вертикальная верстка предполагает строгость и линейность представления новостей, тогда как горизонтальная больше ориентирована на выборку по тематике.

Результат медиаэстетического анализа приведен в таблице.

**Анализ медиаэстетических полей веб-страниц
объяснительных медиа «Vox» и «Медуза»**

Объяснительное медиа	Первое медиаэстетическое поле: цвет	Второе медиаэстетическое поле: пространство
«Медуза»	Цветовая палитра: черный, белый и насыщенный темно-желтый	Вертикальные / горизонтальные векторы верстки новостей (опционально). Ориентация на прямоугольные фигуры оформления новостей. Изначальная группировка контента на странице

Объяснительное медиа	Первое медиаэстетическое поле: цвет	Второе медиаэстетическое поле: пространство
	Анализ: доминирование черного цвета по бокам создает ограничительные рамки, вынуждая читателя сосредоточиться именно на новостях; белый цвет служит контрастом для выделения смыслового центра веб-страницы. Насыщенный темно-желтый цвет подобран в тон к черному, не слишком выделяясь на его фоне. Общая оценка цветовой палитры: спокойная, не бросающаяся в глаза, предполагающая выделение именно информации, а не ее оформления	Анализ: стремление к буквальным геометрическим фигурам в оформлении облегчает восприятие информации (по мысли Г. Цеттла, мы склонны осуществлять такую группировку внутри любого изображения [9. С. 152])
«Vox»	Цветовая палитра: черный, белый и ярко-желтый Анализ: черный цвет используется только для текста, тогда как белый заполняет весь фон. Контрастирующий ярко-желтый цвет способствует активизации внимания читателя, постоянно «раздражая» глаз	Вертикальные / горизонтальные векторы верстки новостей (смешанные). Ориентация на прямоугольные фигуры оформления новостей. Правое поле страницы тоже занято новостным контентом. Центрирование новости дня. Разделение горизонтальными полосками с подкастами порции новостей. Оформление заглавных новостей по принципу газетной верстки Анализ: разграничение важности новостей при помощи положения на странице. Самые важные всегда располагаются в группе и вверху страницы. Такое расположение помогает навигации читателя по странице (заставляет обратить внимание на самое главное в первую очередь)

Вселенные возможностей интерфейса объяснительной журналистики

Под «вселенными» у Ф. Гваттари понимается нематериальная информация, представляющая собой возможности интерпретации. В рамках интерфейса мы можем понимать под вселенными сам контент и возможности его восприятия.

В этом плане «Медуза» остается верна своей лаконичности: весь контент на странице представляет собой отгороженные потоки информации, сгруппированные по заголовкам и лид-абзацам. Классическим маркером возможностей предстают рубрики медиа, которые сразу формируют у реципиента конкретные ожидания относительно формата контента. У издания «Vox» разнообразие возможностей и маркировок гораздо шире в силу использования мультимедийных элементов (рис. 3).

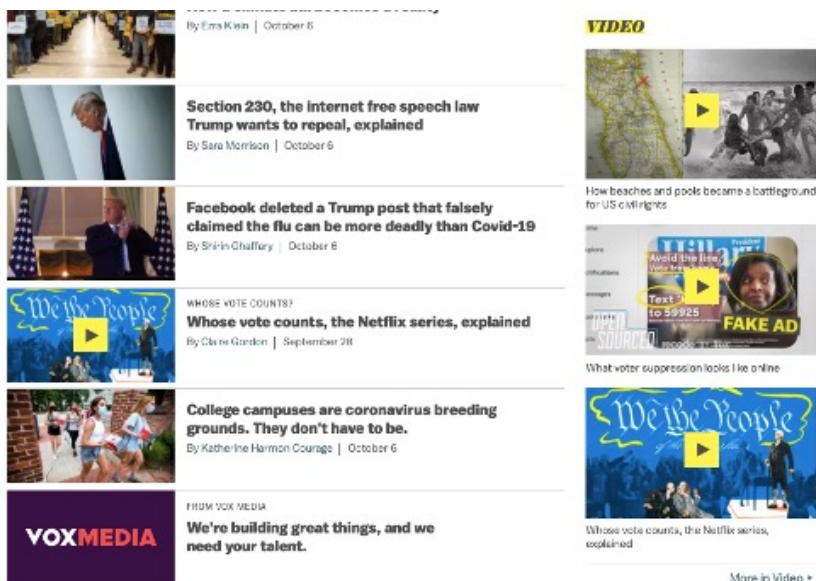

Рис. 3. Главная страница медиа «Vox»

В данном случае реципиенту предоставлена не только возможность ознакомиться с новостями, но и посмотреть объясняющие ролики медиа (как правило, на самую разную тематику). Классическая маркировка рубриками тоже присутствует.

Машинные типы интерфейса объяснительной журналистики

Код в его техническом смысле представляет собой ограничения и возможности представления информации. В данном случае нас интересует, как код функционирует в рамках репрезентации интерфейса.

Оба сайта используют стандартный для веб-страниц набор из трех языков программирования: HTML, CSS и JavaScript. Каждый из них закреплен за определенной функцией репрезентации контента на странице.

HTML предназначен для конструирования структуры самой веб-страницы (базовыми элементами которой являются заголовки, теги абзацев, теги изображений, «тело» и т. д.). Иными словами, этот язык программирования предназначен для маркировки контента, присвоения ему целесообразной роли на плоскости веб-страницы.

CSS отвечает за стиль оформления тэгированной языком HTML информации. Если этот язык не использовать, то страница выглядит как набор немного различающегося текста, без каких-либо фоновых изображений, цвета, стиля.

JavaScript – единственный из трех перечисленных языков программирования, являющийся логическим, то есть выполняющим какие-либо операции с контентом на странице. Язык JavaScript используется для создания интерактивных элементов на веб-странице, именно благодаря ему активируются потоки машины интерфейса.

Мы можем сказать, что языки программирования выступают в качестве дополненной интеракцией дихотомии «содержание / форма» (рис. 4).

Рис. 4. Содержание / форма / интерактивность совокупности языков программирования

Заметным различием выступает объем кода для каждого сайта. У «Медузы» количество строк кода равняется 391, тогда как у «Vox» – 5 727. Такое различие, с одной стороны, объясняется техническими данными (у «Vox» используется несколько стилей оформления контента, больше интерактивных элементов на странице, одновременное использование горизонтальной и вертикальной верстки элементов, структурирование по столбцам). С другой стороны, разность подходов к программированию демонстрирует и разность подходов к репрезентации информации. «Медуза» стремится к ясности, лаконичности и избирательности относительно инфоповодов, что и отражается в коде (лозунг «Ничего лишнего, только факты» показывает позицию издания на этот счет). У «Vox» позиция принципиально другая – редакцию интересует все, что происходит сейчас и что происходило раньше, начиная с политики, заканчивая разбором «единственно правильного способа играть в “Монополию”». В коде это стремление отражено множеством способов структурирования больших объемов информации и задействования мультимедийных элементов (например, подкаст на главной странице).

Потоки интерфейса объяснительной журналистики

Мы определяем потоки как взаимодействие пользователя с интерфейсом. Ограниченный кодом набор интеракций с веб-страницей – возможность перехода по гиперссылкам, скроллинг, масштабирование, открытие страниц с новостями. У обоих сайтов присутствует один и тот же разрешительный набор интеракций, свойственных любой веб-странице. Оба сайта включают навигацию по рубрикам, поиск конкретных материалов, а также кнопку «показать еще» новости. Последняя функция диктуется такими простыми причинами, как:

- 1) техническая: наличие такой кнопки позволяет экономить трафик и не выгружать все новости сразу (особенно учитывая их количество);
- 2) ограничительная: эта кнопка служит индикатором для читателя о том, что он прочитал определенный объем информации и, возможно, ему стоит остановиться;
- 3) временная: иногда такая кнопка отделяет новости одного дня от другого;

Но есть и несколько различий. У сайта «Медузы» присутствует функция «показывать по порядку», которая меняет облик страницы и

подачи новостей. Вот так выглядит страница с активированной функцией (рис. 5):

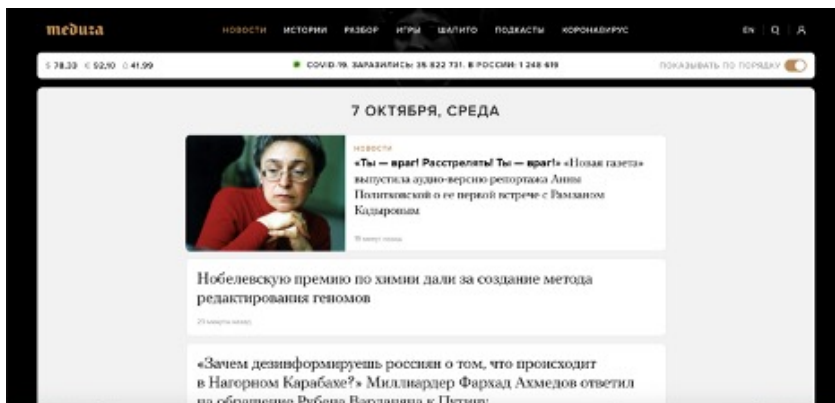

Рис. 5. Страница медиа «Медуза» с активированной функцией «показывать по порядку»

А вот так без нее (рис. 6):

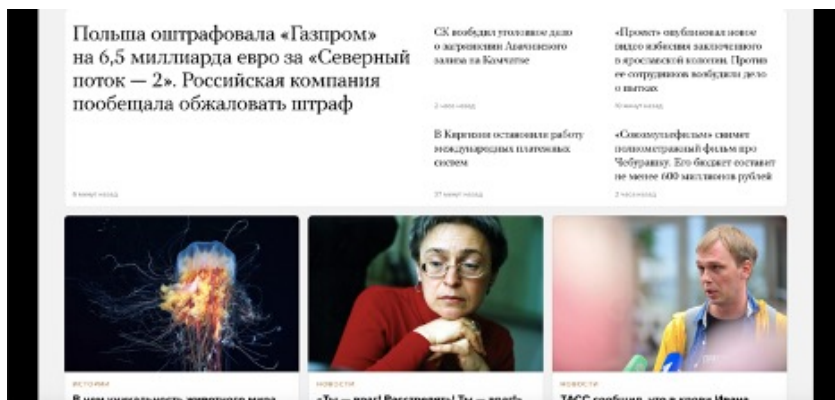

Рис. 6. Страница медиа «Медуза» без активированной функции «показывать по порядку»

На сайте «Медузы» есть возможность выбора «верстки» страницы для пользователя, которая показывает подвижность интерфейса в зависимости от подхода читателя к выбору информации:

С функцией «показывать по порядку»	Без функции «показывать по порядку»
Первостепенная ценность – хронология новостей и их равноценность между собой. Наличие вертикальной иерархии по «свежести» новостей	Избирательность к выбору новостей – важна не хронология, а конкретная тематика контента. Наличие горизонтальной иерархии по объему новостей

Отличительной особенностью интеракций «Vox2 является ежедневный новостной подкаст *Today, Explained*, который всегда находится на главной странице и допускает возможность проигрывания в фоновом режиме (рис. 7).

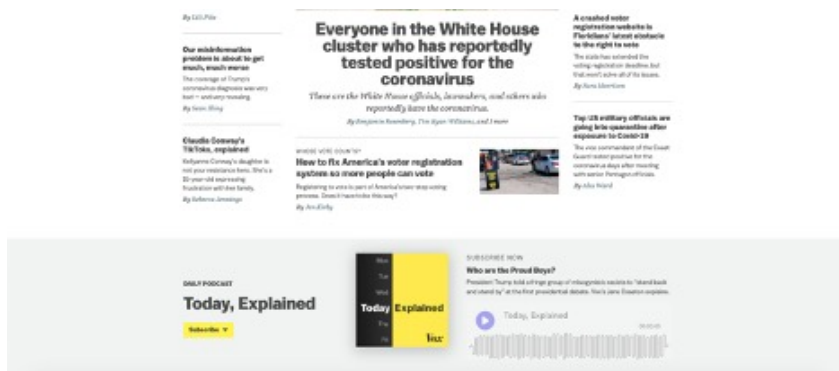

Рис. 7. Главная страница медиа «Vox» с подкастом Today, Explained

Такой подход ориентирован на мультимедийное получение информации: читатель может одновременно слушать подкаст и пролистывать новости (например, в поисках подробностей). Или же наличие данного подкаста может являться альтернативой всей новостной ленте. «Приученный» к подкастам реципиент сразу будет пролистывать до кнопки *play*, игнорируя большую часть ленты. Данный подкаст всегда находится на одном и том же месте в рамках страницы – сразу после сводки главных новостей, что является намеренно обозначенным для реципиента местом, где локализуется подкаст.

Как работает машина интерфейса

Рассмотрев сущности машины интерфейса, следует сделать несколько замечаний о самом механизме ее работы. Поток всегда со-

здаются некоей территорией. Когда реципиент попадает на веб-страницу, первое, на что он обращает внимание, – это медиаэстетические компоненты. Цветовая палитра определяет коннотативное восприятие информации, а также дает информацию о разграничении контента, что и подтверждается организацией самого пространства. Имея в памяти знание об этом разграничении, реципиент начинает продуцировать потоки: взаимодействовать с веб-страницей. Переключать режим отображения новостей, пролистывать страницу в поисках новости, переходить по гиперссылкам. Эти «передвижения» по странице ограничены кодом, при помощи которого она создана. При этом реципиент, не обязательно будучи программистом, на метауровне понимает правила функционирования кода (за счет бесчисленного повторения того же кода на разных веб-страницах) и не делает того, что кодом не предусмотрено. Такое знание обусловлено базовой характеристикой интерфейса, называемой «юзабилити». Под «юзабилити» понимается «совокупность свойств программного средства, характеризующая усилия, необходимые для его использования, и индивидуальную оценку результатов его использования заданным или подразумеваемым кругом пользователей программного средства» [11]. И только после всего этого реципиенту открываются «вселенные» возможности интерфейса – сам контент и погружение в него.

Машина интерфейса каждого из сайтов выражает различное отношение к пониманию философии объяснительной журналистики. «Медуза» видит главную миссию в том, чтобы подавать информацию наиболее ясно, кратко и далеко не обо всем, вычленив главное из информационного потока, преобразовывая его в строгую вертикаль. Для «Vox» более важной ценностью объяснительной журналистики становится сам метод – понимание механизма инфоповода, а также выражение информации во всем ее разнообразии, без «навязанной» иерархии. Если «Медуза» во многом пытается упростить понимание мира для читателя, то «Vox» отказывается от такого стремления во имя попытки убедить того же читателя, что мир (и то, что в нем происходит), возможно, и не должен быть простым.

Литература

1. *Буркова О. С.* Объяснительная журналистика и ее влияние на трансформацию имиджевых политических текстов // *Знак: проблемное поле медиаобразования.* 2014. № 2 (14). С. 91–94.

2. Градюшко А. А. Мультимедийная история и сторителлинг в структуре современной вебжурналистики // Международная журналистика–2016: турбулентность межгосударственных отношений и медиа : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18 февр. 2016 г. / сост. Б. Л. Залесский; под общ. ред. Т. Н. Дасаевой. Минск, 2016. С. 87–91.

3. Шульженко Е. В. Эволюция форм и жанров журналистики (на примере белорусской медиасферы) // Коммуникативные стратегии СМИ: теоретические подходы и новые реалии. 2020. С. 190–197.

4. Clark R. P. A new explanatory journalism can be built on a strong foundation // Poynter. 2014. URL: <https://www.poynter.org/reporting-editing/2014/a-new-explanatory-journalism-can-be-built-on-a-strong-foundation/> (дата обращения: 06.10.2020).

5. Новости – Meduza. URL: <https://meduza.io/> (дата обращения: 06.10.2020).

6. Vox – Understand the News. URL: <https://www.vox.com/> (дата обращения: 06.10.2020).

7. Куртов М. Генезис графического пользовательского интерфейса: к теологии кода. М. : Translit, 2014. 39 с.

8. Манович Л. Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.

9. Zettle H. Applied Media Aesthetics: Sight Sound Motion. 6th ed. Wadsworth Cengage Learning, 2011. 461 p.

10. Guattari F. Schizoanalytic cartographies. A&C Black, 2012. 321 p.

11. ГОСТ 28806-90. Качество программных средств. Термины и определения. П. 15. Разд. 2. М. : Изд-во стандартов, 1990. URL: <https://docs.su/16568> (дата обращения: 06.10.2020).

Explanatory Journalism Interface Machines (On the Example of *Meduza* and *Vox*)
Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 71–86

Arina R. Medvedeva, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).

E-mail: arinamka@gmail.com

DOI: 10.17223/26188422/8/5

Keywords: explanatory journalism, media aesthetics, machine theory, interface, *Meduza*, *Vox*, Félix Guattari.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No, 18-18-00007.

This article discusses the problem of representing information using interfaces. The aim of the research is to reveal the mechanism of the interface operation on the material of the websites of explanatory journalism. The research material was the sites of the Internet editions *Meduza* and *Vox*. The research methodology is based on applied media aesthetics and the model of machines by Félix Guattari. In the course of the research, the main essence of the operation of the interface machine was revealed. In accordance with Guattari's theory of machines, "flows" are defined as interactions, "machine

types” as code, “opportunities” as content, “territories” as platform. The subsequent analysis of each of the four entities revealed the main characteristics of each of them in accordance with the concept of explanatory journalism. To analyze the “territories” of the interface, the method of applied media aesthetics was used. The analysis showed that not all media aesthetic fields are presented on the websites of both publications, but only the first two of them: color and space. Within the framework of explanatory journalism, this minimalism serves to confront the chaotic reality, bringing clarity and clearly delineating the boundaries of perception. The analysis of “opportunities” showed the difference between the explanatory media in the methods of presenting information. *Meduza* remains true to its laconicism: all content on the page is fenced off streams of information, grouped by headings and lead paragraphs. The *Vox* edition presents information through various multimedia channels. “Machine types” are represented by programmer code. The analysis revealed that the use of the main programming languages for creating a web page corresponds to the content/form dichotomy, supplemented by interactivity. It was found that the difference in programming approaches also demonstrates the difference in approaches to the representation of information. *Meduza* strives for clarity, conciseness, and a selective approach to newsbreaks. It is more important for *Vox* to reflect a wide variety of information in a variety of ways. In explanatory journalism, “streams” as user interactions with an interface serve the function of facilitating interaction with content—news. The result of the study was the identification of the interaction of entities within the interface machine based on the material of explanatory journalism. The interface engine of each site expresses a different attitude towards understanding the philosophy of explanatory journalism. *Meduza* sees its main mission in presenting information in the most clear, concise, and selective way. It picks out main issues from the information flow and transforms them into a strict vertical. For *Vox*, the more important value of explanatory journalism is the method itself—understanding the mechanism of the newsbreak and expressing information in all its diversity, without an “imposed” hierarchy.

References

1. Burkova, O.S. (2014) Explanatory journalism and its impact on image transformation of political texts. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2 (14). pp. 91–94. (In Russian).
2. Gradyushko A. A. [Multimedia history and storytelling in the structure of modern web journalism]. *Mezhdunarodnaya zhurnalistika–2016: turbulentnost' mezhgosudarstvennykh otnosheniy i media* [International Journalism-2016: Turbulence of Interstate Relations and the Media]. Proceedings of the V International Conference. Minsk: Belarusian State University. pp. 87–91. (In Russian).
3. Shul'zhenko, E.V. (2020) [Evolution of forms and genres of journalism (on the example of the Belarusian media sphere)]. *Kommunikativnye strategii SMI: teoreticheskie podkhody i novye realii* [Communication Strategies of the Media: Theoretical Approaches and New Realities]. Proceedings of the International

Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. pp. 190–197. (In Russian).

4. Clark, R.P. (2014) *A new explanatory journalism can be built on a strong foundation*. [Online] Available from: <https://www.poynter.org/reporting-editing/2014/a-new-explanatory-journalism-can-be-built-on-a-strong-foundation/> (Accessed: 06.10.2020).

5. *Meduza*. Website. [Online] Available from: <https://meduza.io/> (Accessed: 06.10.2020).

6. *Vox – Understand the News*. [Online] Available from: <https://www.vox.com/> (Accessed: 06.10.2020).

7. Kurtov, M. (2014) *Genezis graficheskogo pol'zovatel'skogo interfeysa: k teologii koda* [Genesis of the Graphical User Interface: Towards the Theology of Code]. Translit.

8. Manovich, L. (2018) *Yazyk novykh media* [The Language of New Media]. Moscow: Ad Marginem Press.

9. Zettle, H. (2011) *Applied Media Aesthetics: Sight Sound Motion*. 6th ed. Wadsworth Cengage Learning.

10. Guattari, F. (2012) *Schizoanalytic Cartographies*. A&C Black.

11. Russian Federation. (1990) *GOST 28806-90. Kachestvo programmnykh sredstv. Terminy i opredeleniya* [State Standard GOST 28806-90. The Quality of the Software. Terms and Definitions]. Item 15. Section 2. Moscow: Izd-vo standartov. [Online] Available from: <https://tdocs.su/16568> (Accessed: 06.10.2020).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 82.92

DOI: 10.17223/26188422/8/6

Н. М. Байбатырова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1970–1980-х гг.

Представлен анализ спектра политических мнений и общественно-политических позиций авторов в изданиях третьей волны русской эмиграции. Исследуются публикации журналов «Зарубежье», «Континент», «Обозрение», «Форум». Автор отмечает, что значительная трансформация общественно-политического дискурса в эмигрантских изданиях третьей волны произошла во второй половине 1980-х гг., когда в СССР был взят курс на перестроечные реформы. Основными темами для обсуждения стали изменения в социальной, экономической, правовой сфере, а также анализ демократических преобразований в стране.

Ключевые слова: *русское зарубежье, политический дискурс, третья волна русской эмиграции, публицистика, журналы «Зарубежье», «Континент», «Обозрение», «Форум».*

Третья волна эмиграции, в отличие от предыдущих, зачастую была добровольной и идейно-политической, поэтому публицистика авторов-эмигрантов второй половины XX в. насыщена статьями на политическую и социальную тематику. Такие материалы в разных жанрах А. Солженицын, В. Аксенов, А. Синявский, Э. Лимонов писали еще до эмиграции и распространяли через самиздат. За рубежом их политическая публицистика стала более прямолинейной и открытой для читателя. Желание иметь собственную прессу в бесцензурных условиях и необходимость самоидентификации внутри русской диаспоры являлись мощными мотивами для создания новой русской эмигрантской медиасреды. При этом разные мировоззренческие концепции мешали взаимопониманию старых и новых эмигрантов. Исследователь литературы русского зарубежья Дж. Глэд пишет: «...писатели вскоре обнаружили свою несовместимость с редакторами таких старых эмигрантских изданий, как “Новое русское слово” в Нью-Йорке,

“Русская мысль” в Париже и “Грани” во Франкфурте-на-Майне» [1. С. 15]. Собственное информационно-издательское пространство стало индикатором успешного самоопределения бывших советских граждан: «Оказавшаяся все-таки в некоторой изоляции “третья волна” начала горько сетовать на цензуру, а потом принялась создавать свои издательства, газеты и журналы» [1. С. 15].

После непродолжительного периода хрущевской оттепели, когда наблюдалось относительное раскрепощение социальной жизни и либерализация общества, в Советском Союзе стало происходить постепенное ужесточение в области издательского дела и журналистики. Попытки выпускать неподцензурные самиздатовские журналы пресекались быстро и жестко, поэтому особое значение приобретал тамиздат. На страницах эмигрантских газет, журналов и альманахов мог развернуться полноценный общественно-политический диалог между представителями западной мысли, эмигрантами – бывшими гражданами СССР, а также авторами, которые пересылали свои труды из Союза. Структура периодики русского зарубежья и особенности отражения общественно-политической тематики в эмигрантских газетах и журналах была ранее детально исследована в трудах Е. Ю. Скарлыгиной [2]. В нашем исследовании обозначены мнения и политические позиции авторов третьей волны русской эмиграции, которые носили во многом идеологический характер.

Цель статьи – изучить социально-политический дискурс эмигрантских изданий 1970–1980-х гг. Под дискурсом будем понимать совокупность использованных в текстах авторов русского зарубежья сложных языковых знаков: слов, словосочетаний, в том числе устойчивых оборотов, предложений, а также дискурсных пространств и их элементов (концептов) в сфере общественно-политической коммуникации. Методологией исследования является коммуникативно-функциональный анализ авторских текстов, публиковавшихся на страницах изданий третьей волны русской эмиграции. Такая методология подразумевает сочетание семиотического и деятельностного подходов к описанию языка материалов. Текст периодических изданий русского зарубежья как единица анализа исследован с применением методов дискурсивного анализа общественно-политической лексики и семантико-синтаксической структуры. При этом публицистические тексты эмигрантских изданий анализируются с точки зрения идеологических позиций, взглядов и воззрений авторов-

коммуникантов. Дискурсивный анализ материалов на общественно-политическую тематику предполагает возможность лучшего понимания конкретных проблем, обсуждавшихся на страницах периодики русского зарубежья данного периода.

В журнале «Зарубежье», выходившем с 1965 г. в Мюнхене с подзаголовком «Общественно-политические тетради», много внимания уделялось обсуждению исторических фактов, которые повлияли на положение Советской России во второй половине XX в. Анализировались последствия «сталинщины», ситуация религиозного вакуума в стране, бесправие граждан. «Коммунистический режим угрожает атомной катастрофой, тотальным порабощением, между тем именно в капиталистическом мире, которому угрожает, он находит поддержку», – писал журналист и общественный деятель В. Д. Самарин в статье «Наша ответственность» [3. С. 19]. Через полвека после роковых для России событий он вновь поднимает вопрос об ответственности за Октябрьскую революцию, пишет об ошибках Второй мировой войны, о сталинских репрессиях. В языковом поле статьи используются яркие эпитеты («тотальное порабощение», «антинародная власть», «насильственная коллективизация», «горькие слезы народа», «дряхлающая идеология») и метафоры, которые недвусмысленно отражают позицию автора. Так, коммунизм называется «водородной бомбой у виска человечества», а предстоящее освобождение – «законным возмездием бесам» [3. С. 20–21]. Автор делает вывод, что в СССР нарастает волна освободительного движения, «люди разных оттенков политических взглядов, разной национальности – едины в своем противостоянии антинародной власти» [3. С. 21].

Журнал «Континент», выпускавшийся в Париже с 1974 г., стал одним из самых известных и популярных изданий в среде русских эмигрантов в Европе во второй половине XX в. Он сочетал в себе несколько содержательных направлений, в том числе общественно-политическое, литературно-критическое, религиозное, искусствоведческое. Примечательно, что инициатором создания журнала стал один из самых известных писателей-эмигрантов третьей волны А. И. Солженицын. Политический дискурс статей и очерков писателей, публицистов и журналистов, печатавшихся на страницах издания, основывался на оппозиции советской идеологии. «Мы видим задачу нашего журнала не только в политической полемике с тоталитаризмом, но прежде всего в том, чтобы противопоставить ему – этому воинству-

ющему тоталитаризму – объединенную творческую силу художественной литературы и духовной мысли Восточной Европы, обогащенных горчайшим личным опытом и вытекающим из него видением новой исторической перспективы», – отмечал редактор В. Е. Максимов в первом выпуске журнала [4. С. 5]. Среди основополагающих принципов журнала были названы безусловный антитоталитаризм, демократизм и беспартийность. Авторы-эмигранты отвергали социалистический строй, прежде всего его идеологические нормативы, классовое мышление и лозунги. Однако в собственной политической публицистике они сохранили для себя ряд схожих с соцреализмом принципов: ярко выраженную тенденциозность в произведениях, прогнозирование (только вместо исторического оптимизма – пессимизм), повышенную критичность, претензию на абсолютную истину.

Необходимо отметить, что политический дискурс изданий русского зарубежья касался не только внутренней политики СССР, но и охватывал вопросы конфликтных и больных международных отношений. Так, например, в журнале «Континент» (№ 9 за 1976 г.) в рубрике «Россия и действительность» была опубликована статья «Tercium datur – третье дано» [5]. В этом материале исследуются идеологические цели и стратегии сторон биполярного мира: «Период конфронтации ознаменовался созданием и противостоянием двух военных блоков: Варшавского договора и НАТО. Эра разрядки предполагает разоружение и роспуск этих блоков. Но цели этих блоков совершенно различны. Блок НАТО – это добровольное объединение военных сил Запада против возможной агрессии с Востока. Задачи Варшавского блока иные: помимо нагнетания напряженности в Европе (в агрессию с Запада ведь никто не верит), он имеет чисто внутреннюю цель – удерживать в повиновении Советскому Союзу страны, входящие в этот блок» [5. С. 83]. Показательно, что авторами аналитической публикации обозначены прозаик и публицист Анатолий Марченко, многолетний политзаключенный, автор первой книги о постсталинских лагерях «Мои показания», очерка «От Тарусы до Чуны», ряда публицистических выступлений, а также М. Тарусевич. О втором авторе ничего не известно, кроме того, что это псевдоним. Член Общественной группы по наблюдению за выполнением Хельсинкского соглашения А. Марченко на момент публикации статьи в «Континенте» находился в ссылке на ст. Чуна Иркутской области.

В материале с сожалением говорится о том, что в середине 1970-х гг. ООН утратила авторитет, что она бессильна в мире, а провозглашенные ею принципы девальвированы. Авторы анализируют «зигзаги истории», исследуют глубинные мотивы действий мировых политических фигур, а также оценивают плюсы и минусы открытых столкновений государств и возможности «тихой дипломатии». Негативная оценочность присутствует в таких словосочетаниях с эпитетами, как «диктаторская система», «безвольная политика компромиссов», «СССР и его вассальные страны» [5. С. 82–83]. Лексика и особые синтаксические конструкции направлены на достижение сатирического эффекта: «Где-то здесь демагогия: либо советские лидеры упоминают имя Ленина всуе, либо насчет мира во всем мире высказываются ради пропаганды – как и учил их Ленин» [5. С. 86].

А. Марченко и М. Тарусевич подчеркивают, что в социалистическом лагере господствует тот же принцип сосуществования, что и внутри СССР: жесткое требование абсолютного единодушия под диктатом Старшего Брата. Используются те же методы установления единодушия: «кареты скорой братской помощи» – танки. Авторы неоднократно повторяют мысль о том, что западному миру не нужно идти по пути компромиссов, уступок и бесконечных соглашений с Советским Союзом. Они уверены, что гораздо более эффективной является позиция нравственного противостояния насилию.

В другой публикации «Континента» под названием «Не все мы диссиденты. О социальной оппозиции в советском обществе» [6], напечатанной незадолго до объявления курса перестройки в СССР, можно отметить изменение дискурсивного поля издания. В статье писателя, философа, логика Александра Зиновьева наблюдается установка на полемичность, приглашение читательской аудитории к соразмышлению. Необходимо отметить, что этот представитель третьей волны русской эмиграции никогда открыто не выступал против советского режима и тем более не высказывался за изменение политической власти в стране. Он поддерживал последовательные и планомерные изменения внутри общества. «В социальную оппозицию в коммунистическом обществе люди выталкиваются в силу самих социальных отношений, образующих фундамент этого общества», – писал А. А. Зиновьев [6. С. 179]. В лексическом поле оказываются слова «дефицит», «коррупция», «бюрократизм». Отметим, что в материале присутствует и сниженная оценочная лексика («очковитиратель-

ство», «халтура»)), которая напрямую заявляет о позиции автора. В оценке реализуется аксиологическое отношение Зиновьева к ситуации в покинутой стране. Одной из частотных лексем становится слово «оппозиция» и его производное – «оппозиционер». Зиновьев классифицирует оппозицию, выделяя ее политическую, национальную, социальную разновидности, подчеркивая, что именно последняя необходима для реформ и развития Советской России. Позже, в 1990 г., он написал роман «Катастрожка» [7], синтезировав слова «катастрофа» и «перестройка». Произведение было напечатано в Лозанне (Швейцария) издательством «L'Âge d'Homme».

Для анализа особенностей политического дискурса рассмотрим также публикации издания «Обозрение», редактором которого являлся Александр Некрич. Этот журнал выходил как специальный аналитический орган известной эмигрантской газеты «Русская мысль». «Обозрение» печаталось во Франции в 1982–1986 гг. и объединяло представителей русского зарубежья и западных авторов.

В статье «Дозированная ностальгия и политические реальности» [8] А. Некрич анализирует современную ему политическую ситуацию в Союзе, пишет о Брежневе и Андропове, цитирует выдержки из политических прогнозов партийных теоретиков. Разрабатывая сценарии развития советского общества на ближайшие 30–40 лет, ученые прогнозировали значительное расширение мировой системы социализма, унификацию валюты.

А. Некрич отвергает схему «одна идеология, одна партия, вождизм», осуждает подавление человеческой личности в Советском Союзе. Вместе с тем автор критикует и позицию западного мира, в частности, его нежелание взглянуть прямо в глаза политическим реалиям. «Когда-то история была названа политикой, опрокинутой в прошлое, т.е. прошлое использовалось для достижения очередных политических целей. Сейчас мы вправе говорить об истории, опрокинутой в будущее», – отмечает автор [8. С. 2]. В дискурсном поле журналистского материала много фактологической информации, она перемежается с интерпретативными высказываниями. Автор использует конструкции с субъективированными ментальными модусами мнения: «полагаю», «считаю вероятным». В данном случае в тексте отчетливо проявляется субъект дискурса, склоненный к той или иной степени рефлексии.

В журнале «Обозрение» печатались как авторы из СССР, так и русские эмигранты, а также зарубежные ученые, публицисты, обще-

ственные деятели. На страницах издания обсуждался весь спектр общественно-политических вопросов: советско-американские торговые связи и производство противоракетного оружия в Союзе, советские интересы и внешняя политика страны на Ближнем Востоке, начавшаяся в СССР перестройка и необходимость демократизации в государстве. Отдельные номера издания были тематическими, то есть посвящались анализу одной международной проблемы. Показательным можно считать третий номер журнала за 1983 г., который вышел с подзаголовком «Советский Союз и Китай» на обложке. На страницах выпуска размещались статьи об исторических перспективах советско-китайских отношений, их истоках и развитии, обсуждались проблемы китайско-советской границы.

В материале «К новому равновесию?» [9] автор Стивен И. Левин развенчивает миф о «вечной дружбе» Советского Союза и Китая. Статьи профессора по международным отношениям Американского университета в Вашингтоне, специалиста по проблемам Восточной Азии и международного коммунизма С. Левина о внешней политике Китая, китайско-американских и китайско-советских отношениях печатались во многих журналах и сборниках статей в США и за их пределами. Заголовок материала представляет собой вопрос, заявленную проблему, в которой автор пытается разобраться. В данной публикации он пишет о том, что несмотря на сходство политико-идеологического режима в Союзе и Китае, у государств много противоречий. «Кроме того, руководители обеих сторон были больше приучены к конфронтационной политике, нежели к политике компромиссов и взаимных уступок. Мао и Хрущев взяли на вооружение ленинскую манеру разрешения конфликта с его тягой к углублению спора, обливанию друг друга помоями и уверенностью в том, что противник, по сути своей, слаб и нестабилен, как бы грозен ни был его внешний вид», — отмечается в статье [9. С. 4].

Значимым в структуре текста является то, что предложения строятся на сопоставлении стран, выявляются как неоспоримые сходства, так и серьезные различия в политико-идеологических курсах государств. Вместе с тем автор подчеркивает, что апокалиптические прогнозы насчет взаимного уничтожения китайцев и русских, которые периодически озвучивались на протяжении последних двадцати лет, не подтвердились. Далее автор подробно исследует будущее советско-китайских отношений. С. Левин пишет о вопросах безопасности и

военного вооружения государств, их взаимодействии в области экономического развития, отмечая, что отношения СССР и Китая «медленно развиваются от враждебности к недоверчивой взаимной терпимости» [9. С. 5]. Композиция текста и ход рассуждения автора строятся на исторических и современных фактах.

Безусловно, среди представителей третьей волны эмиграции не существовало единых политических позиций и идеологических принципов, возникала полемика, зачастую острая и непримиримая, на тему советского государственного строя и демократии, глобальных политических событий. Печатные материалы в периодике русского зарубежья в 1980-х годах становились не только весомым аргументом в идеологическом споре, который не утихал в обществе, но и выступали мощным фактором, оказывающим влияние на смену социальных ценностей и политической ментальности в СССР.

Дискурс общественно-политического журнала под названием «Форум» был посвящен в большей степени национальным проблемам и демократическому движению в Советском Союзе, а также экономическим вопросам в стране. Ежеквартальное издание печаталось в Мюнхене, автором длительное время выступал политолог-диссидент Владимир Малинкович, эмигрировавший из СССР в ФРГ в 1980 г. Так, в третьем номере за 1983 г. было опубликовано интервью с бывшим вице-президентом и председателем Федерального Народного Собрания, членом Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии Милованом Джиласом и известным югославским общественным деятелем, литератором Михайло Михайловым. Название «Советская система находится в состоянии загнивания... И оно будет продолжаться» красноречиво отразило позицию гостей номера. Заголовок имеет оценочный характер, семантика оценки – отрицательная. Оценочное значение здесь имеет отглагольное существительное «загнивание». Югославские диссиденты прямолинейно называют Советский Союз военной империей с «тотальным партийно-полицейским контролем», подчеркивая, что брежневский режим ускорил регресс и предрек скорый кризис коммунистической системы [10. С. 43]. Обозначим языковые средства создания оценочного значения. Среди них – политические интенсификаторы оценки (бюрократия, экспансионизм, централизм, диктатура, милитаризм), эпитеты («тотальный партийно-полицейский контроль», «астрономические тюремные сроки», «шаткие реформы»), разговорные лексические единицы («нелегалщина», «крысятничество», «обливать грязью»).

Значительную трансформацию общественно-политического дискурса в изданиях третьей волны русской эмиграции можно наблюдать со второй половины 1980-х гг., когда в СССР был взят курс на перестроечные реформы. Ликование по поводу широко обсуждаемых социально-политических изменений в стране и одновременно глубокая тревога – именно так можно охарактеризовать оценку авторами-эмигрантами «третьей волны» изменений в государстве во второй половине 1980-х гг. Представители русского зарубежья активно дискутировали по поводу социально-экономической ситуации в советском обществе, когда кризисные явления охватывали политику, экономику, общественную, культурную, духовную сферы жизни. На поднимающихся волнах народного недовольства активизировались эмигрантские антисоветские силы. Идейный кризис затронул не только социум в СССР, «перестройка» породила раскол и разобщенность в среде русских эмигрантов.

Одним из самых радикально настроенных представителей русской эмиграции третьей волны являлся Андрей Альмарик – писатель, журналист, автор известной книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», вышедшей в свет в 1970 г. в Амстердаме [11]. Ему же принадлежит публицистический труд «Записки диссидента» [12], где описываются неоднократные аресты, ссылка в Сибирь, жизнь в исправительно-трудовой колонии, участие в деятельности Хельсинской группы. А. Альмарик был вынужден эмигрировать в 1976 г. Этот представитель третьей волны русской эмиграции неоднократно предрекал гибель СССР и не допускал возможных положительных преобразований в социалистической системе. Также он занимался правозащитной деятельностью. В вышеобозначенном издании «Зарубежье», например, было опубликовано «Заявление Людмилы Алексеевой, Андрея Амальрика и Владимира Буковского» [13], в котором авторы обратились к правительствам стран-участниц совещания в Хельсинки с призывом выступить в поддержку требования освобождения арестованных в Советском Союзе семи членов общественной Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. В заявлении говорилось о том, что советские власти «намерены использовать арестованных в качестве заложников в кампании против инакомыслящих в СССР, а также в переговорах с западными странами» [13. С. 36].

Однако не все эмигранты категорически отвергали перестройку и возможности трансформации социалистической системы в Советском

Союзе. В материале известного журналиста, публициста и издателя русской эмиграции Вадима Белоцерковского «Возможна ли демократизация советского режима?» [14] затрагивались основополагающие проблемы перестроечной политики М. Горбачева. Автор, в отличие от оппозиционно настроенных представителей русского зарубежья, считал, что существующий в СССР режим допускает возможность демократизации мирным путем и сверху. В. Белоцерковский оценил объективные преграды, которые лежали на пути проведения серьезных демократических реформ в Советском Союзе. Он был уверен, что «в СССР экономические и демократические реформы надо проводить одновременно» [14. С. 36]. Белоцерковский писал о необходимости реформирования ЦК партии, курсе на самоуправление на советских предприятиях и в учреждениях. Под самоуправлением он понимал повсеместное введение демократии внутри трудовых коллективов. Также среди первоочередных шагов перестроечной демократизации назывались амнистия политзаключенных, отмена цензуры, предоставление большей самостоятельности республикам, а также подчеркивалась необходимость гарантии культурной автономии для всех народов СССР.

Примечательно, что дискурсивное поле данного материала наполнено лексемами, создающими динамичное и в целом оптимистическое настроение у читателя («демократизация», «реформы», «ветер перемен», «самоуправление», «свободная конкуренция»). Предложения краткие, часто односоставные: «Приведение законодательства в соответствие с нормами международного права. Отказ от расширительного толкования законов» [14. С. 44]. Присутствуют и синтаксические конструкции с субъективированными ментальными модусами мнения, например: «Убежден я и в том, что руководители, или хотя бы часть из них, не могут в силу своего положения у руля великого государства не испытывать тревоги за ситуацию в стране и не чувствовать своей ответственности» [14. С. 35].

Спустя год, в 1988-м, в «Форуме» была помещена статья главного редактора журнала «Две оттепели» с подзаголовком «Этюды на тему реформ» [15]. В. Малинкович рассуждает о «перестройке», делая сравнительный анализ политических явлений и исторических эпох. Дискурсивно-тематическое поле материала базируется на компаративистике горбачевских реформ, «пражской весны», ленинско-бухаринского нэпа и хрущевской оттепели. Структуре оценки способ-

ствуют окрашенные иронией приемы параллелизма и сравнения. Автор употребляет в статье множество политических терминов («десталинизация», «либерализм», «национал-большевизм») и такие перестроечные неологизмы, как «гласность», «кооперация», «хозрасчет», «предпринимательство». Их можно классифицировать как ключевые слова текста: «Ключевыми следует признавать слова, обладающие наибольшей семантической информативностью в тексте. Они конструируют текст, являются его смысловым стержнем» [16. С. 88]. Очевидно, что ключевые слова являются тем смысловым ядром текста, вокруг которого размещается необходимое количество фактов, деталей. Такие слова, в которых легко идентифицируется «перестройка», стали опорным центром статьи «Две оттепели». Ключевые слова создают понятийный фокус предложения. В данном случае на них строится иерархическая идея текста, вокруг ключевых слов организуется и развивается содержание.

Также в статье В. Малинковича много оценочной лексики: «хозяйственный крах», «массовое воровство», «партийная расхлябанность», «политический авантюрист». Стоит отметить весомую долю прилагательных в составе ключевых слов, именно их можно считать носителями оценочного признака в высказывании. Преимущественно имена прилагательные выражают отношение автора к предмету описания. В. Малинкович приходит к выводу о том, что перестроечные реформы к 1988 г. «начинают сворачиваться»: «Словом, отступление на всех фронтах. Отступление это может означать приближение конца реформ, если не будет новой волны – волны общественной поддержки перестройки, которая, не исключено, поможет напуганным нынче «реформаторам наверху» вновь обрести энергию для продолжения ранее начатого дела» [15. С. 11].

Таким образом, можно сделать вывод: журналы русского зарубежья в период 1970–1980-х гг. смогли организовать всесторонний общественно-политический диалог по важным темам, касающимся основных сфер жизни в Советском Союзе и за рубежом. Авторы третьей волны русской эмиграции обсуждали на страницах газет и журналов актуальные темы, которые были под запретом в покинутом ими СССР. Журналисты и публицисты русского зарубежья по-разному оценивали главные угрозы общественной стабильности России в 1970-х гг. и в перестроечный период. Многие авторы эмиграции, анализируя перестройку, писали об экологических катастрофах, отстав-

нии в развитии производительных сил, распаде науки, социальной и физической нищете, межнациональных распрях и конфликтах, затронувших миллионы людей.

Литература

1. Глэд Джон. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М. : Книжная палата, 1991. 319 с.
2. Скарлыгина Е.Ю. Структура периодики третьей русской эмиграции // Медиаскоп: Электронный научный журнал. 2009. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru>.
3. Самарин В. Д. Наша ответственность // Зарубежье. 1975. № 45. С. 19–21.
4. От редакции // Континент. 1974. № 1. С. 3–6.
5. Марченко А., Тарусевич В. Tertium datur – третье дано // Континент. 1976. № 9. С. 81–122.
6. Зиновьев А. Не все мы диссиденты. О социальной оппозиции в советском обществе // Континент. 1985. № 44. С. 175–190.
7. Зиновьев А. Катастрофа: Перестройка в Партграде, Революция в Царьграде. М. : Эксмо, 2003. 480 с. \
8. Некрич А. Дозированная ностальгия и политические реальности // Обозрение. 1985. № 13. С. 1–2.
9. Левин С. К новому равновесию? // Обозрение. 1983. № 3. С. 3–5.
10. Джилас М., Михайлов М. Советская система находится в состоянии загнивания... И оно будет продолжаться // Форум. 1983. № 3. С. 39–53.
11. Альмарик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам : Фонд имени Герцена, 1970. 76 с.
12. Альмарик А. Записки диссидента. Энн Арбор : Изд-во «Ардис», 1982. 363 с.
13. Заявление Людмилы Алексеевой, Андрея Амальрика и Владимира Буковского // Зарубежье. 1977. № 53–54. С. 36.
14. Белоцерковский В. Возможна ли демократизация советского режима? // Форум. 1987. № 16. С. 34–47.
15. Малинович В. Две оттепели // Форум. 1988. № 18. С. 3–18.
16. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : БГУ, 1998. 283 с.

The Sociopolitical Discourse of the Russian Diaspora Publications of the 1970s and 1980s

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 87–100

Nailya M. Baybatyrova, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation).

E-mail: aulova83@mail.ru

DOI: 10.17223/26188422/8/6

Keywords: Russian diaspora, political discourse, third wave of Russian emigration, opinion journalism, emigrant periodicals *Zarubezh'e*, *Kontinent*, *Obzor*, *Forum*.

The aim of the research is to study the sociopolitical discourse of Russian emigrant periodicals of the 1970s and 1980s (*Zarubezh'e*, *Kontinent*, *Obzor*, *Forum*). Discourse is understood as a type of verbal communication characteristic of periodicals of the Russian diaspora of the given period, as well as a set of problematic and thematic issues discussed on their pages. The study outlines the opinions and political positions of the authors of the third wave of Russian emigration, which were largely ideological in nature. The author notes that the sociopolitical discourse in the periodicals of the third wave of Russian emigration transformed significantly in the second half of the 1980s when a course towards perestroika reforms was taken in the USSR. The main topics for discussion were transformations in the social, economic, legal spheres; democratic transformations in the country were analyzed. Writers, journalists, and publicists of the Russian diaspora differently assessed the main threats to Russia's social stability during the perestroika period. On the rising waves of people's discontent, anti-Soviet emigre forces intensified. The ideological crisis affected not only the society in the USSR, perestroika gave rise to a split and disunity among Russian emigrants. Many authors of emigration, analyzing perestroika, wrote about environmental disasters, lagging behind in the development of productive forces, the breakdown of science, social and physical poverty, ethnic strife and conflicts that affected millions of people. It is concluded that the periodicals of the Russian diaspora in the period of the 1970s and 1980s were able to organize a comprehensive sociopolitical discourse on important topics related to the main spheres of life in the Soviet Union and abroad. On the pages of the periodicals, the authors of the third wave of Russian emigration discussed urgent topics that were banned in the USSR they had abandoned.

References

1. Glad, J. (1991) *Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezh'e* [Conversations in Exile: Russian Literary Diaspora]. Moscow: Knizhnaya palata.
2. Skarlygina, E.Yu. (2009) *Struktura periodiki tret'ey russkoy emigratsii* [The structure of periodicals of the third Russian emigration]. *Mediascope – Mediascope*. 1. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru>.
3. Samarin, V.D. (1975) *Nasha otvetstvennost'* [Our responsibility]. *Zarubezh'e*. 45. pp. 19–21.
4. *Kontinent*. (1974) *Ot redaktsii* [From the editor]. 1. pp. 3–6.

5. Marchenko, A. & Tarusevich, V. (1976) Tertium datur – tret'e dano [Tertium datur: The third given]. *Kontinent*. 9. pp. 81–122.

6. Zinov'ev, A. (1985) Ne vse my dissidenty. O sotsial'noy oppozitsii v sovetskom obshchestve [Not all of us are dissidents. On social opposition in Soviet society]. *Kontinent*. 44. pp. 175–190.

7. Zinov'ev, A. (2003) *Katastroyka: Perestroyka v Partgrade, Revolyutsiya v Tsar'grade* [Katastroika: A Tale of Perestroika in Partgrad, Revolution in Constantinople]. Moscow: Eksmo.

8. Nekrich, A. (1985) Dozirovannaya nostal'giya i politicheskie real'nosti [Dosed nostalgia and political realities]. *Obozrenie*. 13. pp. 1–2.

9. Levin, S. (1983) K novomu ravновесию? [Towards a new equilibrium?]. *Obozrenie*. 3. pp. 3–5.

10. Dzhilas, M. & Mikhaylov, M. (1983) Sovetskaya sistema nakhoditsya v sostoyanii zagnivaniya... I ono budet prodolzhat'sya [The Soviet system is in a state of decay . . . And it will continue]. *Forum*. 3. pp. 39–53.

11. Al'marik, A. (1970) *Prosushchestvuet li Sovetskij Soyuz do 1984 goda?* [Will the Soviet Union Survive Until 1984?]. Amsterdam: Fond imeni Gertsena.

12. Al'marik, A. (1982) *Zapiski dissidenta* [Dissident's Notes]. Ann Arbor: Ardis.

13. Alekseeva, A., Amal'rik, A. & Bukovskiy, V. (1977) Zayavlenie Lyudmily Alekseevoy, Andrey Amal'rika i Vladimira Bukovskogo [Statement by Lyudmila Alekseeva, Andrey Amalrik and Vladimir Bukovsky]. *Zarubezh'e*. 53–54. pp. 36.

14. Belotserkovskiy, V. (1987) Vozmozhna li demokratizatsiya sovetskogo rezhima? [Is it possible to democratize the Soviet regime?]. *Forum*. 16. pp. 34–47.

15. Malinkovich, V. (1988) Dve ottepeli [Two thaws]. *Forum*. 18. pp. 3–18.

16. Ukhvanova-Shmygova, I.E. (ed.) (1998) *Metodologiya issledovaniy politicheskogo diskursa: Aktual'nye problemy soderzhatel'nogo analiza obshchestvenno-politicheskikh tekstov* [Research Methodology of Political Discourse: Topical Issues of Meaningful Analysis of Sociopolitical Texts]. Vol. 1. Minsk: Belarusian State University.

УДК 070:93/94 (571.1)
DOI: 10.17223/26188422/8/7

В. А. Гордиенко, Н. В. Жиликова

**ПУБЛИЦИСТИКА А. В. АДРИАНОВА
И Г. Н. ПОТАНИНА В ГАЗЕТЕ
«СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ», 1917 г.**

Рассматриваются особенности публицистической деятельности лидеров сибирского областничества Г. Н. Потанина и А. В. Адрианова в газете «Сибирская жизнь», которая в 1917 г. стала центром консолидации антибольшевистских сил. На основе анализа содержания публикаций выявлены сходства и различия подходов журналистов к поднимаемым проблемам, определены тематические пересечения, связь с областническими идеями авторов «Сибирской жизни».

Ключевые слова: «Сибирская жизнь», 1917 год, Г. Н. Потанин, А. В. Адрианов, публицистика.

Сибирское областничество, своеобразное направление русской общественной мысли, возникло в середине XIX в. как реакция на чрезмерную централизацию жизни России. Сибирь эксплуатировалась самодержавной российской властью как колония, использовалась в качестве сырьевого придатка и одновременно служила местом для уголовной и политической ссылки. Представители сибирского землячества, обучающиеся в Санкт-Петербурге, в период активизации общественной жизни 1860-х гг. задумались о положении своей малой родины и впервые сформулировали тезисы, которые легли в основу областничества: тезисы о равноправии метрополии и колонии, европейской части России и Сибири.

Важным этапом развития областнических идей стал 1917 – год двух революций, Февральской и Октябрьской, когда областники воспользовались шансом воплощения своих идей в реальную политическую жизнь. Эта попытка в итоге оказалась неудачной из-за сложившихся обстоятельств. Однако политический провал не уничтожил привлекательность областнических идей. За прошедшие годы они много раз трансформировались, изменялись и дополнялись, однако до сих пор сохранили свою актуальность: и сегодня, как и столетие

назад, все так же остро стоит проблема неравноправия центра и регионов России, которая подпитывает областничество как концепцию. Именно поэтому исследователи до сих пор обращаются к публикациям областников, выясняя, о чем они писали, какие требования выдвигали к «центру», как обосновывали свои тезисы о сибирской самобытности и т.д. [1–6 и др.]

Цель настоящей статьи – определение своеобразия тематики и проблематики крупных сибирских публицистов, идеологов областничества Г. Н. Потанина и А. В. Адрианова в период их сотрудничества с газетой «Сибирская жизнь» в 1917 г.

В 1917 г. было выпущено 282 номера газеты «Сибирская жизнь», в них было опубликовано более 50 материалов А. В. Адрианова и около 25 материалов Г. Н. Потанина. Анализ публикаций позволил разбить эти материалы на несколько проблемно-тематических блоков и сопоставить их между собой с целью определения сходства и различий позиций публицистов по отношению к описываемому явлению.

Необходимо отметить, что публикации А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина 1917 г. неоднократно попадали в круг исследовательской рефлексии, но практически всегда эти авторы рассматриваются по отдельности [7–11]. Между тем именно их совместная работа во многом определяла специфику и направление газеты «Сибирская жизнь» в 1917 г. [12–14].

А. В. Адрианов об обществе, о войне и о большевиках

В 1917 г. Александр Васильевич Адрианов был редактором газеты «Сибирская жизнь», ее ведущим сотрудником и публицистом. Публикации Адрианова за 1917 г. можно разделить на несколько тематических блоков: о Временном правительстве, о сибирской журналистике, о войне, религии, политике большевиков и некоторые другие.

1. Временное правительство. Три объемные статьи Адрианова посвящены переменам во власти после Февральской революции 1917 г.: «Напрасные тревоги» (№ 54), «Е. К. Брешковская» (№ 56), «Народному правительству для памяти» (№ 61). Поднимая проблемы формирования нового правительства, останавливая внимание читателей на его первых шагах, Адрианов подчеркивал «народный характер» новой власти, ее внимание к нуждам населения. Было заметно, что публицист возлагал большие надежды на новую власть и был

очень воодушевлен происходящим. Также он считал, что новое правительство должно обратить внимание на то, какой большой вклад в развитие Сибири сделали областники, в частности Г. Н. Потанин: статья «Народному правительству для памяти» показывала веру Адрианова в то, что новая власть способна на поддержку областнической доктрины (в дальнейшем, увы, не оправдавшуюся).

2. Сибирская журналистика. В начале 1917 г. Адрианов обращал внимание читателей на положение отдельных представителей сибирской журналистики и размышлял о российской печати в целом. Этой теме были посвящены публикации: «Сибирские записки» (№ 33) и «Сибирская летопись» (№ 37).

Основной в материалах Адрианова, посвященных сибирской журналистике, была проблема неразвитости сибирской печати, ее малочисленности и отсутствия поддержки в местном обществе. Отдельные сибирские издания заслуживали пристального внимания автора: Адрианов анализировал содержание и условия существования сибирских изданий, поддерживал каждое начинание в этой области, считая любую литературную деятельность важной и нужной. Он пытался привлечь к ним внимание читателей, объяснял, почему необходимо поддерживать подпиской органы печати, а также искал способы укрепить материальное положение сибирских газет и журналов, в том числе и таким оригинальным способом, как возврат всех штрафов, заплаченных самодержавию.

Обращает на себя внимание областническая точка зрения Адрианова на эту проблему: он считал, что именно сибирская печать нуждается в особом внимании и поддержке как со стороны общества, так и со стороны правительства, потому что находится в наиболее неблагоприятных обстоятельствах по сравнению с другими российскими регионами. Этот акцент на сибирских нуждах был очень характерен для областников во все периоды существования идеи «сибирского патриотизма».

3. Инородцы и «невольные жители» Сибири. Одним из вопросов, которые постоянно находились в сфере внимания областников, было положение коренных жителей Сибири, а также взаимодействие сибиряков с представителями разных национальностей. В «Сибирской жизни» на эту тему было помещены такие публикации А. В. Адрианова, как: «Вымирание инородцев в Сибири» (№ 34), «Шага» (№ 107, 110), «Пленные и свободная Россия» (№ 62), «Что такое чехи?» (№ 79).

В материале «Вымирание инородцев в Сибири» Адрианов утверждал, что уменьшение численности инородцев не зависит от внутренних факторов, то есть от физической конституции, жизнеспособности и биологической устойчивости: «большинство инородцев отличаются крепким телосложением, хорошим питанием и необычайной выносливостью, а также плодовитостью». Адрианов был уверен, что вымирание – это следствие неблагоприятных внешних факторов социального и экономического порядка, таких как плохое экономическое положение, жестокая эксплуатация со стороны соседей, голод, эпидемии, алкоголизм, и осуждал политику государства в этом вопросе.

На протяжении всей истории сотрудничества областников с периодическими изданиями можно встретить публикации, освещающие традиции, праздники, предания инородцев. К такого рода материалам принадлежит «Шага» – рассказ о сойотском Новом годе с подзаголовком «Этнографический набросок из урянхайской жизни». В нем Адрианов подробно описывал детали праздника, обычаи и быт инородцев-сойтов.

Не только инородцы, но и другие жители Сибири, в том числе невольные, привлекали внимание Адрианова. В материале «Пленные и свободная Россия» публицист выступил с требованием улучшить положение пленных славян в Сибири, ведь, по его словам, чехи и словаки – «наши братья», которым необходимо дать свободу. В публикации «Что такое чехи?» Адрианов подробнее аргументировал свое предложение дать свободу пленным чехам, считая, что «всем своим прошлым и тяжким настоящим этот народ доказал свое право на независимое существование и дальнейшее развитие среди родной ему славянской стихии».

Проблема межнациональных отношений в Сибири решается исходя из областнических представлений о том, что Сибирь является малой родиной для всех, кто связан с ней волею судеб и готов этой малой родине помогать, изучать, любить ее. Отсюда и его призыв к гуманности по отношению к чехам, и стремление понять представителей других народностей, увидеть их своеобразие, как в случае с сибирскими инородцами.

4. Война. Тема войны в 1917 г. занимала умы всех россиян, даже сибиряков, географически чрезвычайно удаленных от мест главных сражений. Адрианов поднимал тему войны в таких публикациях, как «Из Урянхайского края в Томск» (№ 12), «К вопросу о дисциплине»

(№ 99), «Надо образумиться» (№ 102). В основном он показывал, как отражалась война на сибирской жизни, писал о взаимоотношениях крестьян и горожан с солдатами, находящимися в тылу. Причем, как свидетельствуют материалы Адрианова, взаимодействие это было конфликтное, требовавшее вмешательства вышестоящих чинов, поскольку местные жители оказывались беззащитными перед солдатским произволом. Здесь можно увидеть ростки будущих столкновений редакции «Сибирской жизни» и восставших рабочих и солдат, отраженные в более поздних публикациях Адрианова.

5. Религия. Довольно неожиданной для Адрианова тематической линией 1917 г. стали публикации о религии: «Среди духовенства» (№ 65) и «Томский епархиальный съезд» (№№ 112, 116). Областники были довольно равнодушны к проблемам веры, однако Адрианов как редактор «Сибирской жизни» должен был следить за значимыми изменениями и в общественной, и в религиозной жизни Томска. А в среде духовенства, как и во всем обществе, в это время наблюдалась повышенная активность, выразившаяся, в частности, в созыве томского епархиального съезда. Его работу и освещал Адрианов. Он рассуждает не о духовной жизни, а о самоорганизации духовенства и включении этой консервативной среды в общественную жизнь, что вызывает радость публициста.

6. «Разоблачение» В.И. Анучина. В отдельный тематический блок можно выделить публикации А.В. Адрианова о местном политическом деятеле В.И. Анучине. Ему посвящено три материала: «Кто такой В. И. Анучин?» (№ 97), «От автора» (№ 98) и «К истории наших дней» (№ 172).

В этих статьях Адрианов поставил своей целью рассказать о том, кто такой В. И. Анучин, раскрыть его настоящий облик, так как он стал слишком быстро подниматься во власти, а это было чревато негативными последствиями. Адрианов был уверен, что Анучин — человек, несущий разлад, совершающий поступки из корысти, и поэтому стремился предупредить томское общество, чтобы лишить Анучина поддержки.

Биография Анучина, действительно, изобиловала примерами нечистоплотности — научной, нравственной, общественной. Даже горячая поддержка Анучиным идеей сибирского областничества не спасла его от справедливого осуждения бывшими товарищами, когда они, наконец, разобрались в методах действий Анучина (фальсификация, подлоги,

ложь и т.д.). Собственно, в материалах Адрианова поднимается именно эта проблема: вхождение во власть неподходящих людей, которые вносят своими действиями разлад, разрушают то, что создавалось с таким трудом, дискредитируют общее дело. И в этом отношении областничество не стало надежным щитом для Анучина: Адрианов не сомневался в том, что делу областников такие «союзники» наносят гораздо больший вред, чем самые активные враги.

7. Материалы о людях. К ним относятся: два материала, связанные с самоубийством томского профессора: «Самоубийство профессора Л. Л. Тове» (№ 14) и «Памяти Л. Л. Тове» (№ 18), а также публикации «Памяти Н. Л. Скалозубова» (№ 38) и «Памяти Н. Г. Чернышевского» (№ 86).

Лев Львович Тове – горный инженер, профессор Томского технологического института, покончивший собой 17 января 1917 г. Его смерть стала для многих неожиданностью, и в периодике этих дней можно было встретить много материалов об этом человеке. В статьях «Самоубийство профессора Л. Л. Тове» и «Памяти Л. Л. Тове» Адрианов называл его жизнь «ценной и нужной», выражал сочувствие его близким, а также отзывался о нем как о человеке «редкой доброты». Если эти материалы можно отнести к жанру некролога, поскольку они написаны буквально «по следам» трагического события, то публикация «Памяти Н. Л. Скалозубова» (№ 38) – скорее эпитафия, в которой не только описывалась личность человека, но и проводился анализ его деятельности, других публикаций о нем и т.д.

Материал «Памяти Н. Г. Чернышевского» имел информационный повод – это сообщение об организации нового общества, «Саратовского общества имени Николая Гавриловича Чернышевского». Данное событие позволило начать разговор с читателями о Чернышевском, которого Адрианов называл «крупнейшим представителем политической мысли и борцом за раскрепощение русского народа».

Проблемы, поднимаемые в этих материалах, были связаны скорее с социальными, а не человеческими характеристиками личностей: Адрианов подчеркивал их вклад в дело просвещения, останавливался на значении деятельности всех трех героев своих публикаций. Областническая тематика в этих публикациях не выходила на первый план, хотя само обращение к людям, которые повлияли на развитие сибирского образования, сибирского краеведения, является очень характерным для Адрианова.

8. Большевики. После Октябрьской революции 1917 г. в публицистике Адрианова возникла новая тема: противостояние с большевиками. Позиция Адрианова в этом вопросе отразилась в публикациях: «Женский батальон в Томске» (№ 153), «“Им” мой ответ» (№ 164), «Нечто современное» (№ 118), «К бойкоту “Сибирской жизни”» (№ 173), «Первый областной сибирский съезд» (№ 221), «Пробуждение инородческого Алтая» (№ 255).

Наиболее значимой публикацией в этом тематическом блоке является статья «“Им” мой ответ», именно она обозначила позицию публициста, которую он занял в разворачивающейся борьбе за власть. В статье автор рассказывал читателям о неудачных попытках разными способами закрыть «Сибирскую жизнь»: большевики уже подговаривали наборщиков к отказу набирать газету, но в итоге решили, что в двух других газетах они будут публиковать статьи-провокации, отвечая на которые «Сибирская жизнь» сама даст повод себя закрыть. Адрианов писал, что не стал вступать в полемику с большевиками, так как «подобное постановление могло быть вынесено только людьми, находящимися в состоянии психоза, людьми, утратившими способность правильно разбираться в происходящих явлениях нашей страшной жизни».

Адрианов утверждал с характерной для него убежденностью, что точка зрения его газеты такова: большевизм – это «злокачественная экзема», заразившая все органы революционной власти. И он считал, что у Временного правительства есть два варианта: убрать этот «революционный мусор», став спасением для страны, или оставить все без изменений и ждать неизбежного конца – обнищания, одичания, застоя.

Одной из основных проблем, которые прослеживались во всех материалах Адрианова, связанных с большевиками, стало противоречие между идеологией большевизма и областнической доктриной. И Адрианов показал себя одним из самых убежденных противников большевизма. Несмотря на то, что в 1917 г. он не писал отдельных работ о большевиках, но все, что о них говорилось в его публикациях, было настроено максимально против большевизма. Его изначальная оценка этого явления – ярко отрицательная и с точки зрения областничества, и с точки зрения заслуженного публициста, отстаивавшего свободу слова со времен царизма, но внезапно обнаружившего, что большевики являются еще большими душителями печати, чем самодержавие. Резкость Адрианова, его бескомпромиссность в отстаивании своей

позиции привели в итоге к печальному концу – к расстрелу большевиками последнего редактора «Сибирской жизни».

Тематика и проблематика публикаций Адрианова в 1917 г. во многом пересекалась с публикационными интересами Г. Н. Потанина. Но анализ материалов показывает, что были и различия в их общих установках, в видении проблем, о которых они писали.

Г. Н. Потанин: воспоминания, политика и критика новой власти

Григорий Николаевич Потанин постоянно жил в Томске с 1902 г., занимаясь в основном литературной, просветительской и публицистической деятельностью. События 1917 г. вернули Потанина к активной политической жизни. Он поддерживал свержение самодержавия, но опасался стремившихся к власти большевиков [15].

Публикации Г. Н. Потанина в газете «Сибирская жизнь» за 1917 г. также можно разделить на несколько тематических блоков, и самыми значимыми из них были его «Воспоминания» – цикл статей, который начался еще в 1913 г. В них Потанин рассказывал о своей молодости, о возникновении областнического движения, о своих путешествиях и о своих знакомых, размышлял о происходящих событиях с высоты своего опыта – публицисту в это время было 82 года. «Сибирская жизнь» считала публикацию этих воспоминаний очень важной для своих читателей и не прекращала ее даже во времена революционных потрясений 1917 г. «Воспоминания» были напечатаны в №№ 118, 123, 127, 128, 132, 133, 138, 150, 152, 158, 161, 163, 192, 193 за 1917 г.

Неторопливое повествование, наполненное размышлениями, описанием мелких деталей исчезнувшего быта середины XIX в., воскрешающее в памяти уже ушедших людей, резко контрастировало с газетным окружением – публикациями «Сибирской жизни», в которых описывалась современная бурная жизнь. Воспоминания Потанина, погружавшие в «былое» (как у Герцена), создавали как бы два «временных потока» в газете и заставляли читателей вспомнить о том, что не они первые переживали время перемен, настраивали их на более спокойное восприятие действительности.

Интересно, что далеко не во всех частях «Воспоминаний» речь шла об областничестве, однако они воспринимались именно через призму личности Потанина, идеолога этого течения, и потому прочитывались в контексте формирования областнической идеи.

В «Сибирской жизни» публиковались и другие материалы Потанина, кроме его «Воспоминаний». Их также можно объединить в несколько тематических блоков.

1. Портретные очерки. Г. Н. Потанин писал о людях, которые привлекли его внимание и внимание общества в связи с отдельными событиями: «Памяти Ад. Эд. Третьяковой» (№ 33), «Русская путешественница по Монголии» (№ 39), «Памяти мучеников за свободу» (№ 55), «Чествование памяти Н. Г. Чернышевского» (№ 102). В этих материалах Потанин выносил на первый план проблемы их служения делу – делу просвещения, изучения Сибири и близлежащих стран, делу освобождения народа от царского гнета или делу объединения России через литературу и культуру. Эта постановка проблемы отвечала областническому представлению о гражданском долге человека, который должен работать на благо общества, желательно, конечно, общества сибирского.

2. Сибирская дума. Созыв областной сибирской думы в Томске в 1917 г. привлек самое пристальное внимание Потанина, который посвятил этому событию несколько публикаций: «Прекрасный финал» (№ 124), «Акакий Акакиевич об Областной Сибирской думе» (№ 130). «По поводу сибирских писем с фронта» (№ 134), «А. Н. Рожков о сибирской автономии» (№ 171), «Важнейший местный вопрос в Сибири» (№ 208).

В одном из самых важных материалов на эту тему – «Прекрасный финал» – Потанин описывал дебаты во время первого заседания томского народного губернского собрания об областной сибирской думе. Потанин обращал внимание на один из аргументов противников о том, что создание «государства внутри государства» приведет к разрыву отношений между Сибирью и европейской частью России. На это Потанин отвечал, что связи внутри России держатся на русском языке, литературе и духовных традициях, и подчеркивал: Сибирь в первую очередь хочет равноправных экономических отношений, «отмены колониальных отношений». Он писал: «Сибирские областники просят дать Сибири областную думу, обозначенную законодательной властью, дать свои министерства и свои финансы». И еще раз рассматривая аргумент о губительности создания «государства внутри государства», публицист припоминал нежелание социал-демократов подчиняться Временному правительству, что, по его мнению, тоже можно считать созданием «государства внутри государства». В за-

ключение Потанин подчеркивал: цель областников в том, чтобы Россия была разделена на равноправные области, у которых будут свои парламенты и министерства, а объединять их всех будет Государственная дума.

Блок материалов, посвященных будущему созыву областной сибирской думы, был чрезвычайно важен для Потанина. С сибирской думой он связывал надежды на получение самостоятельности своей «малой родины», на установление равноправия «метрополии» и «колонии» как в политическом, так и в экономическом отношении. Поэтому Потанин активно включился в обсуждение будущей думы, ее полномочий, ее значения для Сибири. В материалах прослеживалась уверенность Потанина в том, что сибиряки обязательно поддержат думу, если им доступно разъяснить все ее преимущества. Поэтому большая часть статей в этом блоке – это размышления, разъяснения, сравнительный анализ разных форм государственного устройства, выдвижение аргументов в пользу федерации. Обращает на себя внимание то, что именно Потанин взял на себя эту роль – разъяснить читателям все преимущества думы, в то время как Адрианов практически не писал на эту тему, хотя, безусловно, был горячим сторонником думы и единомышленником Потанина.

3. Большевики. Одним из важнейших вопросов 1917 г. как для Адрианова, так и для Потанина стало их отношение к большевикам. Потанин написал на эту тему две объемные статьи: «Областничество и диктатура пролетариата» (№ 153) и «Нашим обвинителям» (№ 164).

В первой статье Потанин подчеркивал, что большевики открыто выступали против федерализма, идея о сибирской областной думе для них была неприемлема. Поэтому Потанин утверждал: «Сибирским областникам предстоит борьба с большевиками. Деспотическая власть генерала партии еще не так вредна, если она не выходит за пределы партии, но распространение этой схемы на государство означает, что целые области, находящиеся на периферии государства, будут лишены участия в его законодательной жизни; другими словами, целые миллионы населения будут лишены этого благодетельного права».

Потанин открыто говорил о том, что большевики желают подчинить жизнь российских людей своей воле – «они стремятся к захвату власти, чтобы воцарить над жизнью свою доктрину». И он вновь настаивал на создании сибирской областной думы, против которой выступают большевики. Если будет сибирская дума – будет большее

число граждан вовлечено в законодательный процесс. Это заставит людей интересоваться своим государством, заботиться о его цельности, экономическом и культурном развитии. Так жители будут становиться патриотами. Большевики же «затрудняют нам доступ к законодательной работе и, таким образом, препятствуют нам воспитывать в себе любовь к отечеству».

Статья «Нашим обвинителям» была опубликована в одном номере со статей Адрианова «“Им” мой ответ» и освещала одно и то же событие: бойкот, который было решено объявить «Сибирской жизни». Потанин последовательно рассматривал причины объявления бойкота, выдвинутые на томском совещании представителей политических организаций, которое состоялось 8 июля 1917 г., и приходил к выводу о том, что основное обвинение – «Сибирская жизнь» отрицательно относится к большевизму. Публицист заявлял: «Вот вина “Сибирской жизни”, и мы в этой вине признаемся; если разоблачение деятельности большевиков есть преступление, то мы готовы идти в суд и сесть на скамью подсудимых».

Статьи Потанина, критикующие большевизм, перекликались с выступлениями Адрианова в постановке проблем: оба публициста говорили об опасности большевизма, который не терпит федеративности, разных мнений, разных точек зрения и готов стирать с лица земли своих политических противников, невзирая на все их заслуги, как это случилось, в частности, с газетой «Сибирская жизнь». Но в отличие от Адрианова, который скорее «принимал удар на себя», объяснял свое личное, субъективное неприятие большевизма, Потанин говорил от лица сибирского общества, стремился к объективной оценке этого явления.

Выводы

Сопоставляя между собой тематические направления публикаций А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина, можно увидеть, что они во многом не совпадали. Адрианов больше писал о текущей политической жизни, освещая темы войны, Временного правительства, религии, положения инородцев и т.д. Потанин в основном публиковал свои воспоминания, и только около десяти его публикаций относятся к современности. Тем не менее можно выделить и тематические пересечения. Так, и Адрианов и Потанин активно вступили в полемику с больше-

виками, отстаивая право Сибири на областнический, а не большевистский путь развития. Оба публициста отозвались на чествование памяти Н. Г. Чернышевского, считая его одним из самых значимых для России писателей. Что же касается проблемного поля, то здесь Адрианов и Потанин действовали в одном направлении, которое можно обозначить как «воспитание местного патриотизма». Практически каждый материал публицистов соотносился с проблемами и нуждами Сибири. О чем бы они ни говорили (о местном духовенстве, проблемах бедных семей, самоубийстве профессора, о преимуществах федерации), разговор всегда шел о малой родине, которой они желали процветания и свободы.

Необходимо отметить и различия в общих установках публицистов, связанных с их мировоззрением и журналистским темпераментом. Адрианов был известен в истории сибирской журналистики как резкий, непримиримый, бескомпромиссный публицист, который не раз попадал в неприятности – не любило его различное начальство. В 1917 г. Февральская революция пробудила в Адрианове надежды на лучшее будущее, что отразилось в публикациях этого периода, однако затем наступление большевизма вновь активизировало бойцовский характер Адрианова, который вступал в дискуссии, громил оппонентов и не шел ни на какие уступки. Потанин в этом отношении всегда демонстрировал научный подход: он больше аналитик, который стремится все объяснить, привести примеры и аргументы, чем боец, который обличает и сокрушает. Но в целом оба публициста всегда поддерживали, взаимодополняли друг друга, что и продемонстрировал анализ их публикаций в «Сибирской жизни» 1917 г.

Литература

1. Сибирское областничество: биобиблиографический справочник / редкол.: С. С. Быкова (гл. ред.) и др. Томск; Москва : Водолей, 2002. 288 с.
2. Двойнев А. В. Отечественная историография сибирского областничества (60-е годы XIX века – 20-е годы XX века) : дис. ... канд. истор. наук. Омск, 2006. 286 с.
3. Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.
4. Жиякова Н. В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2012.

5. Головинов А. В. По поводу идеологической природы областничества: опыт политологического осмысления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3 (23). С. 154–161.

6. Бакшеев А. И. Сибирское областничество: XIX – начало XX в // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 3 (13). С. 126–137.

7. Ларьков Н. С. Политическая деятельность А. В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 88–96.

8. Шереметьева Д. Л. Изменить страну, не изменяя себе: публицистика А. В. Адрианова в условиях революции и гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. ст. Новосибирск, 2015. С. 65–99.

9. Серебrenникова Т. П. Публицистика А. В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 39–46.

10. Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Потанин, последний энциклопедист Сибири. Опыт осмысления личности. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.

11. Ваганова И. В. Г. Н. Потанин и газета «Сибирская жизнь»: грани сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 83–86.

12. Жилыкова Н. В. «Томск газетный». Становление и формирование системы газетной периодики дореволюционного Томска // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 23–30.

13. Жилыкова Н. В. «В наших руках одно оружие – свободное слово»: «медийное противостояние» большевиков и «Сибирской жизни», 1917 г. // Вопросы журналистики. 2017. № 2. С. 73–94.

14. Гермизеева В. В. Газета «Сибирская жизнь» о событиях октября-ноября 1917 г. в России // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 28–30.

15. Литературное наследие Сибири. Т. 6–7. Г. Н. Потанин. Воспоминания. Статьи, очерки, рецензии. Воспоминания о Г. Н. Потанине. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1986.

Alexander Adrianov's and Grigory Potanin's Opinion Journalism in the Newspaper *Sibirskaya Zhizn*, 1917

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 101–116

Vera A. Gordienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vgrdienko@gmail.com

Nataliya V. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

DOI: 10.17223/26188422/8/7

Keywords: *Sibirskaya Zhizn'*, 1917, Grigory Potanin, Alexander Adrianov, opinion journalism.

The article examines the features of the journalistic activities of the Siberian regionalism leaders Grigory Potanin and Alexander Adrianov in the newspaper *Sibirskaya Zhizn'* [Siberian Life], which in 1917 became the center of consolidation of anti-Bolshevik forces. Siberian regionalism, a peculiar direction of Russian social thought, arose in the middle of the 19th century as a reaction to the excessive centralization of Russian life. An important stage in the development of regional ideas was 1917—the year of two, February and October, revolutions when regional officials took advantage of the chance to translate their ideas into real political life. This attempt was ultimately unsuccessful due to the prevailing circumstances. In 1917, Adrianov was the editor of *Sibirskaya Zhizn'*, its leading contributor and publicist. Adrianov's publications in 1917 (more than 50 works) can be divided into several thematic blocks discussing: the provisional government, Siberian journalism, war, religion, the Bolsheviks's policy, and some others. Potanin's publications in *Sibirskaya Zhizn'* in 1917 can also be divided into thematic blocks: portrait essays, the convocation of the regional Siberian Duma, the Bolsheviks. The most significant works were his *Vospominaniya* [Memoirs]: a series of articles that began in 1913. In them, Potanin talked about his youth, about the emergence of the regional movement, about his travels, and about his acquaintances; he reflected on the events from the height of his experience, being 82 years old at the time. *Sibirskaya Zhizn'* considered the publication of these memoirs very important for its readers. Comparing the themes of the publications by Adrianov and Potanin, one can see that they did not coincide in many ways. Adrianov wrote more about current political life, covering the themes of war, the Provisional Government, religion, the situation of foreigners, etc. Potanin mainly published his memoirs, and only about ten of his publications are related to the then current time. Nevertheless, thematic intersections can also be observed: both Adrianov and Potanin actively entered into polemic with the Bolsheviks, defending the right of Siberia to a regional rather than Bolshevik path of development. They both responded to the commemoration of Nikolay Chernyshevsky, considering him one of the most significant writers for Russia. As for the problematic field, both Adrianov and Potanin acted in the same direction, which can be described as the education of local patriotism. It is necessary to note the differences in Adrianov's and Potanin's general attitudes associated with their worldviews and journalistic temperaments. In the history of Siberian journalism, Adrianov is known as a harsh, irreconcilable, uncompromising publicist who more than once got into trouble because of his inflexibility. Potanin was more of an analyst who sought to explain everything, give examples and arguments. But on the whole, both publicists always supported and complemented each other, which was demonstrated by the analysis of their publications in *Sibirskaya Zhizn'* in 1917.

References

1. Bykova, S.S. et al. (eds) (2002) *Sibirskoe oblastnichestvo: biobibliograficheskiy spravochnik* [Siberian Regionalism: Biobibliographic Reference Book]. Tomsk, Moscow: Vodoley.

2. Dvoynev, A.V. (2006) *Otechestvennaya istoriografiya sibirskogo oblastnichestva (60-e gody XIX veka – 20-e gody XX veka)* [Domestic historiography of Siberian regionalism (1860s–1920s)]. History Cand. Diss. Omsk.
3. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Social and Political Life of the Region in the Second Half of the 19th C. – First Quarter of the 20th C.]. Novosibirsk: Sova.
4. Zhilyakova, N.V. (2012) *Zhurnalistika Tomskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: ideya oblastnichestva* [Journalism of Tomsk Province of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: The Idea of Regionalism]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
5. Golovinov, A.V. (2013) About the ideological nature of regionalism: the experience of political science Understanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (23). pp. 154–161. (In Russian).
6. Baksheev, A.I. (2019) Siberian Regionalism: XIX – the Beginning of the XX Century. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 3 (13). pp. 126–137. (In Russian).
7. Lar'kov, N.S. (2013) Political activity of A. Adrianov during Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (21). pp. 88–96. (In Russian).
8. Sheremet'eva D. L. Izmenit' stranu, ne izmenyaya sebe: publitsistika A. V. Adrianova v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoy voyny [Change the country without betraying oneself: A. Adrianov's journalism in the conditions of revolution and civil war]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka* [Political Adaptation of the Population of Siberia in the First Third of the 20th Century]. Novosibirsk: Parallel'; Institute of History, SB RAS. pp. 65–99.
9. Serebrennikova, T.P. (2017) Publications of A.V. Adrianov in the newspaper “Siberian Life” during the Revolution of 1917 and the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 46. pp. 39–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/46/5
10. Sagalae, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *G. Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri. Opyt osmysleniya lichnosti* [G. Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia. The Experience of Understanding the Personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
11. Vaganova, I.V. (2011) G.N. Potanin and the newspaper Siberian Life: Sides of cooperation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 83–86. (In Russian).
12. Zhilyakova, N.V. (2009) “Tomsk in newspapers”, establishment and development of system of newspaper periodicals in pre-revolutionary Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 323. pp. 23–30.

13. Zhilyakova, N.V. (2017) “We have one weapon in our hands – a free word”: Media confrontation of the Bolsheviks and Sibirskaya Zhizn', 1917. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 2. pp. 73–94. (In Russian). DOI: 10.17223/26188422/2/6
14. Germizeeva, V.V. (2017) The newspaper “Siberian Life” about the events of October–November 1917 in Russia. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*. 2. pp. 28–30. (In Russian).
15. Yanovskiy, N.N. et al. (eds) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vols 6–7. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.

УДК 070.4

DOI: 10.17223/26188422/8/8

Е. В. Перевалова

**ТВОРЧЕСТВО «МОГУЧЕЙ КУЧКИ» КОМПОЗИТОРОВ В
ОЦЕНКАХ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПРЕССЫ 1860–1880-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ
ВЕДОМОСТИ» И ЖУРНАЛА «РУССКИЙ ВЕСТНИК»)**

Анализируются публикации консервативной печати 1860–1880-х гг. – газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник», посвященные новаторскому творчеству композиторов «Могучей кучки». Выявлено, что политический консерватизм этих изданий, установка на традиционализм, настороженное отношение к любым попыткам внести изменения в существующий миропорядок, реализовывались и в их эстетической программе. На основе анализа публикации ведущих музыкальных критиков – Г. А. Лароша, Ф. М. Толстого, С. В. Флерова – сделан вывод, что основные идеи их выступлений соответствовали отстаиваемой в данных изданиях теории «разумного консерватизма».

Ключевые слова: «Могучая кучка», «Московские ведомости», «Русский вестник», В. В. Стасов, Г. А. Ларош, Ф. М. Толстой, С. В. Флеров, консерватизм, музыкальная критика.

Преобразования, начавшиеся в России с восшествием на престол императора Александра II, положили начало оживленным спорам среди образованной публики по самым разным вопросам общественно-политической жизни того времени. Как показали события последних лет царствования Николая I, скорейшее решение этих вопросов стало насущной необходимостью для страны, изрядно отстававшей в своем развитии от государств Западной Европы. Одну из главных ролей в бурных дискуссиях стала играть печать – «толстые» ежемесячные журналы («Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Время») и газеты («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Голос» и т.д.). Разница во взглядах на реформы и дальнейшие пути развития страны способствовала размежеванию печати, среди которой уже в 1850-е гг. выделились издания демократической, либеральной, консервативной направленности.

В полемике, в первую очередь, затрагивались вопросы земельной реформы и ее последствий, национальных отношений, transforma-

ний в судебной системе, образовании, городском самоуправлении и т.д. На этом фоне эстетическая проблематика, казалось бы, отходила на второй план, отгесненная более актуальными темами. Но публикация в 1855–1856 гг. в некрасовском «Современнике» «Очерков гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского дала толчок ожесточенной полемике в прессе по вопросу о целях и задачах искусства, которая не угасала на протяжении 1860–1880-х гг. Главный идеолог «Современника» и его последователи выступили против распространенной в 1850-е гг. теории «чистого искусства», защитники которой главную цель искусства видели в служении абсолютным идеалам красоты и считали недостойным и недопустимым для истинного художника обращаться к социальным вопросам. Материалистическая эстетика Чернышевского легла в основу нового этапа в развитии реализма и сформировала новую мировоззренческую систему, подхваченную поколением «шестидесятников», которые рассматривали искусство как средство борьбы с социальными язвами и пороками.

Подобная трактовка искусства принималась далеко не всеми, и в пореформенный период бурная полемика шла вокруг произведений литературы, музыки, живописи художников-передвижников и т.д. Одним из ярких эпизодов этой полемики стали споры о новаторской музыке «Могучей кучки» – сложившегося в Санкт-Петербурге в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Балакиревского кружка, в который, помимо композитора М. А. Балакирева, входили выпускник военного училища М. П. Мусоргский, профессор химии А. П. Бородин, морской офицер Н. А. Римский-Корсаков и военный инженер Ц. А. Кюи. Музыканты считали себя наследниками традиций М. И. Глинки и выступали против академической рутины, полагая, что русское музыкальное искусство нуждается в новых формах, способных воплотить в музыке русскую национальную идею. Свою цель они видели в возвращении музыки к национальным корням и называли себя представителями «новой русской музыкальной школы», но с легкой руки В. В. Стасова, крупнейшего музыкального и художественного критика тех лет, главного идеолога и вдохновителя их творческого объединения, в обиход быстро вошло выражение «Могучая кучка», которое стало активно использоваться в печати тех лет для обозначения творчества композиторов Балакиревского кружка.

Эстетическая позиция Стасова, его публицистическое наследие было подробно изучено еще в советский период [1–5 и др.], тогда как

выступления консервативной прессы долгое время оставались без внимания как историков искусства, так и исследователей отечественной печати. В настоящей статье рассмотрены посвященные творчеству «Могучей кучки» публикации в газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник» – в наиболее авторитетных и влиятельных органах консервативной печати того времени; сделана попытка выяснить, насколько выступления по вопросам эстетики соответствовали политической программе этих изданий.

«Московские ведомости» и «Русский вестник» М. Н. Каткова в годы реформ выступали с позиций «разумного прогресса» за постепенные преобразования в рамках неограниченной монархии [6]. На протяжении четверти века эти издания отстаивали идею незыблемости самодержавных и православных основ русского государства и объединения всех сословий вокруг монарха ради общего дела – сохранения единой и великой России. Не доверяя представительским формам управления, их идеолог и главный публицист М. Н. Катков видел гарантию законности и обеспечения личной и общественной свободы исключительно в самодержавии, которое, по его мнению, представляло «самое лучшее выражение и самое лучшее доказательство прочности порядка в стране и незыблемости верховной власти», когда интересы монарха, возвышенного над всеми сословиями и партиями, находятся «в совершенной общности <...> с государственной пользой и благом народным» [7].

Искусствоведческая тематика не являлась приоритетной в изданиях Каткова, но в них в разные годы сотрудничали известные искусствоведы, музыкальные и театральные критики Д. В. Аверкиев, Н. А. Рамазанов, К. К. Герц, Г. А. Ларош, М. Е. Кублицкий, П. А. Щуровский, В. Ф. Одоевский и др. В газете регулярно печатались рубрики «Музыкальная хроника», «Музыкальные известия», «Музыкальные письма из Петербурга», публиковались многочисленные обзоры и рецензии на почти все заметные оперные и симфонические премьеры, в журнале время от времени появлялись фундаментальные статьи, посвященные творчеству российских и западноевропейских композиторов, вопросам музыкального образования и музыкальной науки и пр.

Так, в публикациях профессора Петербургского университета А. Н. Веселовского развивалась мысль о необходимости основательного изучения истории музыки и развитии национальной музыкальной школы. Будучи сторонником самобытности славянской музыки и

высоко ценя ее, он в статье «Музыка у славян» с горечью констатировал неразвитость этой области искусства в России и зависимость от иностранной культуры. «Надобно еще удивляться, как при отсутствии у нас до последнего времени каких бы то ни было музыкальных образовательных институтов и основательного изучения музыки, создавалась и развивается целая самобытная школа, как окончательно еще не заглохли все природные задатки в народе, – писал Веселовский. – У нас на 75 миллионов 2 консерватории и 2 музыкальных общества, что доселе все преподавание музыки и пения остается в руках иностранцев, что наши оркестры сплошь почти иноземные» [8. Кн. 7. С. 155]. Выступая против засилья всего иностранного, Веселовский призывал к развитию музыкального образования, к собиранию и изданию народных песен, к устройству и обеспечению быта музыкантов, к объединению их в организации.

Примечательно, но в 1850-е гг. в «Русском вестнике» печатался и будущий идеолог «Могучей кучки» В. В. Стасов. В частности, здесь в 1857 г. был опубликован его монографический очерк «Михаил Иванович Глинка», представлявший первое в отечественной литературе обстоятельное жизнеописание и характеристику творчества великого русского композитора, искусство которого рассматривалось автором с последовательно-патриотических позиций как символ могущества и полной самостоятельности русской музыки. Однако в начале 1860-х гг. сотрудничество Стасова в «Русском вестнике» прекратилось по причине, как представляется, разницы во взглядах на роль и задачи искусства. Стасов как сторонник социально ориентированного искусства во многом исходил из материалистической эстетики Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, тогда как другие авторы катковских изданий, и в первую очередь сам Катков, главную задачу искусства видели в представлении аудитории возвышенных идеалов, в формировании у читателя и зрителя чувства прекрасного. Предметом истинного искусства в их представлении должна быть «частица вечной истины, правящей миром и приводящей ко благу все, что в нем совершается», частица, от соприкосновения с которой «происходит светлое и радостное чувство, разливаемое искусством, в ней основа гармонии, отличающей произведения искусства от явлений действительной жизни» [9]. Они с настороженностью, а затем и с неприкрытой враждебностью встретили новаторские приемы представителей «новой русской музыкальной школы», в которых видели всего

лишь дилетантов от искусства, а в их стремлении выработать новые музыкальные формы – ничем не обоснованную попытку избавиться от классического наследия, от выработанных их предшественниками традиций отечественной музыки, стремление обеднить и упростить искусство, превратить его в предмет развлечения и услаждения праздной толпы.

В 1870-е гг. главную критическую силу, противостоящую творчеству «Могучей кучки композиторов» и их идейному вдохновителю В. В. Стасову, представлял ведущий музыкальный критик «Московских ведомостей», композитор и преподаватель Московской и Петербургской консерваторий Герман Августович Ларош (1845–1904), который по праву считался в те годы одним из самых талантливых музыкальных критиков России. Глубокое понимание искусства сочеталось в нем с широтой общекультурного кругозора и с определенно выраженной эстетической позицией, которую он последовательно защищал в своих печатных выступлениях. Известность и славу Г. А. Ларошу принесла первая же серьезная публикация – обширный труд «Глинка и его значение в музыке», увидевший свет в 1867–1868 гг. в «Русском вестнике». По мнению музыковедов, это исследование представляло собой новаторский по своей эрудиции и исторически прогрессивный опыт русского музыкознания и явилось лучшим, что было написано в XIX в. о вкладе Глинки в отечественное музыкальное искусство [10. Т. 2. С. 328–329]. Эта работа и сегодня считается одним из фундаментальных исследований по истории музыки, оказавшим значительное влияние на формирование музыкальной культуры русского общества и способствовавшим уяснению национального характера русской классической музыки.

Ларош сопоставил значение М. И. Глинки в отечественной музыке с ролью А. С. Пушкина в развитии русской литературы, и убедительно доказал, что композитор, восприняв и претворив различные элементы современной ему художественной культуры, достиг в своем творчестве огромного богатства, полноты содержания и совершенства художественного воплощения, положив таким образом начало мировому влиянию русской музыки. В наследии Глинки критик в первую очередь выделял «дух бодрости и отваги, дух радости и торжества» как воплощение «одной из основных черт нашей народности – выражение того смелого удалства, поэтическому возвеличению которого так часто бывают посвящены наши народные предания и сказки» [11. Кн. 10. С. 384].

М. Н. Катков, внимание которого в 1860-е гг. было сосредоточено на проблемах национальной политики и тех явлениях, которые составляют «непосредственное выражение народности и национальности» [12], несомненно, обратил внимание на молодого критика, который с этого момента стал постоянным автором его изданий. Журналисту не мог не imponировать консервативно-академический характер взглядов молодого композитора, который страстно защищал консерватории, как хранилища музыкальных традиций и технического мастерства, отстаивал возвращение к стилю классиков – нидерландских контрапунктистов, Моцарта, Баха, осуждал программное направление в музыке не только у представителей новой русской музыкальной школы, но и у Бетховена, которого ставил ниже Моцарта, и т.п.

Так, в статье «Мысли о музыкальном образовании в России», опубликованной в «Русском вестнике» в 1869 г., Ларош энергично отстаивал контрапунктную систему в качестве основания отечественного музыкального образования. Заранее предвидя упреки в педагогическом педантизме и отсталости, он подчеркивал, что в результате отказа от традиционных методов преподавания появилось «поколение композиторов, воспитанных в презрении великого прошлого музыки, в незнании истории, в неумении писать вокальные партии, в безвольном оригинальничаньи, в тщеславном невежестве» [13. Кн. 7. С. 68]. Критик запальчиво и эмоционально обращался к противникам контрапунктной школы и, называя их «рьяными прогрессистами в музыке» и «музыкальными либералами», прямо и недвусмысленно обвинял их в том, что они, прикрываясь «обманчивой наружностью прогрессивного либерализма», «в современном искусстве признают только то, в чем видят борьбу его со старым, новые пути, новые формы; <...> не допускают авторитетов, проповедуют разрыв с преданием» [13. Кн. 7. С. 67].

Содержащиеся в этой и других статьях Лароша указания на недопустимость поверхностного отношения к искусству, на непозволительность отказа от традиций и авторитетов, от исторических основ в преподавании музыки в целом соответствовали отстаиваемой Катковым теории «разумного консерватизма», его заявлениям о необходимости вдумчивого и уважительного отношения к традициям и опыту прошлого. Длительному сотрудничеству композитора в катковских изданиях способствовали и его весьма консервативные общественно-политические взгляды, вполне соответствующие политической про-

грамме «Московских ведомостей». «Фритредер, юдо-, финн-, ляхофил (что не мешало также ему быть и русофилом), противник смертной казни, ненавистник войны, сторонник безусловного равноправия, безусловной свободы веры, убеждений, гласности, – писал о Лароше хорошо его знавший М. И. Чайковский (они вместе обучались в Петербургской консерватории), – он тем не менее никогда, даже в молодости, не примыкал к деятельным революционерам... Ларош не только стоял в стороне от так называемых нигилистов 60-х гг., но не общался даже и с не столь крайними либералами “Санкт-Петербургских ведомостей”, “Русского слова” и “Отечественных записок”» [14. Т. 1. С. 22–23].

Поклонник классического искусства и консерваторского просвещения, Ларош относился с большим недоверием к новейшей музыке, видел в ней явные симптомы упадка, а в ее сторонниках – разрушителей музыкальной эстетики. Он с нескрываемым раздражением писал о «псевдомузыкальном», «псевдоноваторском» направлении Балакирева, Мусоргского и других «кучкистов», эстетическую платформу которых он абсолютно не принимал. Новой русской музыкальной школе и новаторским исканиям композиторов «Могучей кучки» он противопоставлял творчество П. И. Чайковского, в котором видел единственного современного русского «настоящего» композитора, которым «может гордиться современная Россия перед Западной Европой». В то время как Стасов, по мнению которого подлинными носителями национальности в музыке являлись лишь представители Балакиревского кружка, а консерваторское обучение исключительно пагубно сказывалось на таланте и врожденных дарованиях, упрекал Чайковского в «эклектизме», в «неразборчивом многописании», Ларош на примере творчества последнего широко развернул идею доходчивости, общедоступности музыки, основанной на устоявшихся традициях как мировой, так и отечественной музыкальной школы.

Статьи Лароша отличались блестящим литературным стилем, точностью формулировок и в то же время – изрядной резкостью суждений, тонкой иронией и язвительностью, которые критик решительно пускал в ход, когда подмечал слабые стороны творческих теорий и творческой практики участников Балакиревского кружка, в которых, по его мнению, «эстетическое пресыщение» соединилось с «узостью воззрений» и которые «при сомнительной подготовке и силах, не превышающих посредственности», взялись «перестраивать все здание музыки» [15]. Остроумно и метко Ларош указывал на крайности му-

зыкальных воззрений «кучкистов»: фанатическую боязнь «банального» и нередко ничем не обоснованную «погоню за оригинальностью», «страсть к вычурам и курьезам», презрение к традиционным музыкальным вкусам, черты нигилизма в отношении классического наследия и традиционного профессионального образования. Он запальчиво и эмоционально называл своих противников «рьяными прогрессистами в музыке», «музыкальными либералами» и недвусмысленно обвинял их в отказе от отечественных музыкальных традиций и пренебрежении к авторитетам, уподобляя их новаторские искания нигилизму. «У нас хотят чего-то нового, небывалого: у нас признали, что все оперное искусство, бывшее до сих пор, чуждо “жизненной правды”, и что полная жизненная правда в опере должна привести к совершенно новым формам, к новому способу сочинения» [16], – писал Ларош в 1873 г. в связи с постановкой на петербургской сцене оперы «Каменный гость» А. С. Даргомыжского, над завершением которой после смерти композитора в 1869 г. работали Кюи и Римский-Корсаков.

Критик «Московских ведомостей» увидел в новом произведении лишь «пеструю мозаику», «необузданную роскошь и хаотическую пестроту» звуков и остроумно сравнивал его с «нескончаемо длинным обедом, в котором каждое блюдо приготовлено со жгучими пряностями» [16]. «От блюд, впрочем, можно отказаться, но не слышать музыки нельзя, если не уйти из театра, – с нескрываемой иронией резюмировал Ларош свои впечатления от постановки, добавляя, что «так как вся опера написана речитативом, так как гармония модулирует и диссонирует в каждом такте, постоянно тревожа и обманывая слух, то как целое, несмотря на сверкающую пестроту деталей, “Каменный гость” невероятно однообразен» [16].

Но едва ли не главным объектом нападок Лароша был Мусоргский, которого критик в своих статьях желчно уподоблял то ловкому маляру, на полотне которого «в неживописном беспорядке громоздится куча фигур, лиц, рук и ног, намалеванных самым ярким образом, пестреющих и режущих глаза, “бьющих в нос” и производящих действие стихийное, материальное», то дикарю-островитянину, поражающему цивилизованного человека «своим фантастическим видом, перьями и татуировкой», у которого «для осуществления его замыслов нет ничего, кроме природной силы и молодчества» [17]. Критик «Московских ведомостей» не мог простить Мусоргскому слишком

вольного обращения с классикой, в первую очередь, с трагедией Пушкина «Борис Годунов», замысел которого, по его мнению, композитор «упростил и удешевил», пройдясь по тексту произведения с «цензорским карандашом современного реалиста». Этот реалист, «напоминающий нам тип, хорошо известный в нашей современной литературе, – писал Ларош о Мусоргском. – Бойкое перо и отсутствие элементарных знаний, стремление обновить искусство, средства и памятники которого ему неизвестны, обилие отрицания и полная зависимость от того, что отрицается, претензия на самобытную силу и частая подражательность, главное же – самоуверенность первобытного человека; вот черты, которые в нашей литературе возбуждали, наряду с отвращением и противодействием, сочувствие и даже поклонение» [17]. Ларош предлагал современным композиторам обратиться к упорному, всестороннему и глубокому изучению классического музыкального наследия.

Вместе с тем Ларошу отнюдь не были свойственны «музыкальный фанатизм», пристрастность и излишняя тенденциозность, и в своих оценках он, как правило, всегда оставался весьма объективен и искренен. Зачастую он достаточно резко высказывался по поводу тех или иных сочинений столь любимого им Чайковского и в то же время мог с одобрением откликнуться на новаторскую постановку «Снегурочки» «кучкиста» Римского-Корсакова, которого оценивал очень высоко и как композитора, и как профессора, и как общественного деятеля. «Мне не хотелось и не хочется, чтобы Римский-Корсаков обратился на путь истинный. Мне кажется, что нам, консерваторам, он не ко двору. Он имеет все данные для превосходного еретика и весьма немногие – для правоверного», – писал Ларош, обнаруживая не только терпимость к не разделяемому им самим направлению современной музыки, но и умение увидеть и оценить его новаторскую сущность [18. Кн. 10. С. 876]. Критик откровенно признавался, что ему всегда «приятнее вид вагнериста или балакиревиста, чувствующего себя на просторе и работающего рукой уверенною, чем последователя Баха и Гайдна, идущего ощупью ради ученого эксперимента» [18. Кн. 10. С. 877].

Чуткость и понимание истинных произведений искусства, эрудиция, блестящий литературный стиль, необыкновенная легкость и пластичность языка, благодаря чему его статьи, несмотря на специальные музыкальные термины, были понятны, доступны и интересны читате-

лю, даже мало знакомому с музыкальной спецификой, – все эти черты сделали многочисленные выступления Лароша в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» серьезным вкладом в развитие отечественной музыкальной критики.

Выступления Лароша были направлены не только против Стасова, но и против молодых публицистов демократических «Отечественных записок» и «Дела», которых он упрекал в пренебрежении традициями отечественной и зарубежной культуры и литературы, в отрицании принципа постепенности исторического развития и стремлении насильно навязать искусству новые законы. Подчеркивая, что новому поколению лишь «кажется, что оно покончило не только с предрассудками отечественной старины, но и со всеми устарелыми заблуждениями Западной Европы, которое мнит, что оно стоит на пьедестале всех исторических веков и с него озирает все язвы современной культуры», Ларош не без оснований делал вывод, что результатом отрицания «под знаменем прогресса и свободы» становится лишь смена одних авторитетов другими, и сам нигилизм превратился в «курьезный образчик умственного самодурства и умственного пассивного подчинения» [19. Кн. 7. С. 367–368].

К сожалению, критик был мало приспособлен к газетной работе, его тяготила необходимость писать регулярно и к определенному сроку, тогда как газета нуждалась в оперативных и систематических откликах на актуальные события в мире искусства. «Ларош положительно не в состоянии посылать Вам таковые (музыкальные корреспонденции – *Е.П.*) аккуратно, – писал Каткову представитель его изданий в Петербурге Б. М. Маркевич осенью 1874 г., – <...> с ним, как говорится, пива не сварить – он какой-то неуловимый, выскальзывающий, неустойчивый» [20. С. 46–47].

В середине 1870-х гг. Лароша сменил Феофил Матвеевич Толстой (1809–1881), высокопоставленный чиновник министерства народного просвещения, профессионально увлекающийся музыкой, автор более двухсот романсов и опер. Как композитор он не имел серьезного успеха, но заслужил признание читателей в роли музыкального критика, хотя и уступал Ларошу в части оригинальности суждений. Его музыкальные предпочтения, также в значительной степени сформировавшиеся под влиянием Глинки, с которым они были очень дружны, во многом совпадали с музыкальными пристрастиями Лароша, благодаря чему, несмотря на смену автора, сохранилась преемственность направления музыкаль-

ной критики «Московских ведомостей». «Он беллетрист неважный, но по части музыки одних мнений с Ларошем – сиречь здравым – и пишет бойко и приличным языком», – рекомендовал его Каткову Маркевич [20. С. 46–47]. И хотя от представителей демократической и либеральной печати Ф. М. Толстой заслужил обвинения в доктринерстве, недооценке русской музыки и ограниченности суждений, однако нельзя не признать, что его публикации во многом способствовали популяризации отечественной классической музыки.

Под псевдонимом «Ростислав» он регулярно помещал в «Московских ведомостях» музыкальные корреспонденции, в которых умно и толково, хотя и в довольно своеобразной, иронической манере писал о новостях культурной жизни северной столицы. О композиторах «Могучей кучки», которая к концу 1870-х гг. как единое творческое объединение перестала существовать, но ее участники продолжали активно работать, он почти всегда отзывался крайне негативно. Само название «Могучая кучка» в его публикациях звучало как злая ирония, а входивших в нее композиторов он называл «самонадеянными самоучками», «псевдоноваторами» и т.п. Как и его предшественник, он с нескрываемым раздражением писал о Мусоргском, в котором видел талантливого, но «крайне невежественного неуча», а в его музыке – «какафоническое» «преднамеренное сочетание фальшивых звуков, в которых нет ни смысла, ни значения» [21].

Не только эстетическая концепция Стасова, но и его личные качества подвергались Толстым резкой критике. С возмущением он писал о публикации Стасовым в журнале «Русская старина» записок Глинки и писем к друзьям и родным покойного Даргомыжского, которые содержали весьма интимные подробности и явно не предназначались к печати. Факт предания гласности личной переписки известных лиц, уже ушедших из жизни, Толстой трактовал не просто как неуважение к памяти Глинки и Даргомыжского, но и как проявление бестактности и неделикатности, как желание Стасова усилить свое влияние на аудиторию путем использования подобного рода приемов. «В. В. Стасов <...> поистине замечательная в своем роде личность, – писал Толстой. – Не владея ни кистью, ни резцом, не будучи, сколько известно, ни певцом, ни виртуозом, ни композитором, он судит и рядит свысока и о живописи, и о скульптуре, и о музыке, произнося безапелляционные приговоры по всем отраслям искусства» [22].

Творчество «кучкистов» критик «Московских ведомостей» сопоставлял с сочинениями писателей школы Чернышевского, в первую очередь, с натуралистическими очерками Ф. М. Решетникова, поскольку, по его мнению, и те и другие были всего лишь «самонадеянные самоучки», не только не знакомые с основами искусства, но еще и гордящиеся своим невежеством и возводящие его в абсолют. «Решетников рассказывает влать, как старушка накормила девушку киселем с разбухшими тараканами, а наши музыкальные новаторы угощают слушателей раздирающей какофонией под предлогом, что поет или, лучше сказать, завывает какая-нибудь бестолковая баба или неграмотная девчонка-нищенка», – с негодованием и брезгливостью писал Толстой о творческой «неопрятности» и «неряшливости» «кофифеев новаторского музыкального нашего кружка» [23].

По мнению критика, лишь основательное музыкальное образование по классическим источникам, получаемое в консерватории, может сделать из даровитого музыканта настоящего творца. «Вдохновение дается свыше; никакая музыкальная наука не может, конечно, образовать вдохновенного мелодиста, – писал критик, – но ученик, изучивший основательно контрапункт, гармонию и правильное ведение голосов и оркестровых партий, всегда сумеет *оформить* (курсив автора – Е. П.) свою мысль лучше, чем самый даровитый неуч. Не подлежит сомнению, что рутина и застой вредны для искусства, но открывать новые для него стези может только композитор, изучивший основательно произведения образцовых писателей, иначе выйдет только нечто в роде какофонических пьес г. Мусоргского» [24]. Единственным представителем «кучкистов», для которого Толстой, как и Ларош, делал исключение, был Римский-Корсаков, в творчестве которого он время от времени находил «поэтические музыкальные картины», как, к примеру, в пьесе «Садко», составившей впоследствии основу одноименной оперы [21].

«Новой русской музыкальной школе» авторы «Московских ведомостей» противопоставляли деятельность Русского музыкального общества, Петербургской и Московской консерваторий, педагогическую деятельность выдающегося российского преподавателя музыки и директора столичной консерватории Н. И. Зарембы, творчество композитора, дирижера и блестящего виртуоза-исполнителя А. Г. Рубинштейна, которого называли одним из самых выдающихся музыкантов современности и в музыке которого видели «капитальное зна-

чение» для русского музыкального искусства, ценя ее за «мелодичность, гармоническую чистоту, научную разработку музыкальных мыслей и оформленность» [25]. Как о выдающемся событии в мире искусства газета писала об «Исторических концертах» Рубинштейна зимой 1885–1886 гг., когда за один сезон в Москве и Петербурге знаменитый музыкант с огромным успехом наизусть переиграл сотни лучших фортепианных произведений композиторов XVI, XVII, XVIII и XIX столетий, вызвав восхищение и признание соотечественников.

В некоторых российских изданиях успех Рубинштейна был воспринят с изрядной долей иронии, звучали даже намеки на корыстные намерения музыканта и его стремление заработать на интересе слушателей к историческому наследию. Так, фельетонист «Русских ведомостей» И. Ф. Василевский, печатавшийся под псевдонимом «Буква», недвусмысленно дал понять, что концерты стали для знаменитого музыканта лишь средством быстрого заработка, *музыкальным предприятием*, затеянным по образцу чисто американских предприятий и по принципу «время – деньги». «План исторических концертов задуман по правилам стратегического плана: стремительность и натиск лежат в его основе, – с иронией писал фельетонист петербургской газеты. – Он оригинален и остроумен. Четыре века в четыре недели и приподнятая контрибуция с обеих столиц за чисто *фельдьегерское* житье в вагоне. Так много еще неутомимости и молодости в великом пианисте» [26]. Более того, будучи одновременно еще и редактором юмористического еженедельника «Стрекоза», Василевский на обложке его пятого номера за 1886 г. разместил крайне некорректную карикатуру на Рубинштейна, на которой гениальный пианист был изображен буквально разрывающимся между двумя российскими столицами: в концертном фраке, с развевающимися волосами, он восседает верхом на паровозе, судорожно колотя неестественно длинными руками и ногами по находящимся по обе стороны железнодорожных путей роялям, один из которых установлен в Москве, а другой – в Санкт-Петербурге.

«Московские ведомости», напротив, поддержали музыканта, которого считали «если не единственным, то наиболее деятельным носителем воззрений на искусство, установившихся между великими музыкантами прошедшего и начала нынешнего столетия», «наиболее компетентным посредником между великою эпохою и современным поколением» [27]. В ответ на попытку Василевского представить про-

ект выдающегося пианиста и популяризатора классической музыки как всего лишь как «ловкую аферу на американский лад с целью быстро заработать деньги» музыкальный обозреватель «Московских ведомостей» С. В. Флеров остроумно сравнил своего петербургского коллегу с персонажем древнегреческих мифов – всеми презируемым крикуном Терситом¹, уличив его не только в эстетическом и литературном цинизме, но и в пренебрежении фактами, в неточностях и элементарных ошибках: «Петербургский борзописец не дает себе даже труда справиться о том, сколько времени в действительности займут исторические концерты Рубинштейна, и с фельетонной развязностью говорит про четыре недели, тогда как этих недель будет семь, – ехидно писал автор «Московских ведомостей». – Он ни одним словом не упоминает про то, что знаменитый пианист безвозмездно повторяет каждый свой концерт для учащихся и учащихся, сам платя за наем помещения для этих даровитых повторений. Какое дело фельетонисту до этого? Ему важно было лишь упомянуть о контрибуции» и т.д. Отдавая дань уважения выдающемуся исполнителю, автор «Московских ведомостей» назвал его «Исторические концерты» «художественным подвигом, одиноко и беспримерно стоящим в истории искусства» [28].

Обсуждение и горячие споры в печати вокруг творчества «Могучей кучки» и новаторских тенденций в русской музыке отразили рост интереса русского образованного общества к национальному музыкальному искусству, к тенденциям и перспективам его развития в пореформенный период. Широкий общественный резонанс этой полемики свидетельствовал о возросшем уровне отечественной музыкальной культуры и музыкальных вкусов русской публики, ее заинтересованности в судьбах русской музыки. Дискуссии по вопросам эстетики в то же время служили зеркалом дискуссий политических, своего рода барометром политических настроений российской интеллигенции и демонстрировали усиливающееся размежевание по политическому признаку как русского образованного общества в целом, так и российской печати в частности.

Политический консерватизм «Московских ведомостей» и «Русского вестника», их традиционализм и настороженное отношение к лю-

¹ Терсит (Ферсит, др.-греч. Θερσίτης «дерзкий») – персонаж древнегреческой мифологии. Согласно Гомеру, самый уродливый, злоречивый и дерзкий из греков, бывших под Троей, неугомонный крикун, которого Одиссей при всеобщем одобрении ударил жезлом за оскорбление, нанесенное на словах Агамемнону.

бым попыткам внести изменения в существующий миропорядок – все это отчетливо проявлялись и в их эстетической программе, в том числе и в музыкальной критике. Авторы этих изданий искренне отстаивали принцип преемственности в отечественном музыкальном искусстве, указывали на непозволительность отказываться от его исторических основ и традиций, заявляли о необходимости вдумчивого и уважительного отношения к опыту прошлого. Они справедливо указывали на крайности музыкальных воззрений «кучкистов»: фанатическую боязнь «банального» и нередко ничем не обоснованную «погоню за оригинальностью», демонстративный отказ от авторитетов и пренебрежение к традиционным музыкальным вкусам. Их критика присущего «кучкистам» пренебрежительного отношения к классическому наследию, к консерваторскому образованию, к историческим основам преподавания музыки была вполне обоснованной.

В заслугу консервативным публицистам можно поставить пропаганду классической музыки, в первую очередь творчества М. И. Глинки и П. И. Чайковского, просветительской деятельности композитора и музыканта А. Г. Рубинштейна, попытки защитить свободу художника от социальных и политических установок. Опора на классическое наследие позволяла Г. А. Ларошу, Ф. М. Толстому, С. В. Флерову и др. глубоко проникать в смысл произведений искусства, уделять больше внимания заключенному в них сокровенному замыслу авторов. Безусловно, в своих выступлениях они не смогли избежать субъективности и пристрастности, а зачастую и предвзятого отношения к представителям «новой русской музыкальной школы», но вместе с тем их нельзя упрекнуть в косности и догматической приверженности к классике, в отрицании всего нового, что несла в себе музыка композиторов «Могучей кучки». Их идейно-эстетическая позиция объяснялась отнюдь не узостью взглядов и ограниченностью музыкального кругозора, не рутинностью и инертностью мышления, а абсолютно искренним стремлением защитить классическое музыкальное наследие, продемонстрировать его жизнеспособность и современность. Полемика в прессе 1860–1880-х гг. вокруг новаторских тенденций современной музыки и участие в ней консервативной печати с ее глубоко уважительным отношением к классике и критическим подходом к творческим исканиям композиторов Балакиревского кружка позволили выявить крайности, присущие воззрениям «кучкистов» на искусство, сильные и слабые стороны их творческой практики.

Литература

1. Зиннуров Ф. К. Эстетические воззрения В. В. Стасова : дис. ... канд. филос. наук. М., 1953.
2. Ильина Л. В. Проблема национальной самобытности искусства в эстетике В. В. Стасова : дис. ... канд. филос. наук. М., 2004.
3. Каренин В. Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л. : Мысль, 1927.
4. Лебедев А. К. Владимир Васильевич Стасов. 1824–1906. М. ; Л. : Искусство, 1948.
5. Стефанович В. Н. В. В. Стасов (1824–1906: Очерк библиотечной деятельности). М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1956.
6. Перевалова Е. В. «Журналистика здравого смысла»: М. Н. Катков и его издания // ПРИНТМЕДИА: традиции, инновации, перспективы : сб. науч. трудов. М. : Московский Политех, 2019. Вып. 2. С. 142–163.
7. Передовая статья // Московские ведомости. 1884. 12 янв. № 12.
8. Веселовский А. Н. Музыка у славян // Русский вестник. 1866. Кн. 7. С. 155.
9. *** <Флеров С. В.> Итоги передвижной выставки // Московские ведомости. 1886. 15 мая. № 132.
10. Кремлев Ю. А. Русская мысль о музыке : в 3 т. Л. : Гос. муз. изд-во, 1954–1960. Т. 2.
11. Ларош Г. А. Глинка и его значение в истории музыки // Русский вестник. 1868. Кн. 10. С. 327–426.
12. Передовая статья // Московские ведомости. 1867. 4 авг. № 170.
13. Ларош Г. А. Мысли о музыкальном образовании в России // Русский вестник. 1869. Кн. 7. С. 44–74.
14. Чайковский М. Герман Августович Ларош // Ларош Г. А. Собрание музыкально-критических статей : в 2 т. М., 1913.
15. Ларош Г. А. Музыкальные письма из Петербурга // Московские ведомости. 1873. 1 февр. № 28.
16. Ларош Г. А. Музыкальные письма из Петербурга // Московские ведомости. 1873. 29 янв. № 25.
17. Ларош Г. А. Музыкальные письма из Петербурга // Московские ведомости. 1874. 25 февр. № 49.
18. Ларош Г. А. Новая опера молодой русской школы // Русский вестник. 1885. Кн. 10. С. 872–890.
19. Л.Н. <Ларош Г.А.> Заметки // Русский вестник. 1870. Кн. 7. С. 367–368.
20. Маркевич Б. М. Письмо М. Н. Каткову. Санкт-Петербург. 5 октября 1874 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 33. Л. 46–47.

21. Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // Московские ведомости. 1875. 1 апр. № 83.

22. Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (Несколько слов о покойном А. С. Даргомыжском по поводу интимной его корреспонденции, сообщенной в «Русскую старину» г. Стасовым) // Московские ведомости. 1875. 29 июня. № 164.

23. Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // Московские ведомости. 1875. 16 июня. № 151.

24. Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре) // Московские ведомости. 1875. 9 июня. № 144.

25. Ростислав <Толстой Ф.М.> Петербургские письма (о музыке и театре). Письмо I // Московские ведомости. 1875. 21 янв. № 19.

26. Буква <Василевский И. Ф.> Петербургские наброски // Русские ведомости. 1886. 15 янв. № 15.

27. Н.Г. Исторические концерты А. Г. Рубинштейна // Московские ведомости. 1886. 13 янв. № 13.

28. IGNOTUS <Флеров С.В.>. Искусство и фельетон // Московские ведомости. 1886. 18 янв. № 18.

The Works of the “Mighty Handful” of Composers in the Evaluations of the Conservative Press of the 1860s–1880s (On the Materials of the Newspaper *Moskovskie Vedomosti* and the Magazine *Russkiy Vestnik*)

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2020. 8. pp. 117–135

Yelena V. Perevalova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: helenpv@yandex.ru

DOI: 10.17223/26188422/8/8

Keywords: Mighty Handful, *Moskovskie Vedomosti*, *Russkiy Vestnik*, Vladimir Stasov, Herman Laroche, Feofil Tolstoy, Sergey Flerov, conservatism, music criticism.

The article analyzes the publications of the conservative press of the 1860s–1880s (the newspaper *Moskovskie Vedomosti* and the magazine *Russkiy Vestnik*) devoted to the innovative work of the composers of the Mighty Handful – the Balakirev Circle formed in St. Petersburg in the late 1850s and early 1860s. The members of the Mighty Handful – Mily Balakirev, Modest Mussorgsky, Alexander Borodin, Nikolai Rimsky-Korsakov, and César Cui – opposed academic routine and sought new forms of musical art. It is revealed that the political conservatism of *Moskovskie Vedomosti* and *Russkiy Vestnik*, their traditionalist attitude and vigilance to any attempts to introduce changes into the existing world order were also implemented in their aesthetic program. The article examines the publications of the leading music critics of *Moskovskie Vedomosti* and *Russkiy Vestnik*: Herman Laroche, Feofil Tolstoy, and Sergey Flerov. These authors actively polemized with the members of the Balakirev Circle and with Vladimir Stasov, their inspirer and main ideologist. The critics rightly pointed out the extremes of the musical views of the Mighty Handful: the fanatical fear of the “banal”, the often

groundless “pursuit of originality”, the demonstrative rejection of authority and disregard for traditional musical tastes, features of nihilism in relation to the classical heritage and traditional professional music education. In contrast to the composers of the Mighty Handful, in their articles, the conservative authors actively promoted classical music, first of all, the works of Mikhail Glinka and Pyotr Tchaikovsky, the educational activities of the composer and musician Anton Rubinstein, defended the artist's freedom from social and political attitudes. It is concluded that the main ideas of the performances of the music critics of *Moskovskie Vedomosti* and *Russkiy Vestnik* corresponded to the theory of “reasonable conservatism” defended in these publications and, despite their inherent subjectivity of evaluations and partiality, had nothing to do with stagnation and dogmatic adherence to the classics, to the denial of everything new that the music of the Mighty Handful presented. The debate in the press of the 1860s–1880s around the innovative trends of contemporary music and the involvement of the conservative press, with its approach deeply respectful of the classics and critical to the creative aspirations of the composers of the Balakirev Circle, helped to identify the extremes inherent in the views of the Mighty Handful on art, the strengths and weaknesses of their creative practice.

References

1. Zinnurov, F.K. (1953) *Esteticheskie vozzreniya V. V. Stasova* [Aesthetic views of VV Stasov]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
2. Il'ina, L.V. (2004) *Problema natsional'noy samobytnosti iskusstva v estetike V. V. Stasova* [The problem of national originality of art in V.V. Stasov's aesthetics]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
3. Karenin, V. (1927) *Vladimir Stasov. Ocherk ego zhizni i deyatel'nosti* [Vladimir Stasov. An Essay of His Life and Work]. Leningrad: Mysl'.
4. Lebedev, A.K. (1948) *Vladimir Vasil'evich Stasov. 1824–1906* [Vladimir Stasov. 1824–1906]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo.
5. Stefanovich, V.N. (1956) *V. V. Stasov (1824–1906: Ocherk bibliotechnoy deyatel'nosti)* [V.V. Stasov (1824–1906: Essay on library activities)]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.
6. Perevalova, E.V. (2019) “Journalism of common sense”: M.N. Katkov and his editions. In: *PRINTMEDIA: traditsii, innovatsii, perspektivy* [PRINTMEDIA: traditions, innovations, prospects]. Vol. 2. Moscow: Moskovskiy Politekh. pp. 142–163. (In Russian).
7. *Moskovskie vedomosti*. (1884) *Peredovaya stat'ya* [The Editorial]. 12. 12 January.
8. Veselovskiy, A.N. (1866) *Muzyka u slavyan* [Music among the Slavs]. *Russkiy vestnik*. 7. p. 155.
9. *** <Flerov, S.V.>. (1886) *Itogi peredvizhnoy vystavki* [Results of the traveling exhibition]. *Moskovskie vedomosti*. 132. 15 May.
10. Kremlev, Yu.A. (1958) *Russkaya mysl' o muzyke. V 3 tt.* [Russian Thought about Music. In 3 Vols]. Vol. 2. Leningrad: Gos. muz. izd-vo.

11. Laroche, H.A. (1868) Glinka i ego znachenie v istorii muzyki [Glinka and his role in the history of music]. *Russkiy vestnik*. 10. pp. 327–426.
12. *Moskovskie vedomosti*. (1867) Peredovaya stat'ya [The Editorial]. 170. 04 August.
13. Laroche, H.A. (1869) Mysli o muzykal'nom obrazovanii v Rossii [Thoughts on musical education in Russia]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 44–74.
14. Chaykovskiy, M. (1913) German Avgustovich Larosh [Herman Laroche]. In: Laroche, H.A. *Sobranie muzykal'no-kriticheskikh statey. V 2 t.* [Collection of Musical Critical Articles. In 2 Vols]. Vol. 1. Moscow: O-vo "Muz.-teoret. b-ka v Moskve".
15. Laroche, H.A. (1873a) Muzykal'nye pis'ma iz Peterburga [Musical letters from Petersburg]. *Moskovskie vedomosti*. 28. 01 February.
16. Laroche, H.A. (1873b) Muzykal'nye pis'ma iz Peterburga [Musical letters from Petersburg]. *Moskovskie vedomosti*. 25. 29 January.
17. Laroche, H.A. (1874) Muzykal'nye pis'ma iz Peterburga [Musical letters from Petersburg]. *Moskovskie vedomosti*. 49. 25 February.
18. Laroche, H.A. (1885) Novaya opera molodoy russkoy shkoly [The new opera of the young Russian school]. *Russkiy vestnik*. 10. pp. 872–890.
19. L.N. <Laroche, H.A.>. (1870) Zametki [Notes]. *Russkiy vestnik*. 7. pp. 367–368.
20. Manuscript Division of the Russian State Library. Fund 120. Box 33. Pages 46–47. Markevich, B.M. (1874) *Pis'mo M. N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 5 oktyabrya 1874 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. October 5, 1874].
21. Rostislav <Tolstoy, F.M.>. (1875a) Peterburgskie pis'ma (o muzyke i teatre) [Petersburg letters (about music and theater)]. *Moskovskie vedomosti*. 83. 01 April.
22. Rostislav <Tolstoy, F.M.>. (1875b) Peterburgskie pis'ma (Neskol'ko slov o pokoynom A. S. Dargomyzhskom po povodu intimnoy ego korrespondentsii, soobshchennoy v "Russkuyu starinu" g. Stasovym) [Petersburg letters (A few words on the late A.S. Dargomyzhsky about his intimate correspondence reported to Russkaya Starina by Stasov)]. *Moskovskie vedomosti*. 164. 29 June.
23. Rostislav <Tolstoy, F.M.>. (1875c) Peterburgskie pis'ma (o muzyke i teatre) [Petersburg letters (about music and theater)]. *Moskovskie vedomosti*. 151. 16 June.
24. Rostislav <Tolstoy, F.M.>. (1875d) Peterburgskie pis'ma (o muzyke i teatre) [Petersburg letters (about music and theater)]. *Moskovskie vedomosti*. 144. 09 June.
25. Rostislav <Tolstoy, F.M.>. (1875e) Peterburgskie pis'ma (o muzyke i teatre). Pis'mo I [Petersburg letters (about music and theater). Letter I]. *Moskovskie vedomosti*. 19. 21 January.
26. Bukva <Vasilevskiy, I. F.>. (1886) Peterburgskie nabroski [Petersburg sketches]. *Russkie vedomosti*. 15. 15 January.
27. N.G. (1886) Istoricheskie kontserty A. G. Rubinshteyna [Historical concerts of A.G. Rubinstein]. *Moskovskie vedomosti*. 13. 13 January.
28. IGNOTUS <Flerov, S.V.>. (1886) Iskustvo i fel'eton [Art and feuilleton]. *Moskovskie vedomosti*. 18. 18 January.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙБАТЫРОВА Наиля Мунировна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Астраханского государственного университета. E-mail: aulova83@mail.ru

БЕШКАРЕВ Алексей Александрович – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: beshi@mail.ru

ГОРДИЕНКО Вера Александровна – студ. факультета журналистики Томского государственного университета. E-mail: vgrdienko@gmail.com

ЕРШОВ Юрий Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе. E-mail: er4ov@sev.msu.ru

ЖИЛЯКОВА Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета. E-mail: retama@yandex.ru

МЕДВЕДЕВА Арина Ринатовна – ассистент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета. E-mail: arinamka@gmail.com

ПЕРЕВАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М. Ф. Ненашева Московского политехнического университета. E-mail: helenpv@yandex.ru

ТУЛУПОВ Владимир Васильевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета. E-mail: vlvtul@mail.ru

ISLAM Md. Aminul – adjunct faculty at the Department of Media Studies and Journalism, University of Liberal Arts Bangladesh. E-mail: aminul.islam@ulab.edu.bd

QUARMAL Sarkar Barbaq – PhD, assistant professor at the Department of Media Studies and Journalism, University of Liberal Arts Bangladesh. E-mail: sarkar.barbaq@ulab.edu.bd

От редакции

Научный журнал «Вопросы журналистики» выходит с периодичностью два раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–76394 от 26 июля 2019 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2618–8422).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/journalism>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/journalism>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет журналистики.

Тел./факс 8 (3822) 51–27–90

Ответственный секретарь редакции журнала – П. П. Каминский

E-mail: kelagast@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

Russian Journal of Media Studies

2020. № 8

Редактор К.Г. Шилько
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки В.А. Вершинина

Подписано в печать 20.12.2020 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.

Печ. л. 8,7; усл. печ. л. 8,1.

Бумага для офисной техники. Цена свободная.

Тираж 500 экз. Заказ № .

Дата выхода в свет 24 декабря 2020 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49